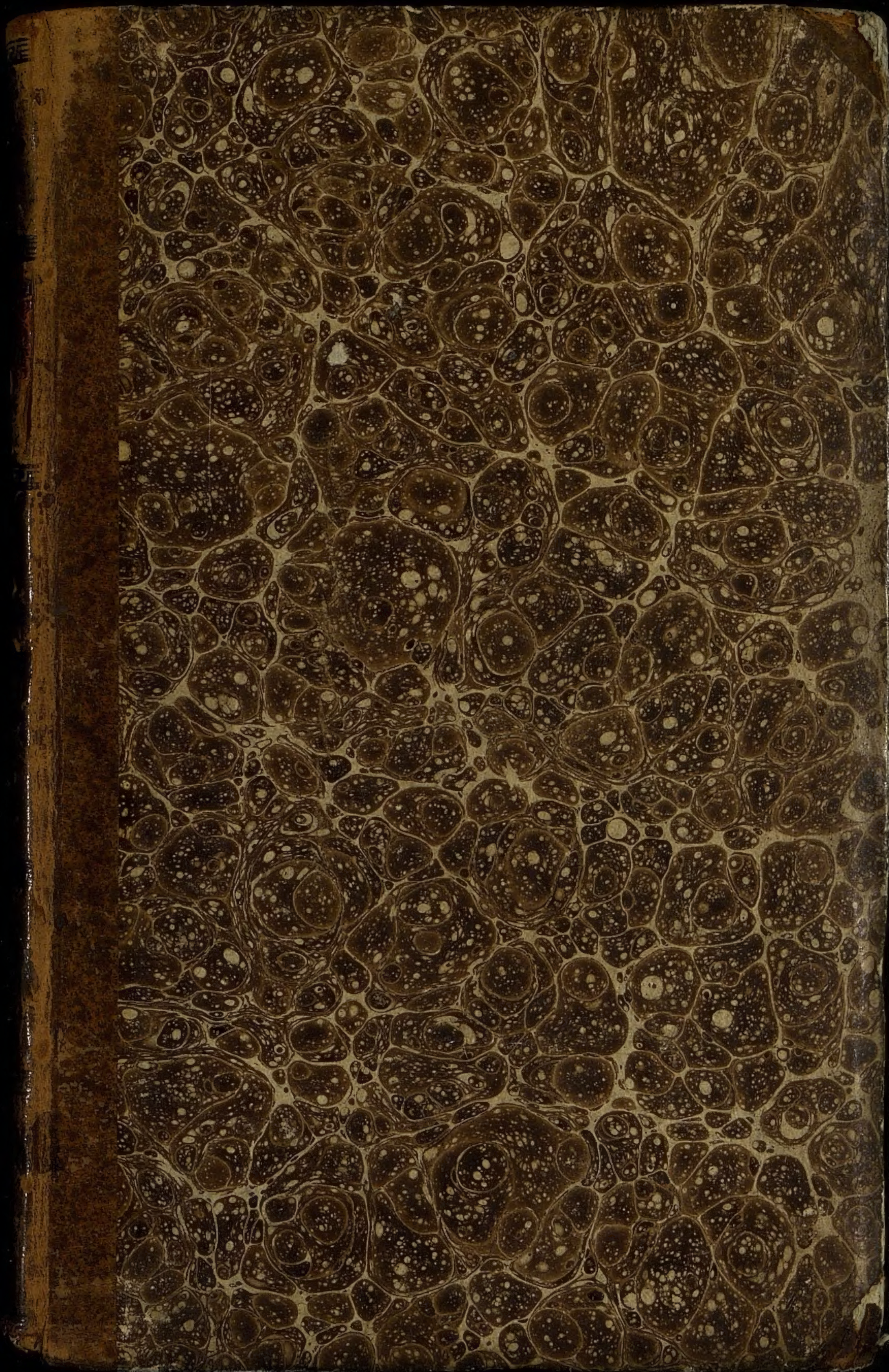
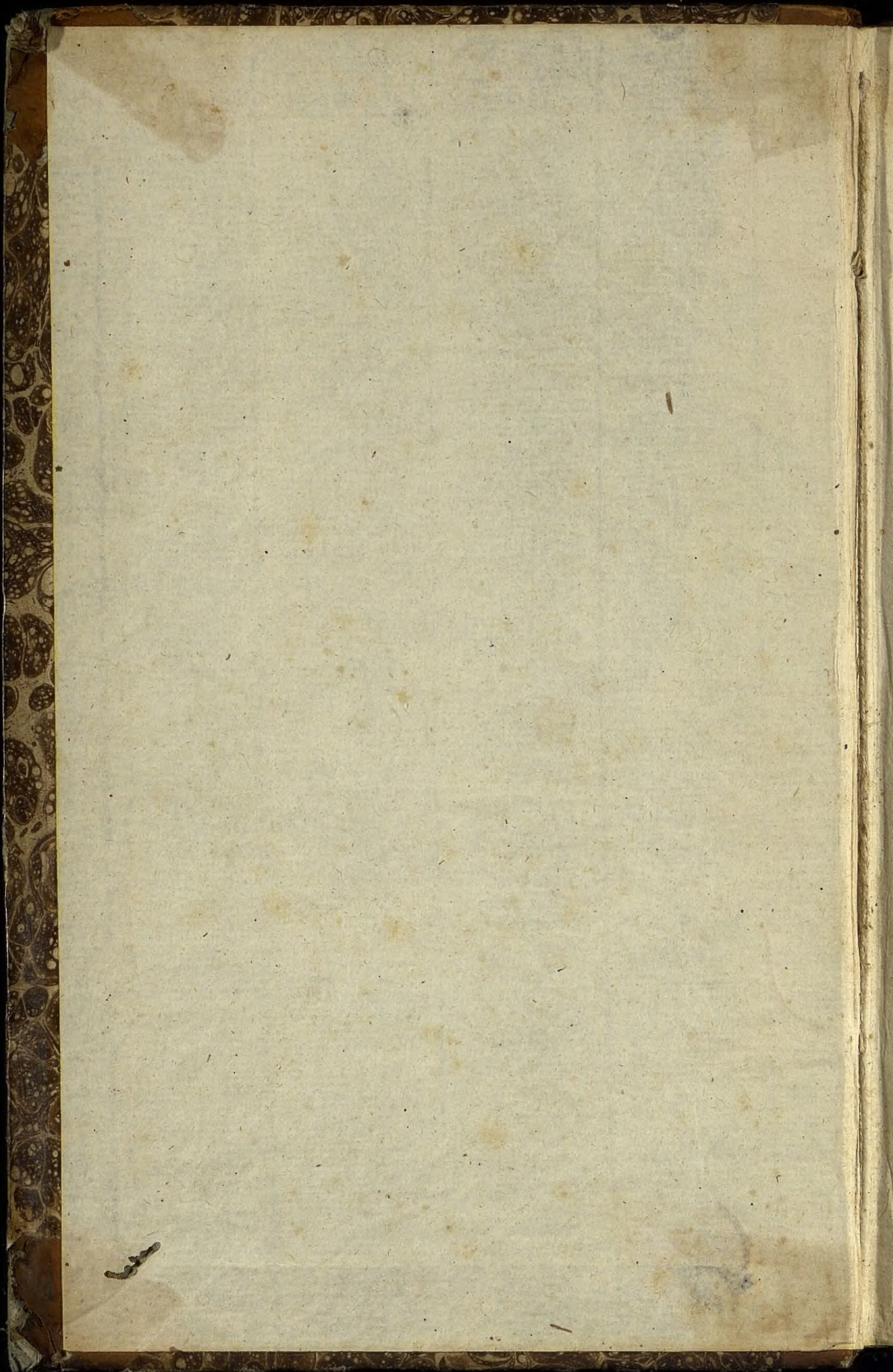

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ
МИЛОТА.
ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

ВСЕОБЩАЯ ДРЕВНЯЯ и НОВАЯ ИСТОРІЯ

ОТЪ НАЧАЛА МІРА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ,

содержащая

въ первыхъ четырехъ частяхъ

Исторію Египтянъ, Китайцевъ, Ассиріянъ и Вавилонянъ, Финикіянъ, Евреевъ, Мидянъ и Персовъ, Индіянъ, Скиѳовъ и Цельтовъ, Грековъ, Римлянъ и Карѳагенянъ,

съ присовокупленіемъ общихъ примѣчаній о другихъ древнихъ Азійскихъ народахъ;

а въ послѣдующихъ частяхъ

Всѣхъ Имперій, Королевствъ, Республикъ и другихъ владѣній, нынѣ въ Европѣ извѣстныхъ.

Сочиненіе

АББАТА МИЛОТА.

Переводъ съ Французскаго послѣдняго изданія.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

Изданная С. Селивановскимъ и І. Свѣшниковымъ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1820.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Генваря 23 дня, 1820 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковскій.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ.

ЭПОХА ПЯТНАДЦАТАЯ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Народный Совѣтъ.

Теперь достигли мы плачевнѣйшихъ временъ во Французской исторіи. Намъ представляется длинная цѣпь заблужденій, нещастій и злодѣяній, которыя столько же тягостно описывать, сколько трудно и читать. Уваженіе къ достоинству человѣка въ нѣкоторыхъ случаяхъ заставитъ насъ при представленіи произшествій въ истинномъ, но отвратительномъ видѣ, ослаблять картины, опредѣленныя для изображенія оныхъ. Но нравственность, безъ которой Исторія есть не что иное, какъ умышленная ложь, пострадала бы отъ того, ежели бы Писатель и при всей осторожности, которую обязанъ сохранять, не обнаружилъ своего негодованія. Сіе негодованіе обнаружится тотчасъ, когда историкъ примется за описаніе; но когда Читатель познакомится съ ужасными злодѣяніями, непрестанно возобновляющимися, сіе негодованіе безъ

сомнѣнія будетъ уменьшаться. Весьма опасно останавливать надолго воображеніе на кровопролитныхъ позорищахъ, кои могутъ повредить драгоцѣнную чувствительность, начало всѣхъ нашихъ добродѣтелей. Такимъ образомъ сіе отвращеніе къ злодѣяніямъ, всегда одинаковымъ и всегда остающимся безъ наказанія, заставитъ насъ постепенно ослаблять прежнюю силу до того, что простое повѣствованіе наше будетъ представлять только одни маловажные отрывки, подобно хронологическимъ таблицамъ. Впрочемъ таковъ былъ и обыкновенный слогъ Аббата Милота, который, при описаніи оскорбительныхъ позорищъ, подобенъ Светонію, холодному издателю соблазнительныхъ повѣстей о Цесаряхъ. Строгое безпристрастіе сего благоразумнаго Академика заставляетъ сомнѣваться, имѣлъ ли онъ душу; но мы въ семъ случаѣ должны держаться нашего образца.

Глава первая.

Первыя засѣданія Народнаго Совѣта. Уничтоженіе Королевскаго достоинства.

I годъ 1792. Открытіе Совѣта.

Среди ужасныхъ Сентябрскихъ кровопролитій составлялся Народный Совѣтъ. Трудно найти при переворотахъ имперій нещастнѣе начало. Сей Совѣтъ оправдалъ предчувствія, возбужденныя установленіемъ его. 21 Того же мѣсяца въ полдень, онъ, со-

ставившись изъ 371 члена, избралъ для своихъ засѣданій тотъ самый Тюльерійскій дворецъ, который отнялъ у своего конституціоннаго Короля, не по законамъ, но насиліемъ, и не давъ времени означить власти каждаго депутата, онъ сдѣлалъ засѣданіе.

Первые предсѣдатели Собранія Конституціоннаго и Законодательнаго, Сильвенъ, Бальи и Пасторетъ, были люди почтенные, коихъ именемъ великой преобразующійся народъ могъ хвалиться. Предсѣдатель же сего Совѣта былъ Парижскій Меръ Петіонъ, бунтовщикъ безъ дарованій, который представлялъ столь ненавистное лице въ ужасные дни 20 Іюня и 10 Августа. Онъ избранъ былъ почти единодушно, что самое и объясняетъ довольно сей родъ клуба, который во все продолжительное время своего могущества умѣлъ только производить разрушеніе и перемѣнять виды картинъ смерти.

Едва Петіонъ посаженъ былъ въ кресла, какъ другъ его, или лучше сказать соумышленникъ, вздумалъ сдѣлать для него нѣкоторый родъ престола; предложилъ, чтобъ у него по сторонамъ были всегда знаки военной силы и законодательства чтобъ сдѣлать его равнымъ Лудовику XVI въ торжественныхъ почестяхъ, и присовокупилъ, чтобъ весь Совѣтъ всталъ, когда онъ будетъ открывать засѣданіе. Сіе подлое ласкательство было отвергнуто другимъ депутатомъ, бывшимъ капуциномъ Шабо-

томъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Предсѣдатель Совѣта, сдѣлавшись дѣйствительно народнымъ, не долженъ искать другаго достоинства, кромѣ сходства съ санкюлотами. Всѣ сіи дѣйствія были только смѣшны; но послѣдовавшее за онымъ было жестокое, а потому оно и одобрено.

Преступленіе въ оскорбленіи народа. Уничтоженіе Королевскаго достоинства.

Комедіантъ Колотъ Гербуа, подлѣйшій злодѣй изъ домогавшихся ненавистной славы Геростратовой, учинилъ таковой поступокъ. Онъ, безъ околичностей, безъ всякаго предварительскаго изслѣдованія, сказалъ: „Надобно помыслить о такомъ дѣлѣ, „котораго вы не можете откладывать до „завтрешняго дня, котораго не можете „отложить до вечера, котораго не можете „оставить на одну минуту, не измѣнивъ „желаніямъ народа; я говорю о неотмѣнномъ „уничтоженіи Королевскаго достоинства„

Еще конституція 1791 года существовала. Сія конституція имѣла своею цѣлію ограничить монархію. Никакая законная власть не могла присвоить права уничтожить сей Палладіумъ народной свободы; и до вступленія въ дѣло вторыхъ Всеобщихъ Чиновъ, долженствующихъ ввести въ употребленіе новой Кодексъ, утвержденный во всецѣлости Лудовикомъ XVI; никто не могъ обнаружить мнѣнія Колота Гербуа предъ первымъ начальникомъ, не учинивъ преступленія въ оскорбленіи народнаго величія. Весь Совѣтъ безумными рукоплесканіями и единодушіемъ, съ которымъ принялъ сію хулу въ порядкѣ по-

литическомъ, помрачилъ честь свою предъ Европою. Онъ сдѣлался виновнымъ въ оскорбленіи величества, и съ того времени представляя для нравственности и разума одну только шайку злоумышленниковъ, не могъ составить истиннаго правленія.

Прежде нежели положили основаніе новымъ законамъ, одинъ депутатъ, еще не лишившійся разсудка отъ правленія народною партіею, предложилъ изслѣдовать сіе дѣло. »Какая нужда изслѣдывать, вскричалъ Конституціонный Епископъ Блуаскій, когда царствуетъ здѣсь величайшее согласіе въ правилахъ? Конечно, никто намъ не предложитъ о томъ, что нужно сохранить во Франціи плачевное поколѣніе Королей. Мы увѣрены, что всѣ династіи были свирѣпыя племена, питавшіяся человѣческою кровію...... Короли въ нравственномъ порякѣ тоже, что въ порядкѣ физическомъ чудовища. Ихъ исторіи есть повѣствованіе о мученичествѣ подданныхъ; а исторія злодѣяній Лудовика XVI должна служить вступленіемъ къ вашему опредѣленію«

Несправедливость сего разсужденія видима была каждому въ Совѣтѣ, равно и самому оратору, дерзнувшему произнести его; однако оно осыпано похвалами. Предсѣдатель Петіонъ кончилъ изслѣдованіе, прежде нежели оно началось, и опредѣлили уничтожить Королевское достоинство.

Народное мнѣніе сильнѣе, нежели опредѣленія, вскорѣ показало, что Совѣтъ не Ненавистный

обрядъ сего уничтоженія монархіи.

имѣлъ права предписывать Франціи о уничтоженіи своей монархіи. Безъ сомнѣнія, чтобъ заглушить сіе мнѣніе, вздумали ознаменовать сіе торжество объявленіями державамъ, обнародованіемъ Французскому народу, провозглашеніями во всѣхъ городахъ, а особливо въ столицѣ. Всѣ, желавшіе обманываться, отдавались въ обманъ безъ угрызенія совѣсти, между тѣмъ какъ благомыслящіе и лучшіе въ Совѣтѣ не смѣли прекословить, опасаясь подвергнуться народному мщенію. Такимъ образомъ мало по малу утвердилось то правило, что при великихъ общественныхъ разстройствахъ можетъ меньшая часть депутатовъ опредѣленіемъ, состоящимъ въ трехъ строкахъ, уничтожить престолъ, на которомъ возсѣдало 63 Короля, и на мѣсто онаго поставить призракъ республики.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первые раздоры въ Совѣтѣ. — Новыя познанія о возмутителяхъ.

Невозможно сохраняться твердому согласію между людьми, различными во мнѣніяхъ, выгодахъ и намѣреніяхъ. Одни хотѣли, чтобъ была *честная* республика, почитая ее лучшимъ изъ правленій; другіе для того только желали оной, чтобъ ввести безначаліе, во время котораго удобнѣе можно владычествовать и обогащаться. Большая часть

справедливѣе думала, что какое бы правленіе ни было учреждено, нуженъ въ ономъ порядокъ и законы. Такое мнѣніе не сообразно было съ младшими членами; почему чрезъ нѣсколько дней засѣданія Совѣтъ содѣлался позорищемъ раздоровъ. Первая буря была возбуждена Керсенемъ. Онъ сказалъ, что когда законъ поставили на мѣсто престола; то его и надобно употребить противъ вводителей безначалія, кои въ теченіи уже многихъ мѣсяцевъ очернили имя Французовъ въ глазахъ Европы.

Ораторы Жиронды защищали сего дня мнѣніе Керсеня и сторону правилъ. Бюзотъ простерся далѣе и потребовалъ, для внушенія почтенія, государственной силы, собранной изъ 83 департаментовъ. Таліень, Секретарь Мѣщанскаго Совѣта, составившагося 10 Августа, и Колотъ Гербуа сильно вооружились противъ покушеній, снимающихъ завѣсу съ злодѣяній, на коихъ основали владычество Народнаго Совѣта; но не наступилъ еще ужасъ, и старшіе члены согласились на движенія Керсеня и Бюзота, и ихъ мнѣнія обратились въ опредѣленія.

Буря противъ Робеспьера.

Возникли другіе источники раздоровъ и произвели важныя открытія въ разсужденіи злодѣяній, причинившихъ рабство Франціи и бѣдствія Лудовику XVI. Главнѣйшее изъ оныхъ открытій послѣдовало въ разсужденіи Робеспьера, человѣка ненавистнаго и подлаго, котораго тогда уважали тѣмъ болѣе, что онъ не наслаждался еще лож-

нымъ почтеніемъ, пріобрѣтеннымъ отъ долговременнаго употребленія власти.

Робеспьеръ потребовалъ, чтобъ уничтожили опредѣленіе о департаментской гвардіи, какъ оскорбительное для столицы, оказавшей столь важныя услуги во время революціи. Сіе неосторожное слово напомянуло о неправильномъ притязаніи Мѣщанскаго Совѣта на всѣ конституціонныя власти, и подало подозрѣніе, что тайно умышляютъ учредить тріумвирство или диктаторство. Ласурсъ увеличилъ безпокойства *Жиронды*, объявивъ, что онъ слышалъ вчера о донесеніи Якобинскому клубу на двѣ трети Совѣта, и не сомнѣвается, что сильная партія нанята для опустошенія сего Совѣта и учрежденія на мѣсто онаго малочисленной Аристократіи, которая присвоитъ себѣ всю власть. Сказалъ, что онъ особенно откроетъ враговъ государства, кои въ день умерщвленія плѣнниковъ поставили опредѣленіе задержать восемь депутатовъ Законодательнаго Собранія, совершенныхъ друзей народа, хотя они не присоединены были ни къ Мѣщанству, ни къ простонародному отдѣленію Санкюлотовъ. Вдругъ по данному Ласурсомъ знаку другой депутатъ, снявъ всѣ личины, показалъ главнаго виновника нещастій Франціи, и донесъ на Робеспьера.

Дантонъ, истинный другъ Робеспьера, для отвращенія сего нападенія, перемѣнилъ предметъ. Онъ объявилъ, что во Франціи

есть болѣе, нежели общественный врагъ, который хотѣлъ раздробить государство и раздѣлить его на союзныя республики, и подтвердилъ, что зло сіе можно предупредить только опредѣленіемъ смертной казни всякому, кто покусится разрушить единство великой республики.

Никто не обманулся въ сей увертке. Робеспьеръ, все еще подозрѣваемый, что былъ склоненъ къ Диктаторству, отъ страшнаго Мѣщанскаго Совѣта, коего онъ былъ идоломъ и истолкователемъ, принужденъ былъ взойти на каѳедру. Онъ говорилъ цѣлый часъ о своихъ дарованіяхъ, кои у него оспоривали, и добродѣтеляхъ, коихъ не имѣлъ. Никто не одобрилъ его. Тогда онъ, скрывъ свое неистовство, укротился, дабы его не низложили. Онъ вдругъ показавъ на словахъ великодушіе, потребовалъ, чтобъ опредѣлили смертную казнь тому, кто во Франціи предложитъ о тріумвирствѣ и диктаторствѣ. Въ минуту поставлено было опредѣленіе, и къ оному присоединили другое, утверждающее единство и нераздѣльность республики.

Во время разсужденія о диктаторствѣ Робеспьеровомъ, Понисъ, зять Сантера, обнаружилъ мнѣніе о 10 числѣ Августа, которое тотчасъ записали въ дѣло. Онъ сказалъ, что въ тотъ день, находясь въ Ратушѣ съ главными начальниками мѣщанскаго Совѣта, соединился съ нѣкоторымъ числомъ добрыхъ гражданъ, *для предпріятія осады Тюльери изъ ревности къ отече-*

ству. Такимъ образомъ *сей патріотическій замыслъ* испровергъ престолъ и предуготовилъ Народный Совѣтъ, который погрузилъ Францію въ уныніе.

Маратъ замѣшался въ ненависти противъ Робеспьера.

Маратъ безъ умыслу приготовилъ Робеспьеру бурю, и самъ немедленно подвергся оной. Сей Маратъ въ журналѣ своемъ, подъ названіемъ: *Другъ народа,* писанномъ желчію и кровію, вскорѣ послѣ сего назвалъ республиканское диктаторство единственнымъ средствомъ противъ монархическаго зла, и описалъ Робеспьера Камилломъ и Цинциннатомъ, коимъ въ бурныя времена поручали верховную власть. Когда начали на него нападать за сіе возмутительное сочиненіе, онъ взошелъ на каѳедру, и началъ жаловаться, что въ Совѣтѣ есть личные враги его. *Мы всѣ таковы!* закричали отвсюду. Тогда сей бѣснующійся воспламенился большею яростію: «Послушайте меня, сказалъ «онъ, и послушайте съ молчаніемъ. . . . . Я «сначала возжегъ народъ и спасъ отечество. «Ежели бы народъ послѣдовалъ во всемъ совѣ«тамъ моимъ, онъ въ тотъ же бы день, въ ко«торый завоевана была Бастилія, сразилъ «пять сотъ головъ, преданныхъ престолу, и «все теперь было бы въ столицѣ спокойно...... «Такъ, я предлагалъ Диктатора; но я хо«тѣлъ тѣмъ привязать его къ отечеству. «Въ доказательство сего я требовалъ, чтобъ «повергли къ ногамъ его пушечное ядро, и «онъ имѣлъ бы власть сражать только по«винныя головы.»

Сіе разсужденіе не заслужило также отъ представителей одобренія. Съ воплемъ потребовали, чтобъ Оратора обвинили и послали въ Лабе. Господствующая сторона имѣла нужду въ неистовствѣ его, для приготовленія въ случаѣ, какъ она называла, *великихъ средствъ*. Тогда Маратъ вытащилъ пистолетъ изъ кармана и приставивъ его къ лбу, вскричалъ: *Я не боюсь ничего подъ солнцемъ: и ежели бы такъ опредѣлено было, я сожегъ бы мозгъ себѣ при подножіи сей каѳедры.* Симъ неблагопристойнымъ явленіемъ заключилъ Совѣтъ свое засѣданіе.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Первыя торжества Французскихъ войскъ.

Между тѣмъ какъ возмутители раздѣляли окровавленныя добычи престола, Франція приняла важное положеніе предъ союзными войсками, хотѣвшими возвратить оный Лудовику XVI. Генералъ Кюстинъ овладѣлъ Спейеромъ и Вормсомъ. Дюмурье пошелъ къ Лилю, угрожаемому 20,000 человѣкъ, и отступленіе союзныхъ войскъ разсѣяло страхъ, причиненный нападеніемъ Герцога Браунвейскаго на Шампань. 1 годъ 1792.

Маркизъ Монтескю чрезъ свои революціонныя правила получилъ начальство надъ Южнымъ войскомъ. Онъ отличался уже великими воинскими подвигами: уже часть Савоіи была покорена, какъ пришло извѣстіе, что на него донесено Собранію. Таліенъ и

Шаботъ, водимые болѣе республиканскимъ духомъ, нежели достовѣрными свидѣтельствами, подтвердили, что Маркизъ, начальствовавшій Санкюлотами, имѣетъ подозрительное и обоюдное поведеніе. Дантонъ подкрѣпилъ своею великою силою софизмы товарищей, и тотчасъ единогласно обьявили, что Монтескю лишается начальства.

Засѣданіе продолжалось еще, какъ Предсѣдатель получилъ письма изъ Южнаго войска. Въ оныхъ увѣдомляли, что Генералъ онаго, подобно Цесарю, *пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.* Одно сраженіе рѣшило судьбу Савоіи. Сардинскія войска оставили во власть побѣдителя свои сьѣстные и военные припасы, оружіе и артиллерію. Они такъ скоро вышли изъ Савоіи, что Французы не могли взять ни одного въ плѣнъ. Извѣстіе о сихъ успѣхахъ, возбудившее живѣйшую радость, кажется, должно бы уничтожить определеніе остракизма, но въ составѣ сего совѣта Санкюлотовъ не было ничего Аѳинскаго. Изъ одного стыда только на время остановили исполненіе опредѣленія, доколѣ не получатъ точнѣйшихъ извѣстій, что Генералъ могъ обогатить Францію новымъ департаментомъ, хотя и назывался Маркизъ Монтескю.

Вскорѣ потомъ Дюмурье доставилъ республикѣ новую подпору, одержавъ побѣду при Емаппѣ, гдѣ Австрійскій станъ, укрѣпленный 40 редутами и защищаемый множествомъ пушекъ, былъ разбитъ во всѣхъ

пунктахъ. Всѣ корпусы Французскихъ войскъ были въ дѣйствіи; не было ни одного человѣка, который бы не сражался лично. Сіе сраженіе весьма знаменито. Философія сожалѣетъ о потокахъ крови, кои она заставила пролить между побѣжденными и побѣдителями. На другой день Емапскаго сраженія Монсъ отворилъ ворота Французскому войску, и нѣсколько спустя извѣстились о здачѣ на договоръ Литтиха и Антверпена.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Новыя злодѣйства Мѣщанства. Оно обличено. Торжество Робеспьера.

Между тѣмъ какъ Совѣтъ разсуждалъ, злоумышленное Мѣщанство дѣйствовало то само по себѣ, то посредствомъ своего вспомогательнаго войска, состоящаго изъ Якобинцевъ. Оно ввело въ Исполнительный Совѣтъ Роланда и Сервана, и видя, что они не рабски преданы его неистовству, столько возненавидѣло, что заставило ихъ отставить. Сперва отставленъ былъ Серванъ; на мѣсто его опредѣленъ Пашъ, сынъ придверника Маршала Кастри.

Наглость республиканская. Повѣренные Мѣщанства.

Робеспьеръ и другіе соумышленники были допущены Мѣщанствомъ въ Совѣтъ. Они увидя, что Генералъ Дюмурье и Графъ Шабрильянъ сложили съ себя кресты С. Лудовика въ Канцеляріи какъ памятникъ рабства, заставили уничтожить сіе воинское укра-

шеніе, которое доставило государству толикое множество героевъ.

Тѣ же самые повѣренные Мѣщанства принудили постановить опредѣленіе, по которому всякой выходецъ, явившійся опять во Французскихъ владѣніяхъ, долженъ быть разстрѣлянъ въ 24 часа. Когда одинъ военный чиновникъ представилъ значокъ, отнятый у легіона Конде, они, противъ всѣхъ военныхъ законовъ, по опредѣленію велѣли сжечь палачу сію непріятельскую добычу.

Его разбойничества.

Злодѣйскія покушенія, особенно учиненныя со стороны Мѣщанства, обратили народное вниманіе на первыя причины нещастій Франціи. Обвинили оное въ Октябрѣ 1792 года предъ самымъ Совѣтомъ въ похищеніи серебра, денегъ, дорогихъ вещей и ассигнацій въ Королевскихъ домахъ и у знатнѣйшихъ дворянъ, подозрѣваемыхъ въ преступленіи, состоящемъ въ преданности Королю. Сіи похищенія простирались слишкомъ на 12,000,000. Таковое донесеніе сдѣлано было для того, чтобъ лишить Мѣщанство власти и любви народной. Мерлень Тіонвиль, для отклоненія отъ сего, связалъ невидимою нитью дѣло Короля съ дѣломъ буйныхъ его непріятелей; потомъ напавъ со всѣмъ народнымъ духомъ на сего нещастнаго Государя, сказалъ: »Наконецъ время Совѣту, по »уничтоженіи Королевскаго достоинства, »объявить, что Монархъ, сверженный »съ престола, не есть даже и гражданинъ;

„что онъ долженъ пасть отъ меча народ-„наго правосудія, и всѣ его соумышленники „пойдутъ за нимъ за эшафотъ.“

Сіи хулы, бывшія тогда въ обыкновеніи, по видимому, примирили на минуту обѣ стороны. Впрочемъ, когда патріотическое сумазбродство начало проходить, приступили опять къ хищеніямъ Мѣщанства, и постановили опредѣленіе, по которому надлежало перенести Комитетъ въ Ратушу и опечатать всѣ его бумаги.

Послѣ донесенія на Мѣщанство послѣдовало дѣло о Дантонѣ, ревностнѣйшемъ его повѣренномъ. Со времени плачевнаго приключенія 10 Августа поступило въ казну Исполнительнаго Совѣта два милліона на тайные разходы, нужные для собственнаго утвержденія. Монжъ, министръ морскихъ силъ, обьявилъ, что онъ не сдѣлалъ никакого чрезвычайнаго расхода въ своемъ департаментѣ. Роландъ поступилъ еще лучше: онъ далъ точный отчетъ, и такъ оправдался росписками, что самые неумолимые враги принуждены были хвалить его. Чтожъ касается до Дантона, захватившаго большую часть изъ двухъ милліоновъ то для своихъ забавъ, то для совершенія убійствъ, имъ предначертанныхъ, онъ обьявилъ, что долженъ дать вдругъ отчетъ. „Вы обьявили, „сказалъ онъ Исполнительному Совѣту, что „ничего не должно щадить для возбужденія „къ революціи двадцати пяти милліоновъ „человѣкъ; мы дали сіе побужденіе, и *вотъ*

» *нашъ отчетъ.* Ежели бы Совѣтъ израсхо» довалъ болѣе десяти милліоновъ, то бы не » вышелъ ни одинъ непріятель изъ земли, » опустошаемой Королями.»

Не смотря на сей ораторской оборотъ, таковой отчетъ не заслужилъ всеобщаго одобренія. Началось разсужденіе, и мало по малу произошло чрезмѣрное смятеніе. Тогда Камусъ, дерзкой представитель, но къ счастію имѣющій болѣе справедливости, нежели привязанности къ народной сторонѣ, заставилъ въ одну минуту обвинить всякаго министра въ расхищеніи государственныхъ доходовъ, ежели онъ не очиститъ щетовъ. Совѣтъ согласился на сіе предложеніе и далъ Исполнительному Совѣту только 24 часа для исполненія.

Дантонъ имѣлъ столь сильную партію между производителями революціи для оправданія въ своихъ преступленіяхъ, что забыли о опредѣленіи, данномъ ему въ 24 числа представить отчетъ. Тогда обратили снова вниманіе на идола Мѣщанства, безчеловѣчнаго Роберспьера.

Записка министра Роланда о положеніи Парижа возжгла не совсѣмъ погашенныя искры междоусобной войны между Совѣтомъ и Мѣщанствомъ. Робеспьеръ, для котораго сіе послѣднее было отечествомъ, видя, что обвиняютъ оное, бросился на каѳедру защищать оное. Его выслушали съ великимъ ропшаніемъ. Дантонъ, вѣрный другъ и соумышленникъ Робеспьера, объявилъ, что всѣ

тѣ, кои говорили *о заговорѣ его*, были развращенные граждане. Возгорѣлась ссора. Въ сихъ обстоятельствахъ Луве, взошедъ на каѳедру, безъ всякаго приготовленія, съ силою и дарованіями, какихъ отъ него не ожидали, говорилъ рѣчь около двухъ часовъ, и низвергъ бы Робеспьера, ежели бы говорилъ ее въ Ареопагѣ.

«Обвиняю тебя, Робеспьеръ, сказалъ онъ «при заключеніи своей рѣчи, въ томъ, что «ты оклеветалъ чистѣйшихъ друзей отече«ства въ ужасные дни Сентября, то есть, «въ то время, когда клеветы составляли «истинныя осужденія. . . . Обвиняю тебя «въ томъ, что унизилъ, сколько тебѣ воз«можно было, лучшихъ представителей на«рода; обвиняю тебя въ томъ, что ты не«престанно старался сдѣлать себя пред«метомъ обожанія; обвиняю тебя въ томъ, «что ты тиранствовалъ всѣми пронырли«выми и ужасными средствами избиратель«наго Собранія Парижскаго Департамента; «наконецъ обвиняю тебя въ томъ, что ты «явно старался получить верховную власть»

Луве сошелъ съ каѳедры при восклицаніи почти всѣхъ членовъ. Опредѣлено было дать Робеспьеру восемь часовъ для своего защищенія. Сія отсрочка погубила Собраніе постепенно и ввела ужасное децемвирство Комитета Общественнаго Благосостоянія.

Робеспьеръ употребилъ данные восемь часовъ не для отвѣта противъ Луве, но для

происковъ въ мѣщанствѣ, въ клубахъ и между народными шайками предмѣстій. Когда драматическая его махина была приготовлена, онъ 5 Ноября, въ послѣдній день срока, явился на каѳедрѣ.

»Мы не знаемъ, сказалъ сей депутатъ, »имени бунтовщиковъ, напавшихъ на Цензо»ра Катона среди прощади (forum). Потом»ство останавливаетъ только взоры на изо»браженіи сего великаго человѣка. Хотите »ли вы судить общій Совѣтъ Мѣщанства? »Станьте въ нѣдро сей безсмертной рево»люціи, которая его образовала, и которой »вы бытіемъ своимъ одолжены. Какъ! ужели »вы хотите, чтобъ революція была безъ »перемѣны? .... Нѣтъ, нѣтъ, мы ни мало »не обманулись, клянусь въ томъ испро»верженнымъ престоломъ и республикою, »возникающею на развалинахъ онаго...... »Вы оплакиваете людей, погибшихъ въ тем»ницахъ...... Оплакивайте и сто тысячь »патріотовъ, погибшихъ отъ королевскаго »тиранства..... Собраніе Французскихъ »законодателей есть отечество, есть весь »родъ человѣческой, а не тираны и ихъ »соумышленники »

Въ сіе время часть Собранія, устрашенная возмутителями, трепетала, что одобряла Луве. Почему депутаты, не столько виновные, наблюдали молчаніе, а прочіе одобряли Робеспьера. Кромѣ Барела не нашлось никого, кто бы, обвинивъ сего бунтовщика, не старался о его спасеніи.

« Непрестанно вамъ говорятъ о диктатор-
« ствѣ, сказалъ ораторъ. . . . . Не будемъ
« уважать людьми, коихъ доброе мнѣніе, ими
« пріобрѣтенное, гораздо лучше, нежели мы,
« возведетъ на прежнія мѣста. Не будемъ воз-
« двигать статуй пигмеямъ. Ежели бы на-
« шелся въ республикѣ человѣкъ, рожденный
« съ умомъ Цезаря или съ дерзостію Кром-
« веля, я не устрашился бы обвинять его
« предъ вами; но есть люди обыкновенные,
« маловажные производители революціи, та-
« кіе политики, кои никогда не займутъ мѣ-
« ста въ Исторіи. О! не будемъ много ува-
« жать такихъ людей, у коихъ гражданскія
« короны сплетены большею частію изъ
« печальныхъ кипарисовъ. »

Сіе презрѣніе, оказанное обвиняемому, во время, въ которое онъ былъ сильнѣе судей своихъ, подало нѣкоторую отраду благомыслящимъ, хотѣвшимъ уже, къ безчестію своему, оправдать его. Тогда большая часть голосовъ потребовала обыкновеннаго постановленія. « *Я ни мало не требую*, сказалъ Робеспьеръ, *вашего постановленія, ежели вы покажете причины онаго во вступленіи, которое для меня обидно.* Собраніе преклонилось и согласилось на простое опредѣленіе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Желѣзный ящикъ въ кабинетѣ Лудовика XVI.

1 годъ 1792. Дѣло Короля, сверженнаго съ престола подданными и долженствующаго быть судимаго убійцами, несравненно важнѣе дѣла Робеспьерова. Уже ужасное Мѣщанство, взявъ на себя о немъ попеченіе, подъ видомъ надежнѣйшаго сохраненія, разлучило Августѣйшаго плѣнника съ его семействомъ и перевело его въ огромную Тампльскую башню. Не довольствуясь сими оскорбленіями, отправило для смотрѣнія за нимъ нѣсколько изъ повѣренныхъ своей шайки, кои отняли у него чернила, карандаши и всякаго рода оружіе. Всѣ сіи ненаказанныя злодѣйства доказывали, что *Законодательный корпусъ* принималъ участіе въ неистовствахъ Мѣщанства, а открытіе Роландомъ желѣзнаго ящика уничтожило и остальный стыдъ, который не позволялъ еще завоевателямъ престола предать жертву свою на казнь.

20 Ноября случилось пагубное открытіе желѣзнаго ящика, который по приказанію Лудовика XVI сдѣланъ былъ въ стѣнѣ Тюльерійскаго кабинета его, и который панели скрывали отъ всѣхъ взоровъ. Король и художникъ, выдумавшій оный, одинъ только и зналъ о томъ. Онъ по вѣроломству самъ обьявилъ о томъ Министру Внутреннихъ дѣлъ; а сей, къ стыду своему, донесъ Собранію на своего Государя. Собраніе на-

значило 12 повѣренныхъ для освидѣтельствованія и донесенія. По разобраніи первыхъ бумагъ, позвавъ на судъ Тальяна, Сентъ Фуа и Дюфресн-Сен-Леонъ, обвинили ихъ, не выслушавъ и оправданія.

Между найденными въ ящикѣ бумагами болѣе всѣхъ изумили враговъ престола переговоры Лапорта съ знаменитѣйшимъ Мирабо о склоненіи его на сторону Короля. Сія измѣна перваго апостола Французской революціи столь ясно означена была въ перепискѣ Лапорта, что подали голоса на исключеніе праха Мирабо изъ Пантеона. Какъ всѣ изъ бунтующихъ ораторовъ молчали, то Мануель осмѣлился защищать его. Онъ замѣтилъ, что Мирабо былъ еще только обличенъ, а не сужденъ; почему и потребовалъ, чтобъ поручили какому нибудь стряпчему говорить судъ съ обѣихъ сторонъ въ защищеніе его памяти. Постановили опредѣленіе, коимъ велѣно было прикрыть бюстъ его, доколѣ Слѣдственный Комитетъ не сдѣлаетъ донесенія, и тѣмъ разрѣшить его, или подвергнуть безславію.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Уголовное дѣло Лудовика XVI.

Хотя Жирондисты и очень старались о свержении съ престола Монарха, однако не желали его смерти. Они хотѣли держать его въ заключеніи, доколѣ подобіе Римской республики, созидаемой ораторами ея на воздухѣ, 1 годъ 1792.

не приведетъ Франціи въ такое состояніе, въ которомъ бы она ничего не могла уже опасаться отъ своихъ Тарквиніевъ. Но шайка Мѣщанства была наклонна къ цареубійству. Ею начальствовали Дантонъ, Маратъ и Робеспьеръ, коимъ вѣстовою трубою служили клубы, разсѣянные по всѣмъ департаментамъ, а дѣйствующими лицами чернь въ предмѣстіяхъ, производившая возмущенія 20 Іюня, 10 Августа, и убійства Сентябрскія.

Валазе, первый, отъ имени Комитета 24, сдѣлалъ 6 Ноября донесеніе о преступленіяхъ Лудовика XVI. Безъ сомнѣнія сіи злодѣянія были только въ головѣ бунтовщиковъ, кои сдѣлавшись ему непріятелями, желали быть и его судіями. Впрочемъ показаніе содержало пустыя происшествія, изъ коихъ нѣкоторыя были ложныя, а другія противорѣчущія. Совѣтъ находился въ недоумѣніи. Дантонъ воспламенилъ оный выраженіями, а Базиръ оскорбленіями. Сей послѣдній дерзнулъ назвать добродѣтельнѣйшаго Короля *Королевскимъ тигромъ*. Сей самый Базиръ, отправленный отъ Комитета Общественнаго Благосостоянія съ донесеніемъ о возмущеніяхъ въ Парижѣ, дерзнулъ обьявить служителей Принцессы Ламбаль виновниками убійствъ Сентябрскихъ, а служителей Королевы убійцами плѣнниковъ Орлеанскихъ, умерщвленныхъ въ Версальской оранжереѣ.

Какъ Совѣтъ уклонялся отъ всѣхъ правилъ, то и началъ внимать клеветамъ Ба-

зира и Валазе на Лудовика XVI, не разсмотрѣвъ, имѣлъ ли онъ право судить его. На другой день предложено ему было отъ Законодательнаго Комитета о семъ предварительномъ дѣлѣ. Легко можно судить о последствіи. Малгъ, посланный отъ Комитета, рѣшилъ, что Совѣтъ можетъ судить Короля, и до того простеръ народоначальническую наглость, что началъ склонять Нѣмецкую имперію и Испанію по примѣру, данному побѣдителями престола Лудовика XVI, къ подражанію въ разсужденіи своихъ Государей. Опредѣлено было, что Монархъ Французовъ, лишенный престола, можетъ быть судимъ; что судить его будетъ Совѣтъ; что Государь позванъ будетъ въ Совѣтъ, и что судъ будетъ лично при немъ производиться. Сіе опредѣленіе, испровергавшее нравственность народовъ, было послано въ департаменты, города и войска; опредѣлено также перевести оное на всѣ Европейскіе языки для наставленія тѣхъ, кои захотятъ поступить въ легіонъ, состоящій изъ 1200 цареубійцъ.

Разсматриваніе дѣла, за которое принялись уже спустя много времени, достопримѣчательно по звѣрству нѣкоторыхъ подавателей голосовъ. Сен-Жюстъ отличился между ними. «Цезарь, сказалъ онъ, былъ «умерщвленъ при полномъ Сенатѣ безъ всякихъ другихъ обрядовъ, кромѣ 22 ударовъ «кинжалами; а теперь производятъ съ почтеніемъ дѣло о человѣкѣ, убійцѣ своихъ

« подданныхъ, о человѣкѣ взятомъ въ самомъ « преступленіи. Душа его въ злодѣяніи, и « руки въ крови. . . . . Впрочемъ, для чего « судебные обряды? . . . . Король по всему мя- « тежникъ и похититель. »

Робеспьеръ нѣсколько искуснѣе старался дать новый ходъ великому дѣлу, занимавшему всѣ умы. « Дѣло тирана, сказалъ онъ, « состоитъ въ мятежѣ; судъ надъ нимъ въ « паденіи его могущества, а казнь должна « быть такая, какой требуетъ благосостоя- « яніе народа. . . . . Къ чему судебной обрядъ? « Къ чему разсматриваніе противорѣчій? « Тарквиній званъ ли былъ на судъ? Что мы « дѣлаемъ? Мы созываемъ отвсюду стряп- « чихъ для защищенія дѣла Лудовика XVI. . . « Требуемъ уставовъ, потому что не имѣ- « емъ уже правилъ: насъ огорчаетъ чувстви- « тельность, потому что мы не имѣемъ « довольно силы. . . . . Словомъ, Лудовикъ дол- « женъ умереть потому, чтобъ отечество « осталось живо. . . . . Я требую, чтобъ Со- « вѣтъ объявилъ его измѣнникомъ Француз- « скаго народа и преступникомъ въ разсуж- « деніи человѣчества. »

По крайней мѣрѣ Робеспьеръ въ гнусномъ своемъ умозрѣніи былъ связанъ; не обратили на него вниманія, потому что въ глазахъ большей части Совѣта онъ имѣлъ тайное преступленіе называться Робеспьеромъ, и подъ видомъ справедливости не переставалъ нарушать всѣхъ законовъ просвѣщенныхъ народовъ, для того, чтобъ име-

немЪ цѣлаго народа возвести Лудовика XVI на эшафотЪ.

ГЛАВА СЕДМАЯ.

Допросы Лудовика XVI. — Рѣчи его защитниковъ.

11 Декабря, вЪ первомЪ часу по полудни, СентерЪ, вЪ сопровожденіи Мера и гражданскихЪ чиновниковЪ, явился вЪ комнату кЪ Королю сЪ дерзкимЪ опредѣленіемЪ, по которому Лудовика Капета должно отвести вЪ Народное Собраніе. МонархЪ сказалЪ, что онЪ повинуется силѣ, и сѣлЪ вЪ повозку.

При вступленіи его, вЪ Собраніи царствовала плачевнѣйшая тишина. ИмЪ повелѣвалЪ ЛежандрЪ. *Конечно*, сказалЪ онЪ, *для великаго преступника должно быть ужасно молчаніе гробовЪ*. ОдинЪ только Предсѣдатель допрашивалЪ Лудовика XVI, который защищался сЪ благородною и трогательною простотою. Сей допросЪ долго оставался напечатлѣнЪ вЪ сердцахЪ всѣхЪ. МожетЪ быть было бы сообразнѣе сЪ КоролевскимЪ величествомЪ и сЪ справедливостію дѣла сказать, что онЪ ни мало не обязанЪ отвѣчать бунтующимЪ подданнымЪ, и пусть Небо разсудитЪ его и ихЪ; но сей сильной отвѣтЪ, прежде нежели ЛудовикЪ вступилЪ вЪ Тампль, заставилЪ бы пронзить его кинжаломЪ; а онЪ имѣлЪ супругу. . . . . онЪ имѣлЪ сына. . . . . Для него лучше было ожидать смертнаго приговора, по примѣру Сократа.

Вѣ вечеру четверо повѣренныхъ отъ Народнаго Совѣта пришли къ Лудовику XVI съ обѣявленіемъ, что онъ можетъ избрать для себя совѣтниковъ и защитниковъ. При первомъ извѣстіи, обѣявленномъ въ вѣдомостяхъ, что сей государь долженъ былъ судиться людьми, испровергнувшими престолъ его, явились въ Лондонѣ три отличные оратора, Казалесъ, Лалли Толлендаль и Малуетъ, для защищенія справедливѣйшаго дѣла. О семъ никакъ не сказывали нещастному Монарху; и такъ, когда повѣренные сообщили ему о опредѣленіи по сему случаю, онъ назначилъ Таргета, почитаемаго превосходнымъ Французскимъ стряпчимъ въ то время, когда Мопу испровергалъ Парламенты.

Таргетъ, при учрежденіи Всеобщихъ Чиновъ, представлялъ лице болѣе, нежели народное. Онъ старался только очистить себя предъ людьми добрыми; но сдѣлавшись республиканцемъ, онъ опасался Мѣщанства, и потому отказался. Тогда одинъ величайшій мужъ, коими хвалится Франція, знаменитѣйшій Мальгербъ, слишкомъ 70 лѣтъ, потребовалъ у Предсѣдателя Совѣта опасной чести защищать предъ онымъ дѣло Короля своего. Сей героической поступокъ доказалъ Таргету, что бываютъ такія минуты, когда добродѣтель повелѣваетъ и умереть.

Извѣстіе о сей великодушной преданности стараго Министра исторгло у Короля слезы. Онъ избралъ его себѣ для совѣта съ стряпчимъ Троншетомъ, а Дезесъ

присовокупленъ былъ къ нимъ для изданія защитительной рѣчи.

Первый разговоръ Мальгерба съ Королемъ произвелъ такое зрѣлище чувствительности и преданности, которое одно могло въ глазахъ мудрыхъ Сенаторовъ довольно свидѣтельствовать о ихъ добродѣтели. Потомъ сообщили Государю и его совѣту обвинительную бумагу, съ присовокупленіемъ къ оной 158 сочиненій подъ названіемъ: *Обличительныя сочиненія*, но кои обличали предъ свѣтомъ только судей Лудовика XVI въ ихъ звѣрствѣ.

Между тѣмъ Собраніе опасалось, чтобъ въ дѣло Лудовика XVI не вступились иностранныя державы. Будучи догадливъ въ своей буйной дерзости, вознамѣрился устрашить ихъ, и тѣмъ воспрепятствовать ихъ соединенію. Такова была цѣль славнаго опредѣленія, сдѣланнаго по образцу стараго Монтаня, коимъ сіе Собраніе объявило Французскую республику союзницею всѣхъ народовъ, желающихъ свергнуть иго своихъ тирановъ.

Непрестанно выходили безчеловѣчныя опредѣленія почти однѣ за другими. Бюзотъ предложилъ своимъ товарищамъ, чтобъ они подражали Римлянамъ во время изгнанія Тарквиніевъ и удаленія съ республиканской земли царской династіи, которая должна обращать на себя непрестанно взоры народа, склоннаго къ новости. „Филиппъ „Равенство, присовокупилъ онъ, кажется,

„съ самаго начала сдѣлаетъ исключеніе изъ „сего правила; но, по мнѣнію моему, ежели „сей республиканецъ любитъ республику, „то и долженъ для нее собою жертвовать: „и такъ я требую, чтобъ Филиппъ со „своими дѣтьми причинялъ въ другихъ „странахъ, а не въ возобновленной Франціи, „бѣдствія быть рожденнымъ близь пре-„стола.“

Когда доказательства правилъ о династіи были одобрены, то опредѣлили, чтобъ всѣ свободные вышли въ три дни изъ департамента Парижскаго, а чрезъ недѣлю изъ республиканскихъ владѣній. Чтожъ касается до династіи, принадлежавшей лично Герцогу Орлеанскому, разсматриваніе о семъ отложено было до окончанія суда надъ Лудовикомъ XVI.

26 Декабря Король приведенъ былъ въ присутствіе для отобранія послѣдняго допроса. Засѣданіе началось рѣчію Дезеза, рѣчію умною, но не весьма краснорѣчивою, потому что ораторъ надѣялся силою благоразумія спасти Лудовика XVI. Онъ доказалъ, что Собраніе по недостатку власти не можетъ рѣшить дѣла; потому что обвинители не могутъ быть судіями. Онъ показалъ видъ, будто не знаетъ, что въ Собраніи находились главные виновники происшествій 20 Іюня, 10 Августа и 2 Сентября, и что сіи для того только поставили себя судіями своей августѣйшей жертвы, чтобъ сдѣлаться по закону его убійцами.

По возвращеніи Монарха въ Тампль, Ланжюине поговорилъ нѣсколько языкомъ справедливости. Онъ доказалъ, что члены Собранія не могутъ составить судилища законнаго для произведенія суда надъ Лудовикомъ XVI, потому что они не могутъ быть вдругъ и доносщиками и судіями, присяжными обвинителями и присяжными при судопроизводствѣ, и въ скорости потребовалъ опредѣленія, по которому бы Собраніе судило Лудовика XVI.

Спустя нѣсколько, доставили на сіи столь благоразумныя доказательства отвѣтъ, присланный отъ Люксембургскаго отдѣленія въ копіи съ опредѣленія, въ которомъ значилось, что ежели Собраніе не будетъ судить строжайшимъ образомъ, то сіе отдѣленіе клянется пойти и умертвить Лудовика XVI.

28 Декабря Министръ иностранныхъ дѣлъ обьявилъ Народному Собранію письмо кавалера Окарица, министра двора Мадридскаго во Франціи, который увѣрялъ, что Государь его не можетъ взирать безъ ужаса на участь, назначаемую начальнику династіи Бурбоновъ; и ежели Французы не тронутся миролюбивымъ посредствомъ Короля Испанскаго, то всѣ Европейскія державы, можетъ быть, соединятся и обьявятъ войну Франціи. *Мы не ведемъ переговоровъ съ Королями,* сказалъ одинъ ораторъ изъ Робеспьеровой шайки; и Собраніе приступило къ обыкновенному порядку.

21 Генваря Лудовикъ XVI былъ гальйтинированъ, какъ жертва стороны, ненавидящей не только королевскую власть, но и всякое правительство.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Уныніе въ Парижѣ по смерти Короля. — Проистекающія отъ онаго послѣдствія.

Не смотря на удачныя мѣры, принятыя виновниками безначалія для умерщвленія Лудовика XVI, въ Парижѣ узнали, что они большую часть голосовъ успѣли склонить къ осужденію его посредствомъ страха, и что депутаты, угрожаемые кинжалами разбойниковъ, нанятыхъ Мѣщанствомъ, подавали голоса (*). Всѣ внутренно увѣрены были, что ничего столько не желали, какъ спасти Короля. Такимъ образомъ полагались на нѣкоторое произшествіе, которое должно бы спасти его отъ неистовства непріятелей, а ихъ избавить отъ злодѣянія, тѣмъ безполезнѣйшаго, что во всѣхъ земляхъ, гдѣ народы, по общему согласію, почитаютъ

(*) Якобинцы употребили всѣ мѣры для устрашенія депутатовъ. По гласу ихъ всѣ люди 2 Сентября стеклись вооруженные саблями и дубинами; они упивались кровію, имъ обѣщанною; окружили заблаговременно всѣ входы въ залу; ожидали прихода депутатовъ; хвалили тѣхъ, кои имъ улыбаясь, взоромъ своимъ доказывали осужденіе Короля; но примѣтивъ тѣхъ, кои имѣли намѣреніе спасти Монарха, провожали ихъ съ тѣлодвиженіями и воплями звѣрскими: *или его смерть, или твоя.*

законнымъ единоначаліе, могутъ умертвить Короля, но не истребить королевской власти. Но коль скоро изъ революціонныхъ бумагъ убѣдились, что вся надежда потеряна, повсюду распространилось уныніе. Въ Парижѣ было такъ тихо, что онъ уподоблялся пустынѣ; всѣ заперлись съ своими семействами и плакали. По улицамъ ходили только шайки разбойниковъ, кои грубымъ пѣніемъ и плясками, изображающими радость, выражали свое неистовство.

Такимъ образомъ погибъ, говоритъ Г. Лакретель въ своемъ историческомъ отрывкѣ о Французской революціи, на 40 году, по шестнадцатилѣтнемъ съ половиною царствованіи, Лудовикъ XVI, начальникъ самой цвѣтущей монархіи въ Европѣ, Король просвѣщеннѣйшаго народа, весьма любезнаго, который былъ идоломъ для Принцевъ своихъ. Никакой Монархъ не простеръ далѣе его слабости; но ни одинъ также не имѣлъ и справедливѣйшаго въ томъ извиненія.

Смерть Короля подала поводъ къ умерщвленію Лепелетьера, который былъ убитъ у ресторатора въ Пале-Ройяль, куда пришелъ обѣдать. Въ тотъ самый день, въ который учиненъ былъ приговоръ Лудовику XVI, старый Лейбъ-гвардеецъ, по имени Парисъ, спросилъ у Лепелетьера, какъ онъ думаетъ о дѣлѣ Короля. Депутатъ отвѣчалъ ему: «оно было затруднительно, но я внялъ воплю моей совѣсти, и подалъ согласіе на смертной приговоръ.» — Хорошо! отвѣчалъ

воинЪ сЪ негодованіемЪ: такЪ вотЪ тебѣ награда; и сЪ сими словами вонзилЪ тесакЪ вЪ грудь депутата, который отЪ сей глубокой раны тотчасЪ умерЪ.

Когда Собраніе получило точное извѣстіе о семЪ убійствѣ, то предалось такому прискорбію, которое простерлось до безумія. БарерЪ, начинающій усиливаться своимЪ краснорѣчіемЪ, коимЪ оправдавЪ Лепелетьера, для прославленія его предложилЪ сходить кЪ нему на гробЪ и поклясться о спасеніи отечества: »Мирабо, сказалЪ онЪ, »умерЪ вЪ порокахЪ и былЪ внесенЪ вЪ »храмЪ, посвященный для праха нашихЪ ве»ликихЪ мужей. ЛепелетьерЪ умерЪ за свои »добродѣтели, почему же и ему не занять »мѣсто вЪ ПантеонѣЪ?»

По предложенію Барера дано было опредѣленіе, и все Собраніе приглашено быть на погребеніе Лепелетьера.

Убійца Лепелетьера самЪ себя убиваетЪ.

ПаршЪ не долго жилЪ послѣ своей жертвы. ОнЪ негодуя, что столь сильной, по мнѣнію его ударЪ, не произвелЪ никакого движенія вЪ столицѣ, одѣлся вЪ платье Санкюлота, и поѣхалЪ кЪ водамЪ ФоржскимЪ новою дорогою, имЪ самимЪ проложенною; но его примѣты были такЪ хорошо описаны, что онЪ не могЪ укрыться отЪ исполнителей приказаній клубовЪ. Коль скоро окружили его, онЪ раздробилЪ себѣ голову изЪ пистолета. При немЪ нашли окровавленную бумагу, сЪ надписью: *почетная грамота*. ОнЪ обЪявлялЪ вЪ ней, что

ежели бы онъ не вонзилъ своего меча въ сердце Сен-Фарго, еще бы славнѣйшую оказалъ услугу отечеству, очистивъ оное отъ цареубійцы Орлеанскаго.

Отказъ отъ должности Керсеня

Керсеня не было въ тотъ день въ Собраніи, когда оный согласился на принятіе въ Пантеонъ Лепелетьера; но Керсень, стыдясь сдѣланныхъ имъ пожертвованій для народной шайки, вознамѣрился загладить оныя и смѣло объявилъ о злодѣяніяхъ, послужившихъ началомъ казни Лудовика XVI. »Я »не могу, написалъ онъ въ Собраніе, перене»сти стыда, что имѣлъ засѣданіе въ кругу »съ людьми кровожадными..... Ежели »любовь къ отечеству заставляла меня »сносить бѣдствіе и сотовариществовать »главнымъ виновникамъ убійствъ Сентябр»скихъ, то я хочу по крайней мѣрѣ изба»вить память мою отъ пятна, что былъ »ихъ соумышленникомъ.... Я вступаю паки »въ кругъ народа и отказываюсь отъ долж»ности депутата.»

Сложеніе должности министра Роланда.

Сей мужественный поступокъ не остался безъ наказанія. Бунтовщики прощаютъ своему соумышленнику менѣе, нежели другому, ежели онъ обратится къ добродѣтели. Когда друзья Керсеня старались, для удержанія въ разсужденіи его равновѣсія, избрать министромъ Морскихъ силъ Монжа, его обвинили въ обыкновенномъ тогда преступленіи, въ *Роялизмѣ*, и онъ лишился головы на эшафотѣ.

Министръ Роландъ послѣдовалъ примѣру

Керсеня. Онъ давно былъ преданъ народной сторонѣ, но примѣтивъ уклоненіе оной отъ правилъ, устыдился того, что дѣйствовалъ между возмутителями. Жена его какъ героиня, достойная временъ Порцій и Клилій, заставила его оставить кормило правленія, въ которомъ онъ ничего не могъ другаго дѣлать, кромѣ погрѣшностей. Онъ послушался и написалъ Собранію: « Я представляю мои отчеты, прозьбу въ отставку и голову; я исполнилъ всѣ мои обязанности. » Роландъ, заключившись въ кругу семейства своего, думалъ укрыться отъ неистовства подлыхъ непріятелей, коихъ вооружилъ противъ себя мужествомъ, но въ развращенной демократіи не было убѣжища ни для человѣка справедливаго, уважающаго свое достоинство, ни для человѣка отпадшаго отъ оной и чувствующаго угрызеніе совѣсти. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что Роландъ спасся отъ эшафота самоубійствомъ.

Гоненіе послѣ Шуазеля

Буря, низринувшая съ престола Лудовика XVI, скоро нашла и на министровъ, остававшихся ему вѣрными при иностранныхъ дворахъ. Константинопольскій посолъ Шуазель Гуфье подвергся величайшему гоненію по причинѣ его обширнаго ума въ искуствахъ и превосходства въ дипломатикѣ. Около сего времени перемѣтчикъ изъ дворянства, Герольтъ Сешель, донесъ на него въ обыкновенномъ тогда злодѣяніи, въ дѣйствіяхъ, противныхъ революціи. Воздвигли на него гоненіе. Французскіе на-

чальники партіи, находившіеся тогда въ предмѣстіи Константинопольскомъ Перѣ, взбунтовали, и назначили на мѣсто Графа Шуазеля только совѣтника посольства. Шуазель зная, что судъ Якобинцевъ столь же поспѣшенъ, какъ и нѣмыхъ Серальскихъ, не хотѣлъ подставить голову свою подъ мечь непріятелей, но вмѣстѣ съ саномъ оставивъ Оттоманскую имперію, отправился въ Петербургъ для испрошенія убѣжища у Россійской Государыни, которая, къ чести своей въ Европѣ, осыпала его благодѣяніями.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Разрывъ съ Англіею.— Умерщвленіе въ Римѣ Секретаря посольства Бассевиля.

Казнь Лудовика XVI взволновала всю Европу. Каждый Государь представлялъ распространеніе революціонныхъ правилъ въ своемъ государствѣ и съ сего времени вознамѣрились оружіемъ привесть въ чувство возмутительное народное буйство, презирающее нравственность и разумъ. 1 годъ 1793. Война, объявленная Франціею Великобритании.

24 Генваря, то есть въ 4 день по смерти Короля Французскаго, Король Великобританскій приказалъ послу Шовеленю выѣхать изъ Лондона менѣе, нежели въ восемь дней; и Шовелень до отъѣзда своего увидѣлъ трауръ, который начали носить островитяне трехъ Королевствъ въ знакъ соболѣзнованія о Лудовикѣ XVI.

Собраніе на вызовъ Англіи отвѣчало, что

оно всѣми силами вооружится противъ союза Королей. Бриссотъ выдумалъ таковую дерзость. Председатель не далъ времени Собранію обстоятельно разсудить о приготовленіяхъ ко всеобщей войнѣ, пагубной и для побѣдителей и для побѣжденныхъ, и постановили опредѣленіе, по которому республика объявила войну Голландскому Штатгальтеру и Королю Великобританскому.

Возмущеніе въ Римѣ. Умерщвленіе Секретаря посольства Бассевиля.

Сей разрывъ случился въ одно время съ возмущеніемъ Римскимъ, которое было причиною долговременныхъ бѣдствій Священнаго престола.

Причиною сего возмущенія послужило приказаніе, данное Парижскимъ Исполнительнымъ Совѣтомъ Французскому Консулу въ Римѣ снять Королевской гербъ Лудовика XVI съ воротъ своего дома, и на мѣсто онаго выставить трехцвѣтное знамя республики.

Римскій народъ взбунтовалъ, какъ то предполагали, и началъ угрожать, что сожжетъ консульской домъ. Секретарь посольства Бассевиль вздумалъ прекратить сію бурю неустрашимостію. Онъ поѣхалъ прогуливаться въ коляскѣ съ однимъ чиновникомъ, которой навязалъ на себя трехцвѣтной значекъ. Бунтовщики повелительно приказали имъ снять національную кокарду; но когда сіи не послушались, начали бросать въ коляску камнями. Бассевиль съ провожатыми своими убѣжалъ въ домъ одного банкира, который, услышавши ихъ, отперъ; но народъ, пришедшій въ бѣшенство, вломился

въ сіе убѣжище. Чиновникъ спасся въ окошко, а у Секретаря посольства распороли нижнюю часть брюха бритвою, и онъ чрезъ 24 часа умеръ отъ раны.

За симъ народнымъ злодѣйствомъ послѣдовалъ грабежъ и пожаръ, какъ въ домѣ банкира, такъ и въ Академіи Французской; но никто отъ оныхъ не лишился жизни.

Римское правительство, узнавъ о возмущеніи, приказало войску выступить изъ казармъ; но взбунтовавшаяся чернь въ самомъ присутствіи Римскихъ солдатъ зажгла нижнюю часть консульскаго дома съ сими воплями: *да здравствуетъ Папа, да царствуетъ вѣра!*

Римской престолъ искусно уменьшилъ сіе злодѣяніе. Онъ обьяснилъ, что при послѣднихъ возмущеніяхъ въ Авиніонѣ, Марсельскій народъ снялъ Папскій гербъ съ дому апостолическаго консула и повѣсилъ оный на висѣлицѣ; почему Римскій народъ, въ слѣпой и безразсудной своей ревности, могъ требовать возмездія. Но Собраніе думая, что ему одному принадлежало право производить всѣ злодѣйства безъ наказанія, не приняло сего извиненія. Оно приказало Исполнительному Совѣту жестоко отмстить за смерть Бассевиля; но сіе приказаніе много лѣтъ спало подъ сукномъ: желѣзный скипетръ еще не столько утвердился во Франціи, чтобы можно было простерть его на преемника С. Петра.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Отложеніе судопроизводствъ надъ убійцами Сентябрскими. — Дѣло о Маратѣ.

1 годъ 1793 возобновленіе дѣла о убійствахъ, происходившихъ въ Сентябрѣ.

Между тѣмъ судъ, начатый надъ Сентябрскими убійцами, не смотря на всю довѣренность Дантона и Робеспьера, хотя слабо, но продолжался. Ланжуине возбудилъ усыпленное негодованіе, донеся Совѣту о жестокихъ поступкахъ, какіе только могъ собрать. Онъ объявилъ, что 200 разбойниковъ, нанятыхъ главными зачинщиками возмущенія, лишили жизни 8000 человѣкъ; что написаны таблицы гоненій, и что недѣйствіе законовъ въ разсужденіи великихъ преступленій было причиною гнусной прозьбы, недавно читанной въ Совѣтѣ и оканчивающейся сими словами: «ежели члены «Совѣта не вникнутъ въ произшествія, мы «умертвимъ всѣхъ непріятелей государства.

Шаботъ началъ опровергать Ланжюине. Благомыслящіе возстали на Шабота. Дѣло дошло до ругательствъ; слышно было слово: *злодѣй*, и Собраніе, имѣющей великую нужду сокрыть преступленія, которымъ оно одолжено всемъ своимъ могуществомъ, прекратило судопроизводство надъ виновниками Сентябрскихъ убійствъ.

Дѣло о Маратѣ.

Маратъ не былъ хладнокровенъ при сихъ прѣніяхъ; но какъ заговорщики его не любили, то одинъ онъ и содѣлался жертвою ихъ. За нѣсколько дней до того сей глу-

ный злодѣй потребовалъ у Собранія, чтобъ ни одного изъ обвиняемыхъ его товарищей не слушали, по тому только предлогу, что онъ согласился при судопроизводствѣ Короля о переносѣ онаго къ народу, и Собраніе приступило къ опредѣленію, *по причинѣ презрѣнія, возбужденнаго въ немъ ораторомъ.* Вотъ ужасное выраженіе, написанное въ доношеніи;однакожъ оно не исправило Собранія.

Во время дѣла о Сентябрскихъ убійствахъ, въ Парижѣ былъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, который дѣйствительный ли былъ или подложный, однако приготовлялъ цѣпь нещастій. Маратъ воспользовался онымъ и написалъ о немъ въ своемъ журналѣ *Другѣ Народа*, что когда подлые повѣренные отъ народа побуждали къ злодѣянію ненаказанностію, народъ могъ самъ себѣ сдѣлать судъ и разграбленіе магазейновъ, въ дверяхъ коихъ надлежитъ повѣсить перекупщиковъ и прекратить хищенія.

Въ Собраніи прочитали сіе злобное мѣсто; и уже начали поговаривать о обвиненіи Марата. »Я, сказалъ онъ, обвиняю все сонмище непріятелей свободы, кои поклялись »спасти тирана.« Всеобщее негодованіе возрастало непрестанно. Когда одинъ изъ друзей Марата подалъ свой голосъ, что онъ будетъ защищать его, онъ вскричалъ: »Я »совсѣмъ не требую защитниковъ; они испортятъ дѣло мое; здѣсь дѣло идетъ о »злоумышленіи противъ депутаціи Парижской, которой присутствіе безпокоитъ

» философовъ, враговъ революціи. Я тре»
» бую, чтобъ сихъ *политиковъ* по опредѣле»
» нію отослали въ домы сумасшедшихъ. «

Чѣмъ болѣе умножалось негодованіе, тѣмъ болѣе Маратъ на верху *Горы* (такъ Якобинцы именовали каѳедру) усугублялъ свою наглость. Наконецъ онъ самъ вызвалъ къ обвинительному опредѣленію, къ которому показывалъ, по видимому, величайшее презрѣніе, и опредѣленіе было постановлено.

Маратъ не имѣлъ ни ума, ни сердца; онъ былъ не что иное, какъ истуканъ, которымъ бунтовщики управляли для испытанія своей власти и показанія тираніи; но онъ имѣлъ все вліяніе, какое даетъ злодѣяніе, имѣющее власть повелительную и исполнительную. Сіе вліяніе останавливало безъ дѣйствія два мѣсяца дѣло его. Наконецъ ядовитое письмо, сочиненное симъ бѣшенымъ человѣкомъ подъ именемъ Якобинцевъ Столичныхъ, возбудило всеобщее негодованіе.

» Друзья (писали клубамъ департаменты)
» намъ измѣняютъ; къ оружію! къ оружію! ..
» Дюмурье идетъ на Парижъ. . . . Но вели»
» чайшіе ваши непріятели находятся посреди
» васъ; въ самомъ Совѣтѣ убійственныя руки
» раздираютъ вашу внутренность. Прави»
» тельство вооружается противъ револю»
» ціи; въ Народномъ Совѣтѣ возстаютъ про»
» тивъ оной. . . . . Республиканцы, къ оружію!
» къ оружію! . . . «

Маратъ во всѣхъ взорахъ увидѣлъ свое осужденіе, но не уважая средствъ своихъ

непріятелей, кои они, по множеству своему, казалось, увеличивали, онъ торжественно признается въ письмѣ семъ и требуетъ по сему случаю, чтобъ оцѣнили голову Принца, брата Короля, голову Графа Артуа и всѣхъ бѣжавшихъ Бурбоновъ. Сіе жестокое позорище кончилось опредѣленіемъ, по которому Маратъ долженъ быть взятъ подъ стражу.

Марату надлежало явиться предъ революціонное судилище. Сіе судилище, учрежденное для спасенія злодѣевъ и погубленія добрыхъ людей, было подлое орудіе *Горы*. Обвиненный явился для сужденія, и члены оправдали его единодушно. Надобно замѣтить, что тѣ же самые члены въ послѣдствіи и съ таковымъ же единодушіемъ приговорили на эшафотъ Принцессу Елисавету, Лавуазьера и Мальгерба. Маратъ освобожденъ.

Торжество Марата было совершенно. Его въ гражданскомъ вѣнцѣ на головѣ повезли по улицамъ Парижа та же самая чернь, которая произвела 20 Іюня и 2 Сентября, съ подкопщикомъ гвардейскимъ и площадными фуріями. Подкопщикъ представилъ Собранію героя бунтовщика. « Требовали головы его, сказалъ онъ; « хорошо; кто захочетъ срубить ее, тотъ « пусть срубитъ и голову подкопщика. « Его торжество.

Предсѣдатель унизился до того, что отвѣчалъ подкопщику, и удостоилъ какъ его, такъ и площадныхъ фурій засѣданія.

Такимъ образомъ Собраніе, презиравшее Королей, побѣждено было самымъ подлымъ

злодѣемъ, какой только когда либо существовалъ. Оно оказало въ опредѣленіи своемъ самое величайшее презрѣніе къ Королю, и сіе презрѣніе, по справедливому небесному мщенію, обратилось на самого его.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Конституція Кондорсетова.

1 годъ 1793 Среди всѣхъ сихъ зрѣлищъ злодѣйствъ и подлости, Кондорсетъ, по правиламъ другъ человѣчества, но по слабости орудіе бунтовщиковъ, вздумалъ найти во мракѣ метафизическомъ способѣ соединить всѣ стороны и возвратить отечеству миръ, который уже со времени ненаказаннаго злодѣйства 20 Іюня не существовалъ. Такимъ образомъ онъ начерталъ планъ новой конституціи, и предварительныя статьи онаго прочиталъ Собранію.

Главная цѣль его была весьма неосновательна. Онъ хотѣлъ, не ослабляя народнаго духа, успокоить революціонное волненіе. Требовалъ, чтобъ Законодательное Собраніе возобновлялось чрезъ каждые три года и имѣло въ своей власти вооруженную силу въ томъ городѣ, въ которомъ оно будетъ имѣть свое пребываніе, чтобъ исполнительная власть поручалась Совѣту, состоящему изъ семи министровъ, назначаемыхъ народомъ, коихъ Законодательное Собраніе можетъ судить.

Сія конституція, дозволяющая неограниченную свободу книгопечатанія и допускающая войну только домашнюю оборонительную, должна была принимать ограниченія или перемѣняться чрезъ каждыя двадцать лѣтъ.

Сей Кодексъ, соединявшій нравственность съ народнымъ своеволіемъ, имѣлъ главный недостатокъ, котораго никакое ораторское краснорѣчіе и никакое философское дробленіе не могло утвердить. Тщетно большая часть Собранія, по видимому, приняла его; онъ исчезъ въ самомъ своемъ началѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Насильственныя мѣры Правительства. — Гоненія. — Революціонное судилище.

Миръ, означенный Кондорсетомъ на бумагѣ, столь мало принадлежалъ Правительству, старающемуся единственно оправдать хищеніе и производить злодѣянія, что въ то же самое время, когда читали въ Собраніи о средствахъ, представленныхъ въ новомъ законоположеніи для отвращенія бѣдствій, проистекающихъ отъ возмущеній, учреждался въ Избирательномъ Парижскомъ Собраніи безпокойный Комитетъ, который возмутительными своими засѣданіями посѣвалъ повсюду опасеніе и страхъ. Ланжюине донесъ на него, но на то не обратили вниманія. Верніодъ простерся далѣе: онъ собралъ про- Возмутительный Комитетъ

исшествія и заставилъ постановить опредѣленіе, по которому надлежало взять подъ стражу членовъ Комитета возмущенія.

Министръ Юстиціи провѣдалъ уже о злоумышленіи и извѣстилъ о томъ Собраніе. Начало сихъ народныхъ раздоровъ крылось въ Якобинскомъ клубѣ, и дѣло ни о чемъ другомъ шло, какъ о двойномъ праздникѣ С. Варѳоломея. Одна злодѣйская шайка должна была притти въ Совѣтъ для умерщвленія тѣхъ депутатовъ, кои не подавали своего согласія на умерщвленіе Короля, а другой надлежало поразить все министерство и по умерщвленіи онаго поставить новую исполнительную власть.

Сіи извѣщенія не произвели никакого дѣйствія. Члены Возмутительнаго Комитета не были взяты подъ стражу. Сумасшествіе овладѣло убійцами Лудовика XVI. Ихъ хотѣли наказать отъ девяти десятаго; и на краю пропасти они зажимали себѣ глаза, думая тѣмъ самымъ закрыть ее.

Отношеніе Марсельскаго Мѣщанства отняло у нихъ и самую мечту, коей они льстились. Сіе Мѣщанство вызывало особенно часть Собранія менѣе прочихъ несправедливую, ту часть, которая подала свое согласіе на переносъ дѣла къ народу въ судопроизводствѣ Лудовика XVI.

« Невѣрные повелители! весьма давно вы
« занимали почтенное мѣсто, котораго за-
« нимать недостойны. . . . Бѣгите, повѣрьте
« намъ, изъ сего священнаго круга, который

„вы давно заражали вашимъ нечистымъ дыханіемъ. Все гражданство Марсельское объявляетъ вамъ, что вы лишились его довѣренности. . . . . Мы признаемъ Народнымъ Собраніемъ только ту спасительную гору, которая должна вмѣстѣ съ нами сохранить отечество. Бѣгите, подлые и вѣроломные члены! или страшитесь, чтобъ первымъ вамъ не испытать мстительнаго меча того республиканскаго народа, который поднимается въ третій разъ для спасенія республики.“

Сіе дерзкое отношеніе выслушали съ такимъ спокойствіемъ, которое означало крайнюю степень робости. Тщетно Барерѣ, Гадетъ и Ласурсъ старались воспламенить въ членахъ погасшее чувствованіе своего достоинства. Они успѣли только исторгнуть у нихъ одно пустое охужденіе сего отношенія. Вѣчные виновники народныхъ раздоровъ имѣли великую нужду въ виновныхъ, дабы можно было ихъ наказывать.

Жестокой законъ противъ выходцевъ.

Собраніе старалось обмануть себя въ разсужденіи опасности, угрожавшей ему, и возбудило новыхъ непріятелей для раздѣленія оныхъ. Таково начало славнаго закона противъ выходцевъ, коимъ объявлены были вѣчными изгнанниками изъ Французской земли люди обоего пола, не имѣвшіе съ 9 Мая 1792 года непрерывнаго пребыванія на республиканской землѣ. Оно изгоняло ихъ навсегда изъ Франціи, почитало ихъ мертвыми для гражданства, описало ихъ иму-

щество, и за нарушеніе сего закона осуждало на смертную казнь.

Сіе законоположеніе въ разсужденіи выходцевъ, заключающее въ себѣ 84 члена, есть произведеніе тираніи, медленно и хладнокровно обдуманной. Оно не есть собраніе законовъ, но злоумышленіе на собственность, честь и жизнь человѣческую; оно подавляло Францію девять лѣтъ, и консульное правленіе его отмѣнило.

Послѣ законовъ о выходцахъ послѣдовали и другія не менѣе революціоннаго установленія.

Обезоруженіе дворянства и духовенства.

Гора почитала истинными врагами новаго порядка вещей оставшееся дворянство и духовенство, почему и заставила Собраніе обезоружить ихъ по опредѣленію во всѣхъ департаментахъ республики.

Сія непримиримая ненависть ко всѣмъ древнимъ учрежденіямъ испровергла превосходнѣйшія заведенія, коими славился вѣкъ Лудовика XIV, и между прочими Королевской домъ Сен-Сиръ, учрежденный для образованія нравовъ и вкуса дочерей бѣдныхъ дворянъ. Сей законъ, равно какъ и о уничтоженіи Академій, послѣдовавшій спустя много мѣсяцевъ, данъ былъ по донесенію Комитета Народнаго Просвѣщенія, который никого почти не допускалъ въ свое общество, кромѣ Вандаловъ; Комитета, не терпящаго просвѣщенія, которое онъ долженъ былъ распространять; того Комитета, которой старался только о разрушеніи.

Всѣ сіи нарушенія хорошихъ общественныхъ установленій доведены были до совершенства учрежденіемъ революціоннаго судилища.

Учрежденіе революціоннаго судилища.

Революціонное судилище въ городѣ, имѣвшемъ уголовные суды, коихъ рѣшенія поступали на утвержденіе въ аппелляціонныя палаты, очевидно было нѣкоторымъ родомъ огненной комнаты, учрежденной для удовлетворенія мщенія.

Членъ III, по которому каждое отдѣленіе должно имѣть только трехъ судей во время безначалія, производившаго одниxъ только чудовищъ въ порядкѣ нравственномъ; членъ V, по коему предоставлялось право назначать членовъ сей коммисіи Народному Собранію; членъ XIII, по коему рѣшенія сего судилища должны быть безъ переносу: все имѣло на себѣ печать страшной тираніи, угнетавшей тогда Францію. Очевидно, что цѣлый народъ не имѣлъ права судить таковой власти, и вездѣ, гдѣ сіе кровожадное судилище было учреждено, не было другаго правительства.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Умерщвленіе Леонарда Бурдона въ Орлеанѣ. Гоненія на Министровъ.

Убійство Бурдона и мщеніе.

Всѣ таковыя учрежденія, уклонившія Францію снова къ временамъ варварства, производили во всѣхъ департаментахъ хотя и скрытное, но сильное негодованіе противъ разрушителей новой республики. Леонардъ Бурдонъ, одинъ изъ повѣренныхъ *Горы*, подвергся искушенію, которое дорого ему стоило; однако не исправило ни его, ниже другаго какого члена новаго правительства.

Сей Бурдонъ былъ посланъ въ Орлеанъ для учрежденія въ городѣ равенства. Вмѣсто того, чтобъ пріѣхать ему въ Ратушу, онъ по неосторожности явился въ клубѣ и донесъ тамъ о всѣхъ общественныхъ мѣстахъ жесточайшаго народоначальничества. Сіе забвеніе политическаго приличія отклонило отъ него совершенно умы, кои извѣстіемъ о его проконсульствѣ начали раздражаться. Приступили къ насильственнымъ средствамъ; постарались окружить его, и наконецъ ранили слегка штыкомъ. Ежели вѣрить весьма подозрительному повѣствованію самаго Бурдона, убійца, для показанія причины, побудившей къ столь гнусному насилію, ударивъ его, сказалъ: *Ступай въ адъ къ твоему Сен-Фарго*. Правители Орлеанскіе на требованія Министерства отвѣчали со своей стороны, осно-

вываясь на показаніи свидѣтелей, что дѣло шло о частной ссорѣ; депутатъ дерзко вмѣшался въ оную и былъ раненъ. Какъ бы то ни было, Собраніе узнавъ, что народный духъ въ Орлеанѣ не былъ согласенъ съ духомъ столицы, избралъ изъ двухъ объясненій то, которое болѣе благопріятствовало его мщенію, и объявилъ опредѣленіемъ весь городъ бунтующимъ.

Новые повѣренные, посланные въ Орлеанъ для составленія списковъ гоненія, пояснили не столь ненавистнымъ образомъ дѣло Бурдона. Граждане сами пришли защищать свое дѣло; ихъ выслушали со вниманіемъ и отмѣнили жестокое опредѣленіе.

Между тѣмъ *Гора*, взирая съ прискорбіемъ, что исторгаютъ изъ рукъ ея нѣкоторыя жертвы, употребила въ посредство Коллота Гербуа, который поклялся отечествомъ (тщетный призракъ для подобнаго злодѣя), что злоумышленники Орлеанскіе обманули честность Собранія. Маратъ сказалъ рѣчь съ обыкновенною ядовитостію противъ людей, противящихся революціи, кои приказывали убить Леонарда Бурдона, и наконецъ постановили третіе опредѣленіе, коимъ весь городъ объявленъ бунтующимъ.

Впрочемъ Собраніе, занявшись важными происшествіями, подвергавшими опасности не общественныя дѣла, но его собственныя, нѣсколько времени ничего не предпринимало противъ мнимаго Орлеанскаго бунта; сверхъ того революціонное судилище,

едва возникшее, не смѣло ввести палачей своихъ въ многолюдный городъ, защищаемый невинностію. Въ послѣдствіи испытавъ силы свои, оно поступило дерзновеннѣе, и за пустую ссору, въ которой раненъ одинъ начальникъ партіи, пролили рѣки чистѣйшей крови Орлеанцевъ на эшафотахъ.

Гоненія на Роланда.

Когда Собраніе усмотрѣло, что у него не осталось болѣе незнатныхъ непріятелей для пораженія, то обратилось противъ враговъ, нѣсколько важнѣе, то есть на министровъ, коими себя окружало. Роландъ, почитавшійся долго идоломъ его, но смѣло предпочитавшій миролюбивую партію Жиронды предъ безпокойною партіею Мѣщанства, первый подвергся гнусной ненависти *Горы*. Хотя Роландъ сдѣлался простымъ гражданиномъ; однако и въ уединеніи гнали его нелѣпыя клеветы. Роландъ принужденъ былъ написать Собранію и представить, сколь оно ненавистно, потому что обвиняетъ непрестанно человѣка честнаго, котораго обезславить безъ наказанія, и который для защищенія отъ кинжаловъ не имѣетъ ничего, кромѣ холодной логики.

Огорчаютъ Бернонвиля.

Ежели Собраніе при разрывѣ съ Пруссіею и Испаніею имѣло нужду беречь какого министра, то подлинно военнаго. Бернонвиль, занимавшій тогда сіе трудное мѣсто, ежедневно терпѣлъ отъ Комитетовъ униженіе. Тщетно выставлялъ онъ въ защищеніе свое 173 сраженія, на которыхъ жертвовалъ собою для республики. Сіе краснорѣчіе

было безполезно. Наконецъ онъ подалъ въ отставку, и когда по большинству голосовъ въ Собраніи отказали въ прозьбѣ сей, онъ согласился еще остаться на своемъ мѣстѣ, но съ условіемъ, что при открытіи перваго похода займетъ опять прежнюю свою должность, болѣе сходную съ его дарованіями, то есть должность начальствовать войсками.

Гара, Министръ Юстиціи, также едва не лишился довѣренности у Собранія, и онъ заслужилъ сіе неудовольствіе своею чувствительностію и просвѣщеніемъ. Онъ безъ согласія и свидѣтельства Законодательнаго Комитета остановилъ продажу имущества Герцога Тремуиля, которое описано было несправедливо. Донесли на министра: вдругъ опредѣленіемъ уничтожили всѣ отсрочки, данныя министромъ, и Гара спасся отъ обвиненія по одному только обыкновенному порядку. Неудовольствія противъ Гара.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Война съ Пруссіею. Отклоненіе Дюмурье.

Между тѣмъ объявлена была война Пруссіи, и разбитіе Французскаго войска при Ахенѣ предвѣщало нещастныя произшествія для начатаго похода. Дантонъ употреблялъ все свое революціонное краснорѣчіе для успѣховъ на границахъ народной партіи. Онъ зналъ, что потребны были великія опасности для употребленія великой 1 годъ 1793. Революціонныя мѣры для открытія похода.

силы, и показалъ, что Дюмурье скоро будетъ окруженъ въ Голландіи и потеряетъ сто тысячь человѣкъ, отъ чего разрушится вольность. Всѣ или по энтузіазму къ общественному дѣлу, или изъ страха пожертвовали собою. Ораторъ, не удовлетворившись симъ, принудилъ постановить опредѣленіе, по которому бѣднѣйшій гражданинъ долженъ быть вооруженъ пикою, и за издержки ему долженъ платить богатый. Назначили для войны денежное вспоможеніе, долженствующее собираться съ однихъ только земель; разграбили прекрасный замокъ Шантильи и отобрали всѣхъ лишнихъ лошадей для пользы республики.

Положеніе Франціи въ сіе время было тѣмъ опаснѣе, что безпокойное и подозрительное Собраніе послѣ нападенія на всѣхъ министровъ, начало гнать и Генераловъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ Дюмурье, коего могущество причиняло великое безпокойство *Горѣ*. Вѣроятно желали найти его виновнымъ, и сдѣлали таковымъ. Оскорбленія, причиненныя Дюмурье, подали ему мысль не о возстановленіи престола, который онъ помогалъ испровергнуть, но объ основаніи на развалинахъ ненавистнаго общества Якобинцовъ новой республики.

Отклоненіе Дюмурье

Первые удары, нанесенные *Горою* Емапскому побѣдителю были не вѣрны. Иснардъ защитилъ его своимъ Южнымъ краснорѣчіемъ; Барерь, подражая превосходной ораторской силѣ Мирабо, сказалъ, что въ

свободномЪ государствѣ гора Тарпейская должна быть подлѣ Капитоліи; но до сего времени еще Дюмурье входилЪ только чрезЪ Капитолію, и гора Тарпентинская долженствовала существовать только для бунтовщиковЪ, кои для того на него доносили, чтобЪ испровергнуть республику.

Дюмурье, по видимому, утвердился; но онЪ по неосторожности написалЪ сильное письмо вЪ Собраніи на Паша, прежняго военнаго Министра, который такЪ растроилЪ Бельгическое войско, что произвелЪ всѣ его нещастія. Сей ПашЪ былЪ тогда МеромЪ ПарижскимЪ и почитался однимЪ изЪ героевЪ *Горы*. Сія досадуя на справедливость, обнаруженную Дюмурье, помышляла о единомЪ мщеніи, и сверхЪ обыкновенія употребила много хитрости. Она послала вЪ Бельгическое войско трехЪ лазутчиковЪ, подЪ именемЪ повѣренныхЪ. Первый изЪ нихЪ былЪ мнимый ГрафЪ Просли, коему поручено было присматривать за Дюмурье, или лучше, найти за нимЪ вину. Лазутчики *Горы* исполнили ея желанія: они протолковали вЪ злую сторону слова, кои онЪ могЪ сказать противЪ республики; напечатали баснословный разговорЪ, ими вымышленный, и сЪ такимЪ правдоподобіемЪ представили Дюмурье КомитетамЪ новымЪ ГенераломЪ МонкомЪ, который хотѣлЪ возстановить на престолѣ династію БурбоновЪ, что Національное Собраніе предписало опредѣленіемЪ привесть его вЪ свое присутствіе для личнаго отвѣта доносителямЪ.

Трудно было исполнить такое опредѣленіе противъ Генерала, который могъ противъ швейцаровъ выставить солдатъ, и привесть штыками въ молчаніе законы. Четыре депутата разрубили Гордіевъ узелъ; они предложили взять Дюмурье подъ стражу въ самомъ лагерѣ и представить въ революціонное судилище. Сіи депутаты были Камюсъ, Банкаль, Кинетъ и Ламаркъ, къ коимъ присоединился и военный Министръ Бернонвиль. Въ сей развязкѣ было нѣчто романическое, что самое и скрываетъ нѣсколько нелѣпость оной отъ прозорливости Исторіи.

Дюмурье, благовременно о семъ увѣдомившись и зная, что онъ осужденъ, отплатилъ дерзостію. Онъ принялъ къ себѣ депутатовъ въ залу при своемъ штабѣ, прочиталъ хладнокровно опредѣленіе, и отдавая его обратно, объявилъ, что не будетъ повиноваться. Камюсъ объявляетъ ему именемъ закона, что онъ уже не военачальникъ, и представляетъ, что долженъ взять его подъ стражу. Въ сію минуту входятъ гусары Бершини и отводятъ повѣренныхъ и Бернонвиля въ Турней. Начальникъ провожатыхъ получаетъ въ то же время письмо отъ Генерала Клерфета, который объявляетъ, чтобъ ему прислали нѣсколько аманатовъ.

Когда Цесарь перешелъ Рубиконъ, онъ увѣренъ былъ въ своихъ воинахъ; но Дюмурье имѣлъ у себя въ баталіонахъ множество Санкюлотовъ, кои испортили планъ его:

Штабъ частію измѣнилъ ему, и Валансьень, долженствующій служить зборнымъ мѣстомъ, заперъ предъ нимъ свои ворота.

Собраніе съ своей стороны, при первомъ слухѣ о отложеніи Дюмурье, объявило измѣнникомъ всякаго Француза, который пойдетъ подъ его знамена; назначило цѣну за голову Генерала, и обѣщало гражданскій вѣнокъ тому, кто представитъ его живаго или мертваго въ столицу.

Уже возмущеніе Бельгическаго войска утихло, когда дошли въ оное сіи опредѣленія Собранія. Собственные солдаты Дюмурье начали стрѣлять по своемъ Генералѣ въ лѣсахъ Сент-Амандскихъ, и онъ принужденъ былъ спасаться въ плавъ, чтобъ достигнуть, не какъ сопернику Герцога Брауншвейгскаго, но какъ простому бѣглецу земли, занятой непріятелями республики.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Нещастное засѣданіе 4 Апрѣля 1793 года.

Герои свободныхъ народовъ всегда показывали себя великодушными послѣ побѣды. Якобинцы, побѣдивъ Дюмурье, послѣ торжества своего помышляли только о новомъ кровопролитіи. Доносъ на Бриссота.

Во время ужаснаго засѣданія 4 Апрѣля весьма ясно увидѣли, какому роду похитителей предано было прекрасное государство, славившееся умомъ Карла Великаго,

великодушіемъ Генриха IV и просвѣщеніемъ въ лучшій вѣкъ Лудовика XIV.

Робеспьеръ, досадуя на соперничество Бриссота, спорившаго съ нимъ о могуществѣ, началъ обвинять его въ томъ, что онъ имѣлъ участіе въ умыслахъ Дюмурье. Сія ссора не имѣла тогда никакого послѣдствія; но со временемъ оная возведетъ одного на диктаторство, а другаго на эшафотъ.

Опредѣленіе противъ семей отзвенныхъ чиновниковъ Дюмурье.

Многіе чиновники изъ штаба Дюмурье учавствовали въ неудовольствіяхъ его на разбойниковъ, державшихъ вожди Французскаго правленія, и вмѣстѣ съ нимъ отложились. Собраніе опредѣлило отцовъ, матерей и дѣтей перемѣтчиковъ, начиная съ Подпоручика до Генерала, держать въ видѣ заложниковъ, доколѣ не будутъ отпущены четыре повѣренныхъ и Бернонвиль.

Жертвы въ дому Орлеанскомъ.

Въ арміи Дюмурье съ отличіемъ служилъ сынъ Герцога Орлеанскаго. Отыскали въ Канцеляріи Комитета Общественнаго Благосостоянія письмо сего юнаго Принца къ отцу своему, которымъ онъ приписывалъ долговременныя бѣдствія Франціи бунтовщикамъ, управлявшимъ Собраніемъ. Въ одну минуту опредѣленіемъ, достойнымъ величайшихъ злодѣевъ, велѣно было взять подъ стражу Герцогиню Орлеанскую, отличную своею благотворительностію и добродѣтелями, которая могла быть подозрительна только для безумныхъ людоѣдовъ.

Буря сія касалась самаго Герцога Орлеанскаго, засѣдавшаго, подъ именемъ *Равенства,*

съ законодателями. Онъ вознамѣрился подражать Бруту древняго Рима, хотя былъ не что иное, какъ Катилина, и сказалъ робкимъ голосомъ: « Ежели сынъ мой виноватъ, « чему я не могу вѣрить; то статуя Брутова предо мною, и она мнѣ предписываетъ мою обязанность. »

Сіе драматическое дѣйствіе съ трудомъ тронуло неумолимое сердце судей. Собраніе опредѣлило: Принца и Силлери, его повѣреннаго, держать въ виду и не выпускать изъ столицы.

Сіе засѣданіе 4 Апрѣля кончилось рѣшеніемъ новаго рода. Гушонъ, ораторъ, любимый въ предмѣстіи Сен-Антоанъ, сказалъ оному, что народъ утомился отъ пустыхъ переходовъ изъ одной перемѣны въ другую. Онъ поклялся предъ статуею Брута, уже оскорбленною словами Герцога Орлеанскаго, что пронзитъ кинжаломъ того безчестнаго человѣка, кто будетъ сожалѣть о Короляхъ. Потомъ онъ предложилъ о наборѣ корпуса Сцеволъ, кои бы употребили мечь и огонь для освобожденія вселенной отъ вѣнчанныхъ тирановъ. Собраніе вмѣсто того, чтобъ предать Уголовному суду сего оратора, съ восторгомъ одобрило рѣчь его и опредѣлило привесть въ исполненіе сіе напоминаніе и напечатать ругательное его сочиненіе.

Полкъ цареубійцъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе народнаго мщенія. Мѣры, предпринятыя противъ фамиліи Лудовика XVI.

Возмездіе, употребленное во Франціи противъ задержателей Бернонвиля и четырехъ повѣренныхъ.

Принцъ Саксен-Кобургскій, не смотря на ругательныя сочиненія Французскихъ начальниковъ партіи, извѣстный до сего времени своею скромностію и великодушіемъ, помрачилъ славу свою, отославъ въ Нѣмецкія крѣпости плѣнниковъ, Бернонвиля и четырехъ повѣренныхъ, коихъ почиталъ сообщниками въ измѣнѣ Дюмурье. Сіе нарушеніе народнаго права подало поводъ Собранію къ гнусному мщенію, которое оно хотѣло оправдать ужаснымъ правомъ возмездія.

Въ различныхъ пограничныхъ крѣпостяхъ было нѣсколько военноплѣнныхъ знатнаго происхожденія, кои, по обыкновеніямъ древней монархіи, вмѣсто темницы содержались въ городѣ. Таковые были два Принца изъ дому, предводительствующаго Имперскими войсками, два племянника Генерала Клерфета и еще три Принца. Собраніе приказало перевести ихъ въ Парижъ и заключить въ Тампль подъ именемъ аманатовъ.

Маратъ симъ не удовольствовался; онъ во время засѣданія 6 Апрѣля хладнокровно потребовалъ, чтобъ взяли подъ стражу сто тысячь человѣкъ изъ друзей и родственниковъ выходцевъ, и чтобъ они жизнію своею поручились за жизнь Банкаля, Кинета, Ламарка, Камюса и Бернонвиля. Какъ тако-

вое требованіе отвергнуто было опредѣленіемъ, то Карлье предложилъ другое, не меньше примѣчательное по новому роду без человѣчія: надлежало держать все поколѣніе Бурбоновъ въ видѣ заложниковъ, и ежели жертвы, преданныя отъ Дюмурье, падутъ отъ меча, то всѣхъ Бурбоновъ подвергнуть казни. «Благосостояніе отечества, сказалъ «онъ, требуетъ, чтобъ всѣ они погибли тог«да, какъ изчезла королевская власть изъ «республики.» Опредѣленія гоненій поколѣнія Бурбоновъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Война съ Испаніею. Сильныя мѣры для сего похода.

Гоненіе Бурбоновъ по необходимости долженствовало возжечь войну съ Испаніею. Кабинетъ Мадритскій въ семъ случаѣ показалъ нѣкоторую твердость. Опредѣленіемъ Совѣта предписывалось всякому Французу, жившему меньше десяти лѣтъ въ Испаніи, или не хотѣвшему присягнуть въ вѣрности Королю Испанскому, выѣхать изъ государства сего въ двои сутки. Образъ таковаго изгнанія былъ противенъ великодушію Испанскому, и всеобщее мнѣніе не одобряло онаго. Собраніе для утвержденія своей системы, состоящей изъ вѣроломствъ и мщенія, воспользовалось симъ мнѣніемъ, на которое до сего времени не обращало вниманія. 1 годъ 1793. Разрывъ съ Испаніею.

Собраніе ясно понимало, что казнь Лудовика XVI должна вооружить противъ него Мѣры для

войны съ Европою почти всѣ Европейскіе престолы. Уже оно вооружалось противъ Великобританіи. Белгія была вполовину покорена; Голландію опустошали; хотѣли весь народъ устремить противъ Германіи. Кабинетъ Генеральныхъ Штатовъ, потерявшихъ первоначальный духъ, находясь въ затруднительномъ положеніи, пожертвованіями отклонилъ на время завоеваніе. Французскіе республиканцы, будучи еще новы въ дипломатикѣ, отвращали бурю однимъ только презрѣніемъ оной. Они вызывали противъ себя всю Европу и послѣ множества кровопролитныхъ битвъ удержали за собою поле сраженія.

Какъ Файетъ и Дюмурье готовились итти на Парижъ для возстановленія лучшаго порядка вещей или, какъ называли на языкѣ начальниковъ партіи, противнаго революціи; то опредѣлили въ каждую армію республики по три народныхъ депутата съ неограниченною и несмѣнною властію, кои должны смотрѣть за военачальниками, предписывать имъ законы и удерживать ихъ отъ побѣдъ безъ согласія республики.

По сей Махіавелевой тактикѣ Штабы, служившіе исполнителями воли Генераловъ, сдѣланы были республиканцами. Удаляли изъ прежнихъ полковъ Маіоровъ, наблюдавшихъ воинскій порядокъ, сдѣлавшійся тогда безполезнымъ, замѣнили ихъ, не говорю, храбрѣйшими, но щастливѣйшими изъ Санкюлотовъ.

Отъ сего всеобщаго разстройства армій по необходимости проистекало лишеніе на-

чальства надъ войсками Генераловъ изъ древняго дворянства. Между тѣмъ тѣ изъ нихъ, кои вооружались противъ престола, полагаясь на признательность республики, забывали о славѣ своихъ заслугъ и приходили въ чувство уже при подножіи эшафота.

Самые Генералы народной стороны, получавшіе непосредственно приказанія отъ минутныхъ героевъ, теряли свое вліяніе. Они сильно жаловались, и ихъ соумышленники, сдѣлавшись надъ ними судіями, для оправданія въ ропотахъ отсылали ихъ въ революціонное судилище.

Сообразно съ сими мѣрами, Барeръ написалъ примѣчательный манифестъ какъ по дерзости, такъ и по силѣ, который по опредѣленію велѣно было перевести на всѣ языки и послать ко всѣмъ правленіямъ.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Составленіе Комитета Общественнаго Благосостоянія.

Весьма очевидно, что по смерти Короля 1 годъ
Собраніе, потрясаемое двумя противными 1793.
сторонами, Жирондою и шайкою разрушителей, всегда было подъ управленіемъ другихъ. Было время, когда оное, принявъ нѣкоторый образъ правленія, не имѣло непостоянства, когда оно могло дѣйствовать само по себѣ и имѣло единство въ отважной своей системѣ сдѣлать изъ Европы одну только великую республику.

Таково было начало сего славнаго Комитета Общественнаго Благосостоянія, который пятнадцать мѣсяцевъ обладалъ побѣдою и смертію, и держалъ съ жестокою силою вожди верховной власти. Иснардъ сперва представилъ планъ сего децемвирства; онъ почерпнулъ основанія онаго въ древнемъ Римѣ, и по образцу сему постарался, для увеличенія республиканской силы, соединить въ новыхъ правителяхъ три власти.

Жиронда покусилась доказать опасность сего учрежденія, загремѣвъ противъ неограниченной власти, не менѣе ужасной въ разсѣяніи, какъ и въ особомъ составленіи. Маратъ, защищавшій тогда всѣ дурныя дѣла, отвѣчалъ, что необходимость заставляетъ учредить въ республикѣ самовластіе для подавленія деспотства Королей. Сіе ложное умствованіе почли справедливымъ и постановили опредѣленіе.

Первые члены Комитета были всѣ избраны изъ общества начальниковъ партіи. Въ тотъ же самый день, въ который представлены были кандидаты, Комитетъ вступилъ въ управленіе.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Нещастныя происшествія до гоненія 31 Мая.

1 годъ. 1793. Различныя злодѣйства

Чѣмъ болѣе благомыслящіе показывали страха при взглядѣ на бури, кои республика, не имѣющая добрыхъ правилъ, около себя возбуждала; тѣмъ болѣе бунтовщики ста-

рались разсѣвать свое безпокойство величайшимъ распространеніемъ своей звѣрской системы. Робеспьеръ предложилъ очистить отдѣленія взятіемъ подъ стражу подозрительныхъ гражданъ, возжечь пламя на всѣхъ площадяхъ, для приготовленія, какъ говорилъ онъ, громоваго удара всѣмъ тиранамъ, родившимся и имѣющимъ возникнуть.

Хотя всѣ сіи способы не утверждены были опредѣленіемъ, однако клубы во всѣхъ департаментахъ, какъ бы ударивъ въ набатъ, заставили взять подъ стражу въ самое короткое время болѣе 20,000 человѣкъ. Со всѣхъ сторонъ представлены были Собранію жалобы на сіе нарушеніе первыхъ общественныхъ законовъ, и начали колебаться. Якобинецъ Моль сказалъ на каѳедрѣ, что ежели будутъ внимать симъ двадцати тысячамъ человѣкъ, то для разсматриванія дѣла потребно будетъ 20,000 засѣданій, и тотчасъ склонилъ къ опредѣленію.

Никакъ невозможно было вести войны съ Королями и добрыми гражданами безъ денегъ, а государственная казна была истощена. По побужденію Камбона и Марата опредѣлено было занять у богатыхъ безъ отдачи тысячу милліоновъ.

Когда въ департаментѣ Герольтъ заставилъ богатыхъ на свой щетъ обработывать земли бѣдныхъ, которые должны итти на границы, Собраніе, вмѣсто уничтоженія сего департамента, присвояющаго права верховной власти, обратило сей революціонный способъ въ законъ для всей республики.

Послѣ сего ужаснаго испытанія силѣ своихѣ, Собраніе, желая поставить войска на границахѣ, на кои нападаютѣ, или угрожаютѣ нападеніемѣ, выдумало новый способѣ требованія и опредѣлило собрать вдругѣ одиннадцать армій.

Смятеніе вѣ департаментахѣ

Между тѣмѣ какѣ занимались утвержденіемѣ внутренняго спокойствія республики, вѣ департаментахѣ происходили возмущенія, кои доказывали, что Франція будетѣ вѣчно источникомѣ раздора, доколѣ будетѣ забавляться призракомѣ республики.

Ліонѣ, управляемый клубами, дерзнулѣ подать согласіе на учрежденіе революціоннаго судилища. Уже 1,600 плѣнниковѣ должны были предстать вѣ оное, какѣ Собраніе, досадуя, что похищали у него власть тиранствовать, уничтожило судилище и приговорило судей за нарушеніе правѣ кѣ смертной казни.

Прибытіе плѣнныхѣ Бурбоновѣ вѣ крѣпость Марсельскую произвело вѣ семѣ городѣ возмущеніе вѣ превратномѣ смыслѣ, и вселило вѣ возмутителей Парижскихѣ странную мысль, кои безѣ помощи союзниковѣ Марсельскихѣ никогда бы не выдумали 10 Августа; но сѣ сего времени народный духѣ удивительнымѣ образомѣ перемѣнился вѣ столицѣ Юга. Жители оной, наскучивѣ дышать заразительнымѣ воздухомѣ безначалія, сами себя начали обвинять; они учредили народное судилище на главныхѣ бунтовщиковѣ, и утвердивѣ согласіе между тридцати

двумя очищенными отдѣленіями, успѣли приказать двумъ народнымъ депутатамъ, Буасету и Моисею Баилю, распространявшимъ Якобинское возмутительное ученіе, чтобъ они въ 24 часа выѣхали изъ города и удалились въ Монтелимаръ.

На сей поступокъ донесъ Собранію самъ Моисей Баиль, съ жалобою на возмущеніе, непозволяемое законодателями. Они опредѣлили, что судилище народное, составленное отдѣленіями Марсельскими, не имѣло никогда законной власти; что члены онаго были убійцы, и что самое образованіе ихъ было противозаконное.

Новыя злоумышленія мѣщанства.

Безпокойное Мѣщанство, усматривая изъ смятеній департаментовъ, что республика, основанная имъ посредствомъ толикихъ злодѣяній, клонилась къ разрушенію, поклялось снова ее возставить. Тайна открылась; обьявили Собранію о двухъ его мятежническихъ засѣданіяхъ, бывшихъ въ палатѣ Мера, гдѣ и опредѣлено было сдѣлать второй день 10 Августа, за коимъ должно послѣдовать новое 2 Сентября. Уже требовали, чтобъ взяты были заговорщики подъ стражу, и отставили отъ должности времяннаго начальника народной гвардіи, какъ Маратъ, для отклоненія отъ сего, донесъ на мнимое собраніе политиковъ, бывшее въ лѣсу Булонскомъ, подъ предсѣдательствомъ Валазе, для перенесенія Собранія въ городъ, преданный Жирондѣ. Тогда Собраніе, раздѣлившись между собою, взволновалось и отослало было

дѣло на разсмотрѣніе въ Комитетъ Двѣнадцати.

Сей Комитетъ существовалъ не много дней послѣ своего донесенія. Въ ономъ узнали, что Мѣщанство назначило къ умерщвленію 8000 человѣкъ. Тогда вышло странное опредѣленіе, означавшее болѣе страхъ первой хищной власти, нежели желаніе нисповергнуть оную. Опредѣлено было, что Собраніе отдаетъ подъ покровительство добрыхъ гражданъ общественное имущество народныхъ депутатовъ и городъ Парижъ.

Тогда Гебертъ, помощникъ Генералъ-Прокурора Мѣщанства, возсталъ въ своемъ сочиненіи, подъ названіемъ *Отецъ Дюшень*, противъ опредѣленія. Комитетъ Двѣнадцати отвѣчалъ сему оратору ругательствомъ, отославъ его плѣнникомъ въ Лабе.

Мѣщанство, неистовствуя на то, что дерзали такимъ образомъ покушаться на его верховную власть, потребовало съ дерзостію, показывающею, что оно надѣется на свою силу, дабы освободили помощника Генералъ-Прокурорскаго, а между тѣмъ приступило къ дѣйствію. Шестнадцать отдѣленій присовокупились къ Мѣщанству и объявили повелительно, что они требуютъ освобожденія изъ темницы Геберта. Одно изъ нихъ, будучи еще необузданнѣе, потребовало, чтобъ весь Комитетъ Двѣнадцати преданъ былъ революціонному суду. Трудно было Собранію, съ самаго начала

управляемому наглыми людьми, сохранить тогда важность своего достоинства. Онѣ приказалѣ освободить Геберта и уничтожить Комитетѣ Двѣнадцати, который служилѣ Палладіемѣ противѣ тиранства Мѣщанства, непрестанно возрастающаго.

Впрочемѣ Собраніе, разсуждая на другой день, что долговременная слабость его служила только кѣ довершенію собственной потери, началѣ раскаеваться и, по убѣжденіямѣ Ланжюине, очувствовался на минуту. Большинствомѣ голосовѣ, 279 противѣ 238, часть опредѣленія, уничтожающая Комитетѣ изѣ двѣнадцати, была отмѣнена.

Колотѣ Гербуа утверждалѣ, что Собраніе, возстановляя Комитетѣ изѣ Двѣнадцати, поступило противѣ революціи, и потребовалѣ, чтобѣ статуя вольности была прикрыта. Сѣ обѣихѣ сторонѣ дошли до крайняго ожесточенія, и одни только пушки, кинжалѣ и эшафоты могли возвратить Собранію тотѣ подлый мирѣ, который можно назвать миромѣ гробовѣ. Таково было послѣдствіе 31 дня Маія, которое Исторія противѣ воли должна описывать.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Нещастіе 31 Маія и послѣдствія онаго.

Чтобѣ найти начало бѣдствіямѣ той Жиронды, которая, сколько ни была безпокойна, имѣла еще довольно чистыя правила и которую потомство не можетѣ смѣшать 1 годѣ 1793.

съ подлыми, развращенными заговорщиками, учредившими ненавистную республику противъ просвѣщенія и добродѣтели, надобно для сего возвратиться къ эпохѣ торжества Маратова надъ Собраніемъ.

Робеспьеръ первый оклеветалъ Жиронду. Онъ, хитрымъ образомъ выдумавъ нѣкоторый заговоръ, коего цѣпь, начинаясь въ Лондонѣ, простиралась по всѣмъ кабинетамъ Европейскимъ, и оканчивалась въ нѣдрѣ подлаго Народнаго Собранія, утверждалъ, что посольство Бордовское было главнымъ источникомъ онаго. Онъ выставилъ Гадета Жансоне и краснорѣчиваго Верніода и подтвердилъ, что что тогда только вольность воцарится во Франціи, когда сіи *подлые злодѣи* (Робеспьеръ свое имя отдавалъ имъ, чтобъ привесть ихъ въ большую ненависть) будутъ въ гробѣ.

Въ семъ доносѣ было столь мало искусства, что ядъ, заключавшійся въ ономъ, потерялъ всю свою силу. Всѣ вознегодовали на свирѣпаго Робеспьера; но Парижскій Меръ Пашъ, побуждаемый *Горою*, пришедши въ Собраніе, прочиталъ въ ономъ прошеніе, принятое главнымъ Совѣтомъ мѣщанства и 35 отдѣленіями столицы, въ которомъ клевета Робеспьерова была обьяснена новыми революціонными выраженіями. Тамъ представленъ былъ списокъ осужденія 22 членовъ, и требовалось, чтобъ они обьявлены были виновными въ измѣнѣ, сдѣланной самовластному народу.

Собраніе, не смотря на грозную силу, на которую опирался Робеспьеръ, не почло за нужное наказывать отъ девяти десятаго, и отвергло, какъ ложное донесеніе 35 отдѣленій столицы. Городъ Бордо для спасенія жизни депутатовъ своихъ мужественнымъ поступкомъ избавилъ ихъ отъ эшафота. 14 Маія пришло чрезвычайное посольство отъ сего города: оно объяснялось отъ лица 12,000 гражданъ своихъ отдѣленій и отъ всѣхъ законныхъ властей своихъ; утверждало что городъ, посылая въ Парижъ своихъ депутатовъ, не воображалъ, что они будутъ разсуждать о дѣлѣ подъ кинжаломъ убійцъ, и клялось, что ежели погубятъ одинъ волосъ съ ихъ головы, воины изъ Бордо, пришедши, будутъ за то мстить. Собраніе имѣло нужду въ подкрѣпленіи дерзости, чтобъ не вдругъ уклониться отъ началъ; оно похвалило гражданство Жиронды и опредѣлило послать отношеніе посольства по всѣмъ департаментамъ республики.

Наконецъ наступило 31 Маія, и сила заставила умолкнуть законы. По утру ударили въ набатъ: времянный начальникъ воинской силы Герніотъ приказалъ выпалить изъ вѣстовой пушки. Собраніе вмѣсто того, чтобъ обвинить Мера, начальника военной силы, и Робеспьера, занялось принятіемъ присяги умереть на своемъ мѣстѣ, и съ сего времени истинные политики увидѣли, что по причинѣ отсутствія Цицерона, Катилина, умертвивши часть Сената, воцарится.

Верніодъ первый струсилъ, и согласившись съ начальниками партіи, угрожавшими ему кинжаломъ, заставилъ опредѣлить, что отдѣленія, нападавшія на народныхъ представителей, оказали великую услугу отечеству.

Каждый выстрѣлъ изъ пушки вынуждалъ новое униженіе у членовъ Собранія; самое оскорбительнѣйшее изъ нихъ для небольшаго числа людей добродѣтельныхъ, остававшихся въ Собраніи, было донесеніе Барера отъ имени Комитета Общественнаго Благосостоянія, которое въ то же самое время побудило постановить опредѣленіе слѣдующаго содержанія. « Комитетъ изъ 12 » уничтожается; новая государственная сила » будетъ приведена до новаго порядка въ » дѣйствительное существованіе; 10 Авгу» ста будетъ республиканская федерація. » Леонардъ Бурдонъ довершилъ поношеніе Собранія, принудивъ его постановить, что оно завтра соберется около *дерева вольности*, въ память того торжества, которое помрачило его навсегда въ Исторіи.

Начальники партіи не дремали при своей пагубной побѣдѣ. На другой день департаментъ Парижскій, назвавъ себя истолкователемъ Французскаго народа, пришелъ въ Собраніе и представилъ списокъ 26 депутатовъ, назначенныхъ къ гоненію, и потребовалъ, чтобъ всѣ злоумышленники умерли отъ меча правосудія. Какъ Собраніе не спѣшило утвердить сихъ списковъ, то 2 Іюня злоумышленное гражданство прика-

зало снова выпалить изъ вѣстовой пушки; начали бить въ барабанъ около Собранія, и Комитетъ Общественнаго Благосостоянія опять струсилъ: онъ согласился не взять подъ стражу 22, но прибѣгнуть къ ихъ великодушію и испрашивать у нихъ, чтобъ добровольно сложили свою власть.

Опасность была очевидна, и Ланжюине не впалъ въ оную. Онъ обьявилъ, что не испросятъ у него ни отсрочки, ни увольненія. *Гора* прервала его ругательствами, и тогда онъ сказалъ сіи превосходныя слова: »я замѣчаю, что видѣлъ жертвы, украшен»ныя цвѣтами, ведомыя къ жертвеннику; »жрецъ закалалъ оныя, но не порицалъ ихъ.«

Въ сіе самое время мятежники старались успѣть. Они поставили къ воротамъ стражу и не позволяли депутатамъ выходить изъ Собранія. Тогда, чтобъ спасти честь Собранія, Бареръ выдумалъ комедію для удаленія подозрѣнія, что Законодательное общество разсуждало о дѣлахъ подъ штыками. По его желанію Собраніе отложило свое засѣданіе, пошло съ дѣтскою пышностію чрезъ Карусель и садъ Тюльерійскій среди тройнаго ряда Санкюлотовъ, кои смѣялись надъ его слабостію, и потомъ опять вступило въ свое мѣсто. Надобно было оцѣнить сей истуканъ тѣмъ, чего онъ стоилъ; ибо едва депутаты сѣли на свои мѣста, какъ, по движенію Кутона, страхъ овладѣлъ ими, и они опредѣлили взять подъ стражу не 22, но 32 жертвы.

Хотя большая часть сихъ нещастныхъ подверглась великому порицанiю со времени испроверженiя конституцiоннаго престола своимъ содѣйствiемъ оному; но надобно признаться, они пали почтенными жертвами народной тиранiи; и ежели изключить изъ нихъ Бриссота и Петiона, то мужество, съ каковымъ они погибли, и казнь, можетъ быть, примирятъ съ ними по смерти потомство.

Когда злоумышленное Мѣщанство одержало такимъ образомъ побѣду, то *Гора* пошла отъ одного торжества къ другому. Планы утѣсненiя, подъ именемъ свободы, непрерывно выходили одни за другими: чѣмъ болѣе оскорбляли логику или нравственность, тѣмъ болѣе казались нелѣпыми или безчеловѣчными.

Сперва начали перемѣнять имена городовъ, славившихся столько вѣковъ монархическими или ленными наименованiями; а потомъ, когда правленiе сдѣлалось безбожнымъ, когда на мѣсто Правителя мiровъ поставили мнимаго бога отечества; гоненiе простерлось на всѣ наименованiя, взятыя отъ Святыхъ въ календарѣ. Сумазбродство начальниковъ партiи тогда только успокоилось, когда учинено было до 8,000 перемѣнъ: тогда представили, что Географiя великой имперiи не должна отъ того перемѣниться, что нѣсколько человѣкъ, живущихъ въ оной, уничтожали Бога и свергали съ престола своихъ Королей.

Вѣ то же самое время велѣно было опредѣленіемѣ опечатать казну у зборщиковѣ государственныхѣ доходовѣ и главныхѣ откупщиковѣ, не дававшихѣ своихѣ отчетовѣ; отмѣнили военный законѣ, дабы возмущенія сдѣлать законными; написали черное законоположеніе противѣ переселенцевѣ, состоящее вѣ 45 членахѣ, и чтобѣ довести до крайности народную безнравственность, постановили правиломѣ, чтобѣ незаконорожденныя дѣти получали наслѣдство послѣ своихѣ отцовѣ и матерей, равно какѣ и законныя.

Самое бѣдственное узаконеніе, вышедшее вѣ сіи времена безначалія, было лжемудрованіе о первоначальномѣ равенствѣ, присвоенномѣ Неграмѣ Антильскимѣ и Африканскимѣ. Сіе самое мало по малу произвело пожарѣ на Мысѣ, умерщвленіе бѣлыхѣ вѣ Сен Домингѣ и испроверженіе всѣхѣ Французскихѣ селеній.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Конституція народоначальническая Герольта Сешеля.

20 День Іюня и 10 Августа, судѣ надѣ Королемѣ и казнь его уничтожили конституцію 1791 года, принятую народомѣ сѣ трогательнымѣ единодушіемѣ, которая, по выраженіямѣ того времени ораторовѣ, долженствовала пройти вѣ вѣки и существовать послѣ политическаго испроверженія

земнаго шара. Заговорщики, разодравшіе сіе законоположеніе кинжаломъ убійцъ, ясно видѣли, что Франціи нуженъ былъ какой нибудь призракъ конституціи для утверждения, ежели возможно, ихъ долговременныхъ злодѣйствъ и прикрытія ихъ похищенія верховной власти. Тогда они поручили одному перемѣтчику изъ древняго правительства написать члены таковаго договора между утѣснителями и жертвами; и вотъ начало законоположенія Герольта Сешеля, которое при самомъ появленіи осталось безъ успѣха.

Мы видѣли, что конституція Кондорсетова исчезла не по причинѣ пустыхъ метафизическихъ понятій, въ оной содержащихся, но единственно по тому, что она могла бы заслужить одобреніе отъ благомыслящихъ; потому что она была написана не совсѣмъ въ духѣ начальниковъ партіи. Хитрѣйшіе люди и умѣвшіе уродливою своею нравственностію приспособляться къ суемудрію того времени, явились на семъ поприщѣ, желая быть Солонами для убійцъ Сентябрскихъ, и ихъ послушали на минуту. Главные опыты въ семъ родѣ были Сен-Жюста и Робеспьера.

Конституція республиканская Герольта Сешеля.

Наконецъ десять дней спустя послѣ 31 Маія, когда наказанное Собраніе среди себя заключало однѣ злодѣянія, производимыя отъ страха, Герольтъ Сешель, пришедъ, именемъ Комитета Общественнаго Благосостоянія представилъ свою республиканскую

конституцію, которой всѣ статьи, какъ сказалъ онъ, приняты были его товарищами единодушно.

Ничто не могло равняться съ гордостію и чувствованіемъ превосходства, обнаруженнаго въ первыхъ словахъ донесенія. Герольтъ объявляетъ, что день, въ который сія народная к нституція будетъ обнародована, будетъ днемъ воскресенія для Франціи и перемѣны для Европы; что весь жребій республики зависѣть будетъ отъ се о памятника; что онъ имѣетъ болѣе силы, нежели войска, и болѣе власти, нежели побѣды.

Герол тъ Сешель справедливо думалъ, что чрезмѣрная сухость сочиненія его, произведеннаго въ нѣсколько часовъ изступленія народнаго, и долженствующаго продолжить оное, будетъ оскорбительно для благомыслящихъ, и онъ употребилъ множество лжемудрованій для оправданія въ оной.

„Достоинство, говорилъ онъ, народной „конституціи состоять должно въ сильномъ соображеніи, которое бы, осуществляя философскія понятія, удерживало всѣ „стихіи общественнаго тѣла на своемъ мѣ„стѣ. Чѣмъ безчисленнѣе и безпокойнѣе „народъ, тѣмъ нужнѣе представлять ему „однѣ только аксіомы, основанныя на разу„мѣ. Вотъ почему твореніе сего рода, пред„ставленное республиканцамъ, не можетъ „имѣть довольной краткости.„

Къ нещастію, нѣтъ ни одного *сильнаго соображенія* въ законоположеніи Сешелевомъ:

философскія его понятія представляютъ одинъ только недостатокъ понятій, и 124 небольшихъ параграфовъ, составляющихъ сію сухую конституцію, показываютъ одну пустую таблицу главъ.

Въ разсужденіи о каждомъ членѣ столько нашлось затрудненій, сколько ораторъ употребилъ противорѣчій системѣ народной тираніи, которую бунтовщики старались ввесть.

Впрочемъ сія конституція, исчезнувшая при самомъ началѣ, была во время однодневнаго своего существованія почитаема якоремъ благосостоянія. Опредѣлили смертную казнь тѣмъ, кои осмѣлятся перемѣнять смыслъ оной или поддѣлывать. Когда представили ее на утвержденіе Французскаго народа; то разослали по всѣмъ народнымъ обществамъ, составлявшимъ тогда главную часть правленія, и по 11 арміямъ.

Пользуясь симъ законоположеніемъ, *Гора* предпринимала ненаказанно множество революціонныхъ способовъ, кои до сего времени оправдывали одними только возмущеніями, пожарами и штыками. Они уничтожали всѣ ленныя права на подати безъ всякаго удовлетворенія; уничтожали ежегодные доходы съ недвижимаго имѣнія, бывшіе при Короляхъ; приказали сокрушить, или изуродовать во всей Франціи памятники рѣзьбы и архитектуры, равно какъ и торжественныя ворота, свидѣтельствующія о признательности подданныхъ къ Королямъ, и

чрезъ то служащія къ соединенію эпохъ Французской исторіи. Впрочемъ добродѣтельный Дюсоль спасъ въ столицѣ отъ сего Вандализма ворота Сен-Дени и Сен-Мартень.

Франція, принужденная утвердить Сешелево законоположеніе, не надѣялась найти пристань послѣ толикихъ кораблекрушеній. Великое множество городовъ ея, какъ то, Каенъ, Эвре, Нимъ, Бордо, Марсель и Ліонъ, соединившись, составили новое правленіе; и ежели было бы болѣе согласія, болѣе ума, а особливо болѣе мужества въ семъ великомъ и достопамятномъ заговорѣ, то бы разрушеніе клубовъ Мѣщанства Парижскаго, Собранія, называвшагося народнымъ, и казнь 12 великихъ бунтовщиковъ, истребили на всегда пагубнѣйшую изъ республикъ.

Наконецъ главныя общества собрались къ концу Іюня для подаванія голосовъ на утверждение новаго законоположенія. Бареръ, въ донесеніи отъ имени Комитета Общественнаго Благосостоянія, сказалъ, что какъ сіе законоположеніе подобно скрижаламъ Моисеевымъ, то оно и не можетъ иначе сойти со Святой горы, какъ при громѣ и молніи; и по его словамъ, вся Франція приняла оное единодушно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Умерщвленіе Марата. Судъ надъ Шарлотою Кордай.

1 годъ 1793. Плачевная смерть Марата.

Человѣкъ безъ дарованій, но замѣнявшій оныя склонностію къ злодѣянію, свирѣпый Маратъ царствовалъ въ сіе время въ Парижѣ съ Дантономъ и Робеспьеромъ. Сей человѣкъ былъ по сердцу *Горы;* ибо онъ говорилъ только о наказаніи десятаго члена въ Собраніи и о пораженіи 300,000 человѣкъ для свободы Франціи. Онъ первый лишился головы, и сіе достопамятное происшествіе не водворило мира. Въ монархіяхъ самовластныхъ смерть тирана испровергаетъ тиранію; но въ государствахъ, управляемыхъ народомъ и имѣющихъ всегда неестественное правленіе, злоумышленники возраждаются отъ меча ихъ посѣкающаго подобно гидрѣ Лернейской. Въ ихъ основаніяхъ существуетъ всегда злой духъ, непрестанно возмущающій общественныя дѣла, духъ разрушенія, буйства и кровожадности.

Желательно было бы, можетъ быть, чтобъ съ того времени, когда хотѣли поправить развалины Франціи посредствомъ ненавистнаго убійства, рука, долженствующая совершить оное, избрала кого либо изъ двухъ другихъ; но героиня, поразившая кинжаломъ Марата не имѣла достаточнаго понятія о Французской революціи; она читала только *Друга народа,* и видя сочинителя ненаказан-

нымъ, почла его важною особою и сдѣлала честь, что судьбу его сравняли съ судьбою Цесаря и брата Тимолеонова.

Шарлота Кордай (такъ называлась сія великая женщина) была молода, стройна и имѣла такую голову, какую можно видѣть только на картинахъ Рафаелевыхъ. Она, плѣнившись любовію къ отечеству, подобно Спартанскимъ и Римскимъ красавицамъ, пришла въ Парижъ, чтобъ умертвить Марата, служившаго бичемъ онаго. Она хотѣла поразить его въ самомъ Собраніи, и на вершинѣ той *Горы*, на которой онъ давалъ свои прорицанія; но стража не позволила ей войти туда. Она пришла къ нему въ ванную, и чтобъ укрѣпить руку свою, готовящуюся поразить, спросила его, какой жребій назначаетъ онъ мятежникамъ Кальвадоскимъ (департаментъ, въ которомъ они жили). *Всѣ*, сказалъ начальникъ партіи, *погибнутъ на эшафотѣ*. Шарлота Кордай сего только и ожидала для пораженія. Она извлекла изъ пазухи длинной кинжалъ, и поразила смертельнымъ ударомъ врага человѣчества. Чрезъ нѣсколько минутъ она взята была подъ стражу.

Жанъ-Бонъ Сен-Андре, Предсѣдатель Собранія, донесъ членамъ своимъ о семъ происшествіи. Въ сію минуту депутаты отдѣленій явились въ присутствіе изъявить крайнее негодованіе противъ героини, хвалившейся въ своемъ заключеніи, что очистила землю отъ чудовища въ видѣ человѣческомъ. Ораторъ Комитета Общественнаго

договора сказалъ, что при подобной всеобщей печали казнь обыкновенно бывала весьма пріятною. Онъ изъявилъ такое желаніе, которое представилось мученіемъ, превосходящимъ, ежели только возможно, гнусность подобнаго убійства. Требователь, превознесенный похвалами, удостоенъ былъ почестей засѣданія. Собраніе, прежде сего оказавшее опредѣленіемъ величайшее презрѣніе къ Марату, постановило, что оно будетъ присутствовать при погребеніи, и что долги его уплатятся изъ казны республики.

Еще не доставало нѣкоторыхъ черть для всеобщаго сумасшествія: начальникъ партіи Монто потребовалъ, чтобъ воздвигли двѣ статуи, изъ коихъ одна была бы для Марата, а другая для Брута: ибо, сказалъ онъ, Римскій герой долженъ занимать здѣсь только второе мѣсто. Въ первый разъ еще вошло въ голову составленіе іерархіи изъ великихъ людей, изъ коихъ послѣдній въ родѣ человѣческомъ долженъ быть корнемъ. Вся сія цѣпь оскорбительныхъ нелѣпостей заключена была нарушеніемъ конституціоннаго закона. Собраніе, въ противность правилъ, по которымъ не иначе должно воздавать почести боготворенія героямъ отечества, какъ по прошествіи десяти лѣтъ по смерти, опредѣлило беззаконныя останки Марата перенести въ Пантеонъ.

Смерть Шарлоты Кордей.

Во время сего безстыднаго обряда производили судъ надъ Шарлотою Кордай. Она не заперлась въ своемъ преступленіи и

хвалилась онымъ. Маратъ, говорила она, испровергалъ Францію, и я, убивши одного человѣка, спасла сто тысячь. Шово-Лагардъ, защитникъ обвиняемой, исполнилъ долгъ свой съ собственною опасностію. Героиня поблагодарила его по Римски. У ней не оставалось ничего, потому что имущество ея поступило въ опись. Прошу васъ, сказала она, заплатите нѣсколько долгу, въ которой я вошла въ темницѣ, и вотъ моя признательность. Она пошла на казнь съ такимъ веселіемъ, которое покрыло стыдомъ судей ея и Санкюлотовъ, которые, идучи, ругались надъ ея нещастіемъ. Палачь, отдѣливши голову ея отъ тѣла, началъ бить оную по щекамъ предъ народомъ. Законы молчали, но всеобщее негодованіе осудило за такую подлость.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЯ.

Уголовный судъ и казнь тридцати двухъ.

Умерщвленіе Марата заставило казнить 29 депутатовъ Жиронды и министровъ, осужденныхъ 31 Маія. Впрочемъ надобно быть справедливымъ: Комитетъ Общественнаго Благосостоянія, съ начала своего владычества показывавшій себя милосердымъ, подобно всѣмъ тиранамъ, обьявилъ 3ій родъ всеобщаго прощенія, по которому они, лишаясь чести, оставались живыми. Валазе, увѣдомившись о сей сдѣлкѣ между силою прощающею и слабостію, здающеюся на до-

1 годъ. 1793. Опасное положеніе тридцати двухъ.

говорѣ, написалѣ вѣ Собраніе, что онѣ отвергаетѣ милость, оказанную для покрытія его безчестіемѣ. Сей мужественный образѣ защищенія, оправдывающій дѣло осужденныхѣ вѣ общемѣ мнѣніи, послужилѣ только кѣ обвиненію ихѣ вѣ судѣ разрушителей. Вѣ сіе время гоненіе усилилось надѣ остатками Жиронды: опредѣленіемѣ запрещено было имѣ сообщаться между собою, и какѣ они искусствомѣ отражали повелѣніе силы, то вскорѣ послѣдовало другое, по которому надлежало ихѣ заключить вѣ народныя темницы.

Побѣгѣ начальниковѣ Жиронды.

Великое множество изгнанниковѣ, отчаявшись вѣ спасеніи отечества, и слѣдовательно вѣ собственномѣ, не дожидались таковыхѣ опредѣленій, искать мрачныхѣ убѣжищѣ вѣ Парижѣ, или удалиться на безмѣрное пространство отѣ сей непріязненной столицы. Петіонѣ, Бюзотѣ, Гадетѣ, Лариввьерѣ и мужественный Ланжюине, обманувѣ бдительную стражу, убѣжали. Буало, харкавшій кровью, хотѣлѣ имѣ послѣдовать, но щтетно. Неумолимое Собраніе, увѣдомившись о намѣреніи его бѣжать, не оставило сего безѣ вниманія, и нещастный, осужденный самою природою, долженѣ былѣ наконецѣ умереть на эшафотѣ. Бриссотѣ сѣ ложнымѣ паспортомѣ направилѣ путь вѣ Швейцарію; онѣ былѣ схваченѣ вѣ Муленѣ, употребилѣ тамѣ пронырства для отраженія силы силою, и былѣ привезенѣ вѣ Парижѣ сѣ оскорбительною пышностію для

начатія надъ нимъ долговременной казни. Бюзотъ, удалившись въ Эвре, городъ полумятежническій, защитился отъ закона. Срыли по опредѣленію домъ его, и запрещено было сооружать оный. Сіе называлось въ законоположеніи Греческихъ республикъ *предать Фуріямъ*. Французской республикѣ никогда не былъ извѣстенъ героизмъ Спартанскій и Аѳинскій, но она превзошла примѣры свои въ гоненіи и мщеніи.

Опредѣленіе противъ тридцатидвухъ

Наконецъ грянула туча со всею силою надъ тридцатью двумя. Сен-Жюстъ въ своемъ донесеніи, по приказанію Комитета Общественнаго Благосостоянія, направилъ ударъ оный. Ораторъ, нападая на каждаго изъ осужденныхъ порознь, наконецъ вдругъ ихъ обвинилъ. Онъ утверждалъ, что они имѣли сношенія съ Паоли въ Корсикѣ и съ Дюмурье въ Белгіи, дабы умертвить начальниковъ *Горы* и возвесть на престолъ сына Лудовика XVI. Сіе донесеніе, сдѣланное 8 Іюля, заставило постановить опредѣленіе противъ содержащихся подъ стражей уже 29. Оное опредѣленіе, соединявшее точность приговоровъ революціоннаго судилища съ ихъ безчеловѣчіемъ, состояло только изъ двухъ членовъ: первымъ объявлялись измѣнниками отечества 18 депутатовъ, избѣгнувшихъ отъ тиранства, а вторымъ обвинялись прочіе одиннадцать, содержащіеся въ оковахъ.

Гоненіе на Кондорсета.

Во время промежутка между донесеніемъ Сен-Жюста и осужденіемъ 32 Кондорсетъ

внесенъ былъ въ число гонимыхъ, хотя и не думалъ о томъ. Оскорбившись тѣмъ, что отвергли его человѣколюбивую конституцію, онъ для утѣшенія своего самолюбія написалъ книжку противъ законоположенія, составленнаго Сешелемъ, и безъ труда обнаружилъ безчеловѣчныя глупости онаго. Сія неосторожность подала поводъ къ постановленію опредѣленія, коимъ велѣно было взять его подъ стражу. Нещастный бѣжалъ, и его скрыли отъ закона.

Прошли многіе мѣсяцы между опредѣленіемъ противъ тридцати двухъ и ихъ казнію. Начальники партіи непрестанно тревовали ихъ головы, и Собраніе видя собственную опасность, непрестанно отклоняло развязку трагедіи. Наконецъ 3 Октября свирѣпый Амаръ приказалъ опредѣлить, чтобъ злоумышленники, покушавшіеся на Французскую свободу и содержащіеся въ народныхъ темницахъ, были отосланы въ революціонное судилище.

Новыя жертвы присовокуплены къ тридцати двумъ.

Въ сіе время двадцать членовъ Жиронды избѣгли отъ меча своихъ убійцъ; но для насыщенія кровожадности начальниковъ партіи присовокупили къ плѣнникамъ другія жертвы, кои числомъ своимъ превосходили количество бѣжавшихъ.

Гонимые депутаты были не всѣ казнены; многіе избѣгли обманомъ неистовства гонителей; но изъ числа бѣжавшихъ и скрывшихся отъ наказанія нашлось нѣсколько, кои были схвачены, или сами себя умер-

твили: ГорзасЪ и РабодЪ Сен-Этьень пали отЪ сѣкиры палача. Мы увидимЪ, что КондорсетЪ отравитЪ себя ядомЪ, министры РоландЪ и КлавьерЪ кончатЪ жизнь самоубійствомЪ; ДюзотЪ и ПетіонЪ, умирающіе отЪ голоду, содѣлаются добычею лютыхЪ звѣрей вЪ Жирондѣ.

Осужденіе Народнаго Собранія, усиленное и еще болѣе Якобинцами отравленное, послужило основаніемЪ для рѣшенія революціоннаго судилища. Тщетно нѣкоторые изгнанники защищались сЪ силою и мужествомЪ, презирающимЪ опасности; тщетно большая часть старалась преодолѣть судьбу свою осторожною слабостію; всѣ они включены были вЪ одинЪ смертный приговорЪ. Валазе, по прочтеніи приговора, извлекЪ кинжалЪ и пронзилЪ грудь свою. Судилище приказало положить трупЪ его на тележку сЪ нещастными, оставшимися послѣ него вЪ живыхЪ и опредѣленными на эшафотЪ. БриссотЪ и многіе изЪ изгнанниковЪ Жиронды не показали мужества Валазе. Достовѣрныя записки, до меня дошедшія, свидѣтельствуютЪ, что ночью предЪ ихЪ казнію, вмѣсто того, чтобЪ имЪ разсуждать сЪ СократомЪ о безсмертіи, они напились до пьяна: разсудокЪ ихЪ былЪ уже вЪ разстройствѣ, когда революціонная сѣкира отсѣкла имЪ головы. Казньгонимыхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Буйствія и униженія Франціи. — Сильной поступокъ Комитета Общественнаго Благосостоянія.

1 годъ 1793. Непріятели Франціи вступаютъ въ ея владѣнія. Судомъ опредѣленныя убійства многочисленнаго образующагося народа не могутъ доставить ему благоденствія, или сохранить его славу. Между тѣмъ какъ производился судъ надъ депутатами Жиронды, Маинцъ, поразившій въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ подъ своими стѣнами 24,000 человѣкъ лучшихъ Европейскихъ войскъ, отворялъ свои ворота Королю Прускому. Конде принималъ въ свои окопы Принца Кобургскаго; Валансьенъ здавался непріятелямъ Франціи по бомбардированіи, 45 дней продолжавшемся.

Пословъ ея берутъ подъ стражу. Въ то же самое время Австрійское правительство думая, что Французское правленіе отправляло пословъ къ иностраннымъ дворамъ только для произведенія возмущеній, приказало Шіавенну задержать Семонвиля посла въ Константинополѣ, и Марета, бывшаго въ Неаполѣ. Сіе нарушеніе народнаго права представляло нерѣшимымъ дѣло Королей съ пагубнѣйшею республикою.

Революціонная сила Начальниковъ Комитетъ Общественнаго Благосостоянія, чтобъ поставить оплотъ потоку, угрожавшему Франціи, приказалъ постановить опредѣленіе, по которому Француз-

ской народъ долженъ собраться вдругъ для защищенія своей свободы и независимости владѣнія. По сему закону, который долженъ угрожать наказаніемъ, требовались въ службу всѣ люди, способные носить оружіе, доколѣ непріятель не будетъ прогнанъ за границы. правленія.

Тогда Англія не предпринимала еще непріятельскихъ дѣйствій противъ республики, и Франціи весьма нужно было уважать ее. Между тѣмъ, противъ всѣхъ правилъ общенародной политики, Комитетъ Общественнаго Благосостоянія раздражилъ ее своимъ объявленіемъ войны, и, что всего страннѣе, онъ получилъ отъ того успѣхъ, отъ чего долженъ былъ ожидать паденія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Гоненіе людей по обществамъ и порознь. — Время 10 Августа.

Въ сіе время, столь обильное бѣдствіями, воздвигли первое гоненіе на людей невинныхъ, непреступившихся предъ законами, но по ненависти бунтовщиковъ, кои называли ихъ *подозрительными гражданами*. По первому доносу, поддержанному Робеспьеромъ и Дантономъ, проводили ихъ на границы, поставили въ первый рядъ войскъ, состоящихъ изъ Санкюлотовъ, и такимъ образомъ помѣстили ихъ между гильотиною ходячею и артиллеріею союзныхъ войскъ. Собраніе помирилось съ сими людоѣдами, 1 годъ 1793. Возобновленіе гоненій.

опредѣливъ взять подъ стражу подозрительныхъ во всѣхъ департаментахъ.

Отъ пораженія многихъ жертвъ вдругъ Собраніе перешло къ гоненію людей по одиначкѣ. Оно отправило въ революціонное судилище дурнаго журналиста Кара, своего члена, за то, что онъ въ листкахъ своихъ говорилъ о воинскихъ качествахъ Герцога Брауншвейгскаго. Оно не употребило своей строгости противъ безчеловѣчнаго Дантона, который написалъ къ Дюбуа Крансе: *ежели Ліона не можно покорить оружіемъ, то надобно обратить его въ пепелъ, и когда безпокойные земледѣльцы спросятъ, кому они будутъ продавать свои съѣстные припасы, ты скажешь имъ, пусть ѣдутъ въ Константинополь.* Но когда Колотъ Гербуа донесъ на Гараша, что онъ ни мало не уважаетъ народоначальническихъ правилъ, оно обвинило сего министра, надъ которымъ не произнесли бъ приговора, ежели бы Дантонъ, признаваясь въ недостаткѣ своей силы, не присовокупилъ, что онъ заслужилъ сіе отъ республики. Гаратъ чрезъ нѣсколько дней подалъ въ отставку, и хорошо сдѣлалъ: онъ имѣлъ великія способности, почему и не могъ бы избѣгнуть революціонной казни, ежели бы остался на своемъ свѣтѣ.

Празднованіе при наступленіи года

При столь нещастныхъ предзнаменованіяхъ торжествовали годичное время великаго заговора 10 Августа, отъ котораго проистекло безначаліе, междоусобная война и

убійства, подъ именемъ республики. Сіе торжество, на которое приглашены были союзники изъ всѣхъ департаментовъ имѣло главнѣйшимъ предметомъ принятіе новаго Сешелева законоположенія. Оно происходило на площади близь Бастиліи, предъ колосальною статуею Природы, служившею вмѣсто Правителя міровъ, предмета вѣры и всего Откровенія. Тамъ зажгли ужасный костеръ, подъ который подкладывалъ Предсѣдатель Сешель огонь, пожравшій въ нѣсколько минутъ лиліи, скипетры, горностаевыя мантіи, гербы и всѣ знаки леннаго правленія, при плескахъ *осьми сотъ тысячъ человѣкъ*: столько значится по программамъ и донесеніямъ тогдашнимъ, кои обманывали своихъ современниковъ, какъ наемныя газеты обманываютъ Исторію. Сешель заключилъ празднество объявленіемъ, что новая конституція принята съ величайшимъ единодушіемъ 87 департаментами, и оттуда вывелъ послѣдствіе, что республика будетъ вѣчна. 10 Августа.

Во время шуму сего беззаконнаго торжества носили съ пышностію въ Пантеонъ останки великихъ людей изъ *Санкюлотовъ*. Между ими былъ главный Маратъ, презрѣннѣйшій тиранъ, каковыхъ никогда не обоготворяли. Въ сей нещастный день чернь возмутителей устремилась толпою въ Сен-Дени, вырыла тамъ прахъ Королей и изломала ихъ гробницы. Вотъ послѣдній примѣръ для великой славы Французской воль- Поруганіе гробницъ въ Сен Дени.

ности, которую предлагали образцемъ всѣмъ народамъ и всѣмъ возрастамъ. Тотъ же духъ безумія и разрушенія распространился по всѣмъ департаментамъ, такъ что вездѣ, гдѣ были съ одной стороны народныя общества, а съ другой толпы людей слабыхъ и недѣятельныхъ, прахъ мертвыхъ не находилъ уже убѣжища, а живые терзались злодѣйствомъ и ожиданіемъ эшафота.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Безчеловѣчные законы. — Казнь Генерала Кюстина.

1 годъ 1793. Бѣдствія, причиненныя по приказанію въ Вандеѣ.

Около сей эпохи 10 Августа, два военныя нещастія занимали Комитетъ Общественнаго Благосостоянія: одно состояло въ распространеніи возмущенія въ Вандеѣ, а другое во взятіи Маинца. Правительство защищалось обыкновеннымъ оружіемъ, злодѣяніями, и въ томъ не находило ничего противнаго революціи.

Издали законъ противъ Вандеи, какого со временъ Драконовыхъ законовъ никогда не читали въ лѣтописяхъ Европейскихъ народовъ. По силѣ онаго должно учредить въ бунтующихъ Западныхъ департаментахъ магазейны съ горючими веществами для зажженія валежнику и лѣсу, чтобъ разрушить *вертепы* бунтовщиковъ (такъ въ опредѣленіи названы хижины земледѣльцевъ), истребить жатву и произвесть голодъ. Сей ужасный способъ мщенія представленъ не для

одной угрозы, какъ случается иногда во время обыкновенныхъ браней: его исполнили во всей точности, и децемвиры тогда только успокоились, когда одинъ изъ ихъ Проконсуловъ написалъ, что Вандея представляетъ только кучу пепла, смѣшаннаго съ кровію человѣческою.

Казнь Генерала Кюстины.

Собраніе рѣшилось загладить свое поношеніе, происшедшее отъ здачи Маинца Королю Прусскому, производствомъ суда надъ военачальникомъ Кюстиномъ, который могъ бы сильною диверсіею не допустить до сего завоеванія. Кюстинь, знатный Лотарингскій дворянинъ, былъ изъ числа дворянства, измѣнившаго Королю, который почерпнувъ сѣмена возмущенія и безначалія въ училищѣ Мирабо, увидѣлъ себя осужденнымъ за намѣренную измѣну Королю, его облагодѣтельствовавшему, и за клятву въ рабскомъ повиновеніи подлымъ героямъ народоначалія. Кюстинь, со времени отклоненія Дюмурье назначенъ былъ главнокомандующимъ двумя арміями, Рейнскою и Мозельскою. Повѣренные, долженствующіе смотрѣть за нимъ, столько его огорчали, что онъ подалъ въ отставку. Собраніе, увѣдомившись, что онъ примѣтнымъ образомъ учредилъ порядокъ и благочиніе въ самыхъ баталіонахъ Санкюлотовъ, въ утѣшеніе сдѣлало его Генералъ-Аншефомъ арміи Сѣверной и Арденской. Зависть начальниковъ партіи начала гнать сего отличнаго Генерала въ семъ новомъ достоин-

ствѣ. Она протолковала въ противную сторону его услуги, и воспользовавшись тѣмъ, что онъ по пріѣздѣ въ Парижъ принятъ былъ въ Пале-Рояль съ восклицаніями *да здравствуетъ Кюстинь!* успѣла внушить Народному Собранію, что онъ присутствіемъ своимъ взволновалъ умы. Подозрительные децемвиры приказали взять его подъ стражу въ Лабе для общей безопасности. Вскорѣ послѣ сего нещастный былъ обвиненъ опредѣленіемъ и преданъ революціонному суду.

Во время сего судопроизводства случилось происшествіе, единственное въ лѣтописяхъ злодѣянія. Сынъ Кюстиня, человѣкъ молодой и благонадежной, узнавъ о опасности отца, прибилъ въ Парижѣ кроткое и весьма сильное защищеніе, выражающее военныя дѣйствія Генерала. Начальники партіи почли защищеніе отца, обнародованное сыномъ, поступкомъ противуреволюціоннымъ, приказали задержать его и предали казни.

Революціонное судилище обвинило Кюстиня въ такомъ злодѣяніи, которое несовмѣстно съ его характеромъ, будто бы онъ имѣлъ злонамѣренныя сношенія съ Генералами союзныхъ армій, кои были причиною взятія Франкфурта, Конде, Валансьеня и Маинца. Приговорили его къ смертной казни и описали имущество въ пользу республики. Кюстинь умеръ съ великимъ мужествомъ, какого не ожидали отъ революціоннаго героя. Въ день казни отправили

въ темницу его духовника и прекрасную дочь. Что касается до его великодушнаго и благороднаго сына, онъ, обвиненный въ превосходнѣйшемъ поступкѣ, какимъ только сыновняя любовь можетъ похвалиться, погибъ на томъ же эшафотѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Разрушеніе Академій.

Оставался только одинъ оплотъ для удержанія народной тираніи, желавшей все поглотить. Оплотъ сей состоялъ въ благонравіи, соединенномъ съ просвѣщеніемъ, обитавшихъ въ нѣдрѣ Академій: но и онѣ скоро были испровергнуты; слѣдовательно не осталось уже никакого сѣмени ученія, никакого слѣда древняго образованія, никакого источника ученой славы въ поврежденномъ государствѣ, въ которомъ начальникъ партіи Дюрандъ Майланъ говорилъ, при восклицаніи своихъ товарищей *Горы*, что *судьба Франціи вдругъ успокоилась на невѣжествѣ и добродѣтели.* 1 годъ 1793.

27 Марта 1793 года Собраніе показало первый знакъ своей ненависти къ ученымъ людямъ, приговоривъ къ смертной казни всякаго, кто будетъ порицать правила правленія; а какъ сіи правила были весьма превратны, то весьма трудно сочинителю свободному, коснувшемуся политики, не подвергнуться смертной казни.

Комитетъ Народнаго Просвѣщенія, обязанный по своему уставу смотрѣть за хранилищемъ наукъ, принялъ на себя трудъ истребить оныя.

За день до наступленія года 10 Августа обьявлено было опредѣленіе и не встрѣтило ни малѣйшаго противорѣчія. Ораторъ почерпнулъ доказательство отъ сего событія, въ одно число случившагося, и сказалъ съ народоначальническою силою, что *послѣ завтра Французская республика вступитъ во вселенную.*

Вскорѣ послѣ испровержения превосходнѣйшаго Французскаго памятника, производившаго вѣкъ Лудовика XIV, тотъ же Комитетъ Народнаго Просвѣщенія просилъ Собраніе напечатать республиканской уставъ, то есть, уставъ Вандализма, противъ учрежденія, столько же знаменитаго, какъ и тѣ общества, въ которыхъ засѣдали Фонтенель, Фреретъ и Фенелонъ; противъ того учрежденія, говорилъ онъ, *гдѣ и теперь еще повелѣваютъ именемъ Королей,* то есть, въ разсужденіи обсерваторіи. По сему донесенію поставлено было самое безнравственное опредѣленіе: отняли безъ всякой заплаты превосходныя карты Астрономической Географіи у Касини, наслѣдника славы трехъ своихъ предковъ; удалили его изъ обсерваторіи, которая представлялась наслѣдственнымъ владѣніемъ его поколѣнія, и отдали сей памятникъ подъ надзираніе четыремъ Астрономамъ, съ условіемъ,

чтобъ они предавшись рабски волѣ *Горы*, не иначе, какъ полубогами почитали разрушителей республики.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОСЬМАЯ.

Новая республиканская эра.

Когда просвѣщеніе во Франціи, по примѣру Калифа Омара, совершенно было погашено, Собраніе, не опасаясь нападенія со стороны просвѣщенія, которое съ открытія книгопечатанія мирно уничтожало всѣ роды неограниченнаго самовластія, начало смѣло уравнивать все, что еще безпокоило его, то есть, силу, богатство, породы и самую очаровательную власть добродѣтели.

Когда такимъ образомъ всѣ препятствія были разрушены, нужно было сдѣлать соучастницею въ толикихъ злодѣйствахъ Европу, которая вооружалась для наказанія оныхъ. Надобно признаться, что Собраніе въ семъ случаѣ приняло весьма хитрой оборотъ. Давно уже просвѣщенные мужи всѣхъ Академій жаловались на погрѣшности, введенныя въ Григоріанскій календарь невѣжествомъ и суевѣріемъ; они просили всѣхъ о составленіи другаго, который бы содѣлавъ всѣ народы братіями, любящими просвѣщеніе, могъ безъ всякой натяжки сходствовать съ важными эпохами Исторіи.

Нѣкоторые ученые люди изъ Комитета Народнаго Просвѣщенія воспользовались сею важною и превосходною мыслію. Они успѣли

по своему искусству представить ее съ пріятной стороны начальникамъ господствующей стороны, которые одни могли рѣшить ее. Къ нещастію, они испортили мысль сію, смѣшавъ ее съ презрѣннымъ и беззаконнымъ ученіемъ Санкюлотовъ; самое исполненіе оной сдѣлали невозможнымъ, предписывая повелительнымъ образомъ то, что должно быть только послѣдствіемъ, проистекающимъ отъ соединенія всѣхъ познаній, и вся система разрушилась, не оставивъ послѣ себя и слѣдовъ.

Сія новая эра, которую Собраніе называло великимъ благодѣяніемъ разума, созрѣвшаго отъ республиканскаго духа, и которую гордо повелѣвало принять всѣмъ народамъ, приведена къ исполненію 21 Сентября 1792 года, въ осеннее равноденствіе. Это первая нелѣпость; ибо когда не уважали ничего, утвержденнаго множествомъ вѣковъ, лучше бы было новую эру начать съ весны, нежели съ осени; лучше съ возобновленія природы, нежели съ долговременнаго ея усыпленія.

Прочія нелѣпости произошли отъ первоначальнаго заблужденія, отъ желанія, просвѣщая людей, угнетать ихъ. Для часовъ вздумали ввести число десятичное, что испровергло всѣ принятыя понятія и сдѣлало всѣ книги безполезными. Приложили сіе разчисленіе ко днямъ недѣли, отъ чего и произошло противонародное и безразсудное раздѣленіе на десятки. Поставили низкое наименованіе орудій земледѣльческихъ и овощей

на мѣсто важной мысли замѣчать дни мѣсяца именами великихъ людей, принадлежащихъ всѣмъ народамъ, или именами благочестивыхъ людей, прославившихся вѣрою. Всѣ сіи новости противны разуму, и нынѣ ни въ какомъ Европейскомъ календарѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда оныхъ.

Впрочемъ нѣкоторые благомыслящіе люди сожалѣютъ, что при возвращеніи къ правиламъ не постарались приспособить къ нравамъ Французовъ прекрасной мысли республиканскихъ Вандаловъ раздѣлять годъ на двѣнадцать равныхъ мѣсяцевъ, содержащихъ въ себѣ по 30 дней, съ прибавленіемъ на концѣ пяти или шести другихъ, сообразно съ високосами: тогда изгладили бы подлыя санкюлотскія названія дней, давъ имъ гармоническое наименованіе прибавочныхъ (épagomènes).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Городъ Тулонъ съ пристанью и флотомъ отданы Англіи.

Вмѣстѣ съ разрушеніемъ Академій случилось множество нещастныхъ произшествій, кои, казалось, должны были уничтожить республику; но напротивъ того они, сильнымъ дѣйствіемъ Комитетовъ Собранія, успѣли утвердить ея могущество.

Сія дѣятельность Комитетовъ удивительнымъ образомъ подкрѣпляема была ревностію Французовъ, кои, во всѣхъ обстоятель-

ствахъ показали мужество тѣмъ достойнѣе похвалы, что воинскія должности занимали большею частію иностранцы. Во время нападенія на отечество, каждый забывалъ разность мнѣнія, прекращалъ или оставлялъ на время свою ненависть и стремился дружно всюду, гдѣ предстояла отъ непріятеля опасность.

Изъ всѣхъ такихъ происшествій самое оскорбительнѣйшее для чувствительности была отдача города Тулона во власть вѣчнымъ непріятелямъ Французовъ, подъ предлогомъ сдѣлать ихъ хранителями нещастнаго сына Лудовика XVI, содержавшагося въ Тамплѣ. Нещастіе началось отклоненіемъ Французской эскадры, подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Сен-Жюліанъ. Англійскій Адмиралъ Гудъ, разъѣзжавшій тогда по Средиземному морю, видя сіе, овладѣлъ Тулонскою рейдою. Самый городъ скоро здался на договоръ; и одна только статья сего договора была неоскорбительна для чести народа, та статья, которою обязывался кабинетъ Сентъ-Жемскій по замиреніи возвратить сіе завоеваніе.

Собраніе, увѣдомившись о сей измѣнѣ, употребило для мщенія крайнія средства, какія только сумазбродство патріотизма могло выдумать. Нечаянно ударили въ набатъ въ Южныхъ департаментахъ; и закономъ, изданнымъ сообразно обстоятельствамъ, велѣно было потребовать всѣхъ Французовъ безъ различія отъ 16 до 60 лѣтъ. Извѣстно,

что множество людей, не умѣющихъ ни повелѣвать, ни повиноваться, на войнѣ ничего не значитъ; что ихъ выставлять подъ огонь линейныхъ войскъ значитъ предавать на смерть: но Собраніе хотѣло только доказать Европѣ, что власть его простирается и на вещи невозможныя; и потому оное покушалось на невозможности, что противъ чаянія успѣвало: успѣхи черни послужили бы къ его погибели.

Впрочемъ хвастовство Собранія, сколь оно ни было удачно по своимъ дѣйствіямъ, возъимѣло послѣдствія по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ. Мысль о томъ представилась въ Сентябрѣ сильнымъ начальникамъ партіи, управлявшимъ Собраніемъ; и въ Декабрѣ Тулонъ возвращенъ былъ своимъ законнымъ владѣтелямъ. Хотя порядокъ хронологическій составляетъ сущность Всеобщей Исторіи; но раздроблять сіе достопамятное происшествіе было бы неудобно; сіе уменьшило бы любопытство, возбуждаемое ужасомъ нещастнаго приключенія, и потому; чтобъ сдѣлать вдругъ страшную развязку, пробѣгаю до оной все пространство времени.

Не лѣстницы, сдѣланныя для восхожденія на стѣны, какъ лгали тогда въ журналахъ, заставили Англичанъ выйти изъ крѣпости; другія достовѣрнѣйшія записки очевиднаго свидѣтеля, достойныя вѣроятія, показываютъ весьма естественную причину сего происшествія. Нечаянное взорваніе под-

копа, примыкающагося къ пороховому магазейну, и происшедшій отъ того великій пожаръ были причиною сего приключенія: непріятель, принужденный оставить рейду, увелъ съ собою 9 линейныхъ кораблей: последнюю надежду Французовъ на Средиземномъ море.

Собраніе, не умевшее наказывать, но умевшее мстить, отправило несколько кровожадныхъ поверенныхъ, кои для исполненія тайныхъ его намереній искусно и съ хладнокровіемъ произвели тамъ варварства. Тщетно нещастные Тулонцы просили на коленяхъ прощенія у свирепыхъ победителей; ихъ убивали по одному и толпами. По самому умеренному показанію число нещастныхъ простирается до 2000.

Гораздо большее число Тулонцевъ, разсеявшихся по рейде съ частію пожитковъ, кои могли спасти отъ пожара, и ожидавшихъ съ отчаяніемъ минуты скрыться посредствомъ кораблекрушенія отъ ружей своихъ победителей, одолжены были своимъ спасеніемъ великодушному Испанскому Адміралу Лангарре. Сей человеколюбивый герой, узнавъ объ оставленіи сихъ нещастныхъ, приказалъ наскоро снарядить множество перевозныхъ судовъ, на кои посадили ихъ съ имуществомъ и спасли съ собственною опасностію. Вся Европа, кроме шайки Сентябрскихъ убійцъ, превозносила похвалами сіе великодушіе.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Первыя искры междоусобной Вандейской войны.

Между шѣмъ какъ Тулонъ здавался Англичанамъ, Кальвадосскій департаментъ взбунтовалъ и соединился съ Бордо, Ліономъ и Вандеею противъ вѣчныхъ враговъ породы, ума и добродѣтели. Одна Вандея въ сіе время выступила на позорище: прочіе мятежники покажутся уже при концѣ сего зрѣлища.

Первыя возмущенія въ Вандеѣ открылись въ концѣ 1791 года. Они начались отъ учиненія конституціонной клятвы духовенства, и слѣдовательно отъ раздора между двумя вѣтвями священства. Впрочемъ огнь скрывался подъ пепломъ до 16 Августа 1793 года, то есть около 22 мѣсяцовъ: въ сіе время крестьяне, можетъ быть, по наученію непокорнаго духовенства, принялись за оружіе.

Первымъ позорищемъ войны былъ небольшой городокъ Брессюиръ, въ которомъ было гарнизону нѣсколько ротъ стрѣлковъ и гренадеръ. Дѣйствіе походило болѣе на убійство, нежели на правильное сраженіе. Полунагіе крестьяне, безъ начальниковъ, безъ военнаго искусства и артиллеріи не могли выстоять противъ линейныхъ и опытныхъ войскъ, и многіе тысячи ихъ остались на полѣ сраженія. Осада Брессюира. Кровопролитіе и варварство.

Побѣдители, послѣ сей легкой побѣды, по приказанію повѣренныхъ *Горы*, возобно-

вили противъ Вандейцевъ всѣ ужасы войны. Они начали умерщвлять плѣнныхъ, валяющихся у нихъ въ ногахъ, убивать женщинъ съ младенцами и носить торжественно біющіеся члены убитыхъ. Когда начинаютъ войну съ такою жестокостію, то, кажется, приказываютъ побѣжденнымъ завоевать мечи и бросить ножны. Предъ убійствами въ Брессюирѣ изданъ былъ законъ, о которомъ выше упомянуто. Сей законъ обѣявленъ былъ 1 Августа 1793 года, и онымъ повелѣвалось выжечь валежникъ, поля и лѣса въ возмутившихся департаментахъ. Къ тому присовокупили повелѣніе республиканскимъ войскамъ скосить недозрѣлый хлѣбъ. Въ толикой силѣ былъ тогда революціонный фанатизмъ, что законъ былъ исполненъ.

Жестокой законъ Собранія.

Между тѣмъ мятежники мало по малу научились отъ своихъ пораженій военному искусству. Англія доставила имъ военные припасы и оружіе; друзья древней монархіи, находившіеся еще на театрѣ внутренней войны, заставили военныхъ людей дать имъ первыя понятія о Тактикѣ и порядкѣ. Сіи послѣдніе почти всѣ показали себя великими людьми, и посредствомъ своихъ стараній склонили побѣду на сторону утѣсняемыхъ: таковъ былъ Катюлино, Боншампъ, Элбе, Лескюръ и Ларошъ Жакелень. Въ послѣдствіи времени, услышавъ о ихъ подвигахъ, Шаретъ пришелъ и воспламенилъ войну сію всемъ жаромъ сво-

его генія. Тогда это дѣйствіе встрѣтило противодѣйствіе, и ежели бы не Собраніе, Вандея испровергла бы республику.

Когда междоусобная война возгорѣлась совершенно, силы мятежниковъ простирались до 40,000 человѣкъ. Католическо-Королевское войско (такъ оно называлось у Вандейцевъ), сперва одержало побѣду надъ непріятелями при Обьерѣ, потомъ вошло торжественно въ Шолетъ, Аржантонъ, и взяло приступомъ важную крѣпость Туаръ. За симъ походомъ послѣдовали два сраженія, данныя подъ стѣнами Фонтеноа: первое кончилось въ пользу республиканцевъ; но на второмъ, по причинѣ великаго благоразумія Вандейскихъ начальниковъ, побѣда перешла подъ ихъ знамена. Отъ сихъ успѣховъ сдѣлались Героями Вандейскіе крестьяне: новая побѣда, одержанная мятежниками при Сомюрѣ, покорила подъ власть ихъ сей городъ. Тогда Анжеръ и большая часть городовъ, лежащихъ на берегахъ Лоара, для коихъ ненавистна была революція, отворили свои ворота побѣдителямъ. *Гора*, Комитетъ Общественнаго Благосостоянія и жестокое правительство были причиною, что начальники Королевскаго войска не приступили къ осадѣ Нанта и не сожгли его предмѣстій. Сопротивленіе сего города доставило новое направленіе походу, и щастіе начальниковъ партіи восторжествовало надъ способностями мятежническихъ военачальниковъ. Сра-

Сраженіе и побѣды Вандейцевъ.

Сраженія при Люсонѣ. Побѣда перемѣняетъ знамена

женіе при Люсонѣ пагубно было для Вандейцевъ, потому что за нимъ послѣдовало отложеніе великаго множества городовъ; и безъ сраженія Вигьерскаго, на которомъ кровопролитіе продолжалось десять часовъ, и которое кончилось побѣдою Королевскаго войска, Вандея, усмиренная по примѣру Тулона, то есть, посредствомъ убійствъ и казней, подверглась навсегда подъ иго республики.

При первомъ извѣстіи о побѣдѣ, одержанной при Вигьерѣ надъ войсками республиканцевъ, Комитетъ Общественнаго Благостоянія, которому нужно было ускорить развязку ужасной трагедіи, приказалъ въ Западныхъ департаментахъ сдѣлать поголовный наборъ, въ который должны поступать отъ 18 до 50 лѣтъ. Уже чернь сія, худо вооруженная, не имѣющая здраваго разсудка и военнаго порядка, простиралась числомъ до 60,000 человѣкъ, какъ отважный Лескюръ съ двумя только тысячами возмутившихся напалъ на нее, разсѣялъ, и послѣ сего не думали уже собрать ее подъ знамена. Впрочемъ подвигъ Лескюра не послужилъ ни мало къ торжеству его. На сраженіи при Севенѣ Королевское войско было разбито: Вестерманнъ напалъ на оное при окопахъ Манскихъ и въ самомъ городѣ, и вездѣ разбилъ его. Дорого стоило нещастнымъ Вандейцамъ то, что они объявили Королемъ сына Лудовика XVI; тѣхъ, кои избѣжали сего нещастія, умертвили

хладнокровно при сраженіи, и журналы Собранія свидѣтельствуютъ, что ужасная побѣда, одержанная Вестерманомъ, стоила жизни 18,000 человѣкъ.

Сей Вандейскій походъ, равно какъ и отнятіе Тулона, происходило въ концѣ 1793 года. Для того, чтобъ не раздробить сей достопамятной войны, и картины, представляющей оную, не сдѣлать менѣе занимательною, весьма бы нужно было совокупить во едино главныя произшествія, случившіяся съ Августа мѣсяца 1793 года, до начала 1794. Механическій порядокъ записокъ не долженъ брать перевѣса надъ важностію Исторіи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Осада, бомбардированіе и бѣдствія Ліона.

Нещастія Ліона начинаются съ убійствъ Сентябрскихъ. Сіе злодѣяніе начальниковъ партіи, всегда сопровождаемое ненавистнымъ торжествомъ и всегда остающееся безъ наказанія, подобно электрической силѣ, воспалило всѣ головы защитниковъ безначалія Ліонскаго. Начальникомъ у сихъ безначальныхъ людей былъ подлый злодѣй, подобной Карьеру и Іосифу Лебону. Его называли Шальеромъ. Онъ въ тотъ же день и почти въ тотъ же часъ произвелъ подобныя убійства въ темницахъ Ліонскихъ, какія сдѣлалъ Дантонъ въ темницахъ столицы; но хотя Шальеръ и былъ Предсѣда- Начало возмущенія въ Ліонѣ.

шедемъ центральнаго клуба, однако благомыслящіе граждане, давно уже расположенные къ возмущенію противъ гнуснаго и ужаснаго правительства Санкюлотовъ, присматривали за нимъ. У него вооруженною рукою исторгли нѣкоторое число жертвъ; предали его уголовному суду, который не имѣлъ ничего революціоннаго; и не смотря на посредничество Народнаго Собранія, отправили его на казнь.

Гора освобождена отъ закона.

Нещастный день 31 Маія 1793 года наконецъ открылъ въ Ліонцахъ мужество, которое скоро они простерли до крайности. Въ сіе время составился великій союзъ между всѣми недовольными Французами, для освобожденія отечества отъ тираніи, его подавлявшей. Бордо и Ліонъ были центромъ возмущенія. Послѣдній городъ обнаружилъ себя прежде, нежели планъ всеобщаго разрыва пришелъ въ совершенство. Въ то время, когда повѣренные Собранія не ожидали, вышло опредѣленіе департаментскаго конгресса, освобождавшее Ліонъ отъ ига Народнаго Собранія, а *Гору* отъ покровительства закона. Гонители 31 Маія, раздраживщись таковымъ великодушнымъ вызовомъ, приказали итти на Ліонъ линейнымъ войскамъ, состоявшимъ подъ начальствомъ Дубуа Крансе. Дантонъ, бывшій тогда явнымъ начальникомъ Сентябрскихъ убійцъ, написалъ Проконсулу Ліонскому: ежели возмутившійся городъ не покорится, обратить его въ пепелъ.

Тогда въ укрѣпленіяхъ сего города находился одинъ военный человѣкъ, который былъ храбръ безъ запальчивости и весьма опытенъ. Онъ назывался Перенъ Преси. Ему поручено было главное начальство во время осады. Были также и другіе начальники, въ числѣ коихъ находился Вирье, бывшій членъ Конституціонаго Собранія, и чиновникъ Нерво. При нихъ Ліонцы произвели чудеса всякаго рода. Редуты были начертаны инженеромъ Шенезетомъ, и сдѣланы съ удивительною скоростію. Юношество непрестанно занималось воинскими упражненіями, и могло, по ревности своей защищать многочисленные тритины на столь обширной окружности. Преси.

Таковыя приготовленія вдругъ сдѣлалъ сей городъ. Онъ надѣялся также на нѣкоторыя пособія Марсельцевъ, а можетъ быть также, въ отчаяніи, и на непріятелей, соединившихся противъ Франціи; но вскорѣ усмотрѣлъ, что должно надѣяться только на свою храбрость.

Ліонцы заняли важныя воинскія положенія. Ихъ тритины подались гораздо за окружность города, дабы можно было имѣть сообщеніе съ Монтбриссономъ и С. Этьенемъ, откуда получали они съѣстные припасы. Войско ихъ числомъ своимъ не превосходило десяти тысячь человѣкъ.

При первомъ сраженіи случилось такое вѣроломство, которому мало можно найти примѣровъ въ лѣтописяхъ древнихъ и но-

вѣйшихъ. Когда одинъ отрядъ Ліонцевъ началъ приближаться къ осаждающему войску съ масличною вѣтвію въ рукѣ, имъ сдѣлали дружескіе знаки; но заманивши въ ряды непріятельскіе, ихъ перестрѣляли. Смертоубійственное дѣйствіе произошло на площадкѣ Круа-Руссъ, и Ліонцы остались тамъ побѣдителями. Щастіе еще имъ благопріятствовало въ нѣкоторыхъ стычкахъ; но какъ силы осаждающаго войска ежедневно возрастали, то могли подойти довольно близко и начать бомбардированіе города.

Сіе бомбардированіе началось съ такою жестокостію, которой междоусобныя войны, самыя лютѣйшія, не представляли доселѣ ни одного примѣра. Начальники артиллеріи, безъ сомнѣнія, имѣющіе тайныя приказанія, навели мортиры на гошпитали, чтобъ поразить больныхъ и умирающихъ и погребсти ихъ подъ развалинами зданій. Въ одну ночь бомбами 40 разъ зажигали главную гошпиталь, и волонтиры Ліонскіе столько же разъ погашали оную съ опасностію своей жизни. Наконецъ пожаръ коснулся арсенала; взорвало 4 магазейна и сожгло 110 домовъ, окружавшихъ магазейнъ. Магазейны съ военными припасами и фуражемъ также сгорѣли. Сіе нещастіе распространило ужасъ и уныніе. Весьма ясно, что сіе произошло не отъ бомбъ, но отъ злодѣйства нѣкоторыхъ зажигателей, преданныхъ сторонѣ *Горы,* которые въ столь обширномъ городѣ, каковъ Ліонъ, легко

могли избѣгать дозора и подозрѣнія. Во время бомбардированія нашлись измѣнники, кои давали знаки осаждающимъ для показанія мѣстъ, на которыя надобно направлять бомбы. Сіе послѣднее нещастіе подвергло Ліонъ подъ иго Комитетовъ, кои самовластно дѣйствовали именемъ Собранія.

Осада Ліона продолжалась 63 дня, не смотря на голодъ и примѣтный недостатокъ военныхъ припасовъ. Когда пособія истощились, то всѣ вооруженные люди рѣшились на такое предпріятіе, отъ котораго, по ихъ мнѣнію, зависѣло спасеніе своихъ согражданъ. Они рѣшились выйти изъ города думая, что побѣдители не прострутъ своего мщенія на тѣхъ людей, кои не могли быть для нихъ ни сколько опасны. Почему ночью съ 8 на 9 Октября Преси вышелъ изъ окоповъ съ 1500 человѣкъ. Но измѣнники извѣстили повѣренныхъ Собранія о семъ предпріятіи, и многочисленная конница погналась за ними. Они разсѣваются и бросаются въ самые густые лѣса, надѣясь избѣгнуть неистовства своихъ неумолимыхъ враговъ. Но бѣшеные крестьяне, вооруженные вилами, окружаютъ лѣсъ, и дождавшись ихъ, убиваютъ. Одна колонна, состоявшая подъ начальствомъ Вирье, была совершенно истреблена. Отъ колонны Преси спаслось только 50 или 60 человѣкъ, кои ушли въ Швейцарію съ своимъ военачальникомъ.

Дюбуа Крансе и товарищъ его отозваны

были въ Парижѣ, по случаю обвиненія; какъ говорятъ, за то, что слишкомъ кротко поступали съ Ліонцами. Комитетъ Общественнаго Благосостоянiи на мѣсто ихъ послалъ Колота Гербуа, Кутона и Меньета, кои унесли съ собою всѣ злодѣянія. Они вступили въ Ліонъ 9 Октября и приготовились исполнить опредѣленіе, уничтожающее имя Ліона; и вмѣсто онаго дающее низкое названіе *Вольнаго Мѣщанства.* Уже Ораторъ Комитета Общественнаго Благосостоянія возвѣстилъ Собранію; что Ліонъ покоренъ; что на развалинахъ сего безчестнаго города будетъ воздвигнутъ памятникъ въ честь Собранія; съ слѣдующею надписью; все изображающею: *Ліонъ объявилъ войну вольности; Ліона нѣтъ уже.*

Коммисія, состоящая изъ пяти членовъ, назначена была произвесть военный судъ надъ противниками революціи. Составили Комитетъ для описи и похищенія имущества всѣхъ помѣщиковъ и купцовъ, и Комитетъ для сломанія ихъ домовъ. Последнее порученіе возложено было на Кутона. Его повезли на площадь Беллеръ, столь знаменитую въ Европѣ по красотѣ своей и пышности зданій. Сей ненавистный разслабленный осматривалъ попеременно всѣ домы, ударялъ по нимъ небольшимъ серебрянымъ молоткомъ съ сими словами: *Мятежническій домъ, я поражаю тебя именемъ закона.* Тотчасъ стекались рабочіе и разрушали до основанія тѣ зданія, кои стоили множества денегъ.

Сіе было только начало имѣющаго быть мщенія повѣренныхъ. Колотъ Гербуа весьма способенъ былъ къ исправленію сей должности, ибо имѣлъ личную ненависть къ Ліонцамъ. Говорили, что онъ за десять лѣтъ предъ тѣмъ былъ въ Ліонѣ и представлялъ лице комедіанта. Какъ онъ съ недостаткомъ своихъ дарованій соединялъ смѣшную гордость и развращенные нравы, то всѣ вообще его презирали, и такъ чувствительно, что онъ не могъ того забыть. Обстоятельства доставили случай самому ему отмстить, и онъ отмстилъ ужаснѣйшимъ образомъ. Перо писателя не въ состояніи изобразить всѣ роды казней, коими онъ поражалъ нещастныхъ Ліонцевъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Гоненіе на вѣрное духовенство. Отступленіе отъ вѣры революціонныхъ Священниковъ. Безбожіе дѣлается вѣрою Правительства.

Гоненіе вѣрнаго духовенства началось съ безнравственнаго закона, изданнаго въ Іюлѣ 1793 года. Симъ закономъ, для поощренія Священниковъ къ непозволеннымъ бракамъ, и слѣдовательно къ отступленію отъ вѣры, предписывалось, что тѣ Священники, кои будутъ вступать въ супружество, по обыкновенію республиканцевъ, не лишатся своей почести и жалованья, и что Епископы, кои не позволятъ вступать въ сіи браки, отправлены будутъ въ ссылку. Во время сихъ

бурныхъ разсужденій, коихъ послѣдствіемъ было сіе опредѣленіе, Дантонъ услышавъ, что вредоносныя степи Синнамарійскія назначаютъ для ссылки ослушныхъ Священниковъ, вскричалъ въ изступленіи: »нѣтъ, надобно »ихъ выбросить на берега Италіи, вѣчное »отечество фанатизма; неистовство свя»щенническое, подобно сѣрнымъ веществамъ, »произведетъ ударъ, и такимъ образомъ »само себя разрушитъ.

Безпокойное Мѣщанство ожидало только сего опредѣленія для показанія своей ревности къ такъ называемому отечественному богослуженію. Тотчасъ опредѣленіемъ, вышедшимъ изъ главнаго Мѣщанскаго Совѣта, велѣно было запереть церкви. Сіе значило вызвать Санкюлотовъ къ поруганію всего, что посвящено было на украшеніе олтарей. Тогда соблазнъ явно простерся до самаго святилища. Конституціонный Епископъ Перигe представилъ Собранію жену свою, взятую изъ простаго рода, какъ говорилъ онъ, Санкюлотовъ, и за такую подлость получилъ отъ Предсѣдателя лобзаніе.

7 Ноября отступничество невѣрнаго духовенства показало еще новые успѣхи. Аббатъ Гобель, Епископъ Парижскій, явился въ Собраніе, предшествуемый великими викаріями, предсѣдателями народныхъ обществъ и властей конституціонныхъ департаментовъ. Тамъ онъ попралъ ногами крестъ Епископскій и отрекся отъ священства. Сія горячка начальниковъ партіи кон-

чилась безуміемъ противнымъ вѣрѣ, позорищемъ, которому лѣтописи сорока вѣковъ не представляли подобнаго у самыхъ невѣрныхъ Пирронистовъ. Безбожники Французской революціи приказали итти въ Народное Собраніе, при громѣ воинскихъ трубъ и торжественныхъ пѣсней, безчисленной ордѣ Санкюлотовъ, облеченныхъ въ первосвященническія одежды, и нести на носилкахъ дароносицы, сосуды, ковчеги и мощи, кои наконецъ они начали попирать ногами. Ораторъ (ибо для подобныхъ торжествъ всегда былъ одинъ изъ нихъ) назвалъ исповѣданіе вѣры Аѳанасіевъ и Фенелоновъ вѣрою обмана и крови, и поклялся, что онъ впредь не будетъ признавать другаго божества, кромѣ республики.

Для совершеннаго стыда Собранію оставалось только оправдать присутствіемъ своимъ беззаконнѣйшее торжество въ Соборной церкви Богородицы, преобразованной безбожниками правленія въ храмъ Разума. Въ самомъ дѣлѣ, ежели вѣрить въ томъ описанію сихъ временъ, кои я здѣсь почти до слова помѣщаю, всѣ Члены Собранія тамъ присутствовали. Приказали войти въ олтарь въ видѣ Минервы оперной танцовщицѣ, у которой на головѣ вмѣсто шишака былъ красный колпакъ. Пропѣли пѣсни въ честь новой богини, и подробности сего обоготворенія описавъ въ сильныхъ выраженіяхъ, послали въ 44,000 муниципальныхъ обществъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЯ.

Гоненіе Бурбонскаго дома. Судъ надъ Герцогомъ Орлеанскимъ. Казнь Принцессы Елисаветы.

Всѣ Принцы крови Лудовика XVI, покорившіеся *Горѣ*, какъ то, Графъ Маршъ и Герцогиня Бурбонская, спасли жизнь свою, но не честь. Герцогиня Орлеанская, которую почитали осуществленною добродѣтелію, не покорилась, но пожертвованіемъ безмѣрныхъ имуществъ, составлявшихъ ея удѣлъ, спасла жизнь свою. Впрочемъ, никто изъ сихъ особъ не думалъ раздѣлять съ начальниками партіи правленія, отнятаго, по слабости, у послѣдняго Монарха ихъ поколѣнія. Совершенная беззаботливость послужила къ ихъ спасенію; имъ простили, что они родились при подножіи престола, но усугубили ихъ ничтожество. Герцогъ Орлеанскій, измѣнившій Лудовику XVI, сдѣлавшійся Санкюлотомъ для того, чтобъ владычествовать подъ именемъ подлымъ, былъ нѣсколько опаснѣе. Онъ пожертвовалъ своимъ имуществомъ, своею фамиліею и своею честію для пользы беззаконныхъ Катилинъ новаго правленія; но разбойники уважаютъ ли за пожертвованія своего соумышленника, когда честность его начинаетъ дѣлаться имъ подозрительною? Герцогъ Орлеанскій долженъ погибнуть на эшафотѣ, назначенномъ для злодѣевъ: онъ погибъ даже по ихъ

приказанію. Столь великое негодованіе возбуждало его имя во всѣхъ, что сколь ни была несправедлива смерть его, охотно простили его убійцамъ, потому что они, кажется, оправдали долговременное терпѣніе Промысла.

Смерть Герцога Орлеанскаго случилась въ одно время съ утвержденіемъ въ столицѣ владычества безбожія. Сей Принцъ былъ судимъ революціоннымъ судилищемъ и осужденъ единодушно на смерть наканунѣ отступничества Епископа Парижскаго съ своимъ духовенствомъ. При чтеніи приговора надъ Герцогомъ, котораго онъ не ожидалъ, остатки благородной крови Лудовика XVI, кажется, закипѣли въ его жилахъ. Ему дано 24 часа для приготовленія къ смерти; но онъ началъ просить судей, чтобъ въ туже минуту совершили казнь надъ нимъ. Онъ не потерялъ сего мужества во все долговременное шествіе отъ государственной тюрьмы до площади Революціи. Остановившись на минуту предъ дворцемъ своимъ, онъ посмотрѣлъ на него съ такою твердостію, какъ бы то на простой домъ для зрѣлища. Вопли окружавшихъ людоѣдовъ не возмущали его веселости. Сіе великодушіе, продолжавшіеся до тѣхъ поръ, пока голова его не пала отъ сѣкиры, представляетъ странную противоположность со всѣми подлостями частной его жизни и долговременнымъ вѣроломствомъ. Но ежели правда, что все заглаждается справедливою казнію; то

чувствительный человѣкъ, охотно прощающій, видя таковое мужество, не долженъ поносить по смерти Герцога Орлеанскаго.

Много прошло времени отъ справедливой смерти Герцога Орлеанскаго до казни, столь поносной для имени Французскаго, казни Принцессы Елисаветы; но сей промежутокъ времени между плачевною кончиною двухъ особъ Бурбонскаго дома, шествовавшихъ къ славѣ путемъ столь противнымъ, можетъ быть опущенъ, особливо ежели замѣтимъ, что смерть Королевы, раздѣляющая двѣ эпохи, требуетъ особаго разсужденія и въ особенной главѣ, по причинѣ великой важности, заключающейся въ паденіи сей Августѣйшей особы, и нещастій, проистекшихъ отъ того для всѣхъ Европейскихъ престоловъ.

Принцесса Елисавета, сестра Лудовика XVI, рожденная, какъ Герцогиня Орлеанская, съ душею Фенелона, имѣла болѣе твердости въ характерѣ, рѣшительное мужество и болѣе чувствовала достоинство своего бытія. Она, оставленная отъ всѣхъ, жила въ Тамплѣ, воспоминая свои нещастія и утѣшаясь своими слезами, какъ въ первыхъ числахъ ужаснаго мѣсяца 1794 года, который кончился ссылками (31 Маія), пришли къ ней въ темницу для возвращенія ей ужаснаго свѣта, и умирающую потащили въ государственную тюрьму. Не можно было представить ни одного правдоподобнаго преступленія на сего благотворительнаго и добро-

дѣтельнаго ангела; почему обвинитель Фукье Тенвиль рѣшился прибѣгнуть къ величайшей нелѣпости. Онъ утверждалъ, что сія Принцесса, образъ чистѣйшаго божества по своей непоколебимой кротости, *кусала пули* въ ружья противъ патріотовъ (безъ сомнѣнія, для напоенія ихъ ядомъ) ночью десятаго Августа 1792 года, когда престолъ былъ испровергнутъ. Когда обвиняемая для защищенія своего начала говорить, судьи, безъ сомнѣнія, замѣтили, что зубы ея, подобные слоновой кости, кусали пули, и обвинили ее на смерть. Елисавета, идучи на площадь революціи, увидѣла, что ее сажали на пагубныя тѣлежки съ сестрою знаменитаго Мальгерба, вдовою министра Монтморина и 22 другими жертвами жесточайшаго тиранства. Принцесса утѣшала подругъ своего нещастія, представляла имъ небо и показывала тамъ брата своего, сына Св. Лудовика, по высокому выраженію Аббата Эдгеворта.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Судъ надъ Королевою и казнь ея.

Королева не сомнѣвалась, что сестра ея, не смотря, что никому не желала зла, и что для самыхъ враговъ своихъ была ангеломъ благотворителемъ, найдетъ себѣ убѣжище отъ гонителей въ мрачной могилѣ. Она жила въ Тампльской темницѣ одна и какъ бы отказавшись отъ природы, имѣла непре-

станно предъ глазами изображеніе Лудувика XVI, который бы еще царствовалъ, ежели бы имѣлъ мужество, и утѣшалась въ долговременныхъ нещастіяхъ своею невинностію, утѣшалась тѣмъ, что грядущее потомство отмститъ за нее; что она всегда найдетъ себѣ защиту въ сердцѣ добрыхъ людей, какъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1793 года Сентябрскіе убійцы пришли съ муниципальнымъ шарфомъ и потащили ее въ судилище Дюмасовъ и Фукье-Тенвилевъ. Августѣйшая нещастливица не обманулась въ сію ужасную минуту въ судьбѣ своей. Извѣстно, что когда надлежало исторгнуть ее изъ объятій сестры своей Елисаветы, она сказала ей, положивъ руку на сердце: *прощай навсегда; мы увидимся только съ сыномъ Св. Лудовика.*

Допросъ, взятый съ Королевы, былъ только пустой обрядъ: она была уже осуждена прежде, нежели явилась въ судилище. Она оправдывалась, какъ героиня, во всѣхъ преступленіяхъ, взводимыхъ на нее клеветою; но сіе защищеніе предоставлено было только потомству. Развращенные судіи старались только упиться ея кровію, а народъ, окружавшій Королеву, не достоинъ былъ внимать ей. По всей Франціи носилось высокое изрѣченіе, свойственное ея великой душѣ, когда свирѣпый Гебертъ, буйный сочинитель *листочковъ отца Дюшеня*, обвинилъ ее въ кровосмѣшеніи съ сыномъ. «Природа, сказала она, оправдаетъ

»молчаніе мое; и я ссылаюсь въ томъ на »всѣхъ матерей, здѣсь находящихся; сердце »ихъ должно защитить меня.« Всѣ сіи матери, окамѣневшія отъ взоровъ членовъ кровожаднаго судилища, какъ отъ головы Медузиной, по слабости наблюдали молчаніе, и злодѣйство совершилось.

Судіи и подкупленные судилищемъ свидѣтели объявили, что составился заговоръ, клонящійся къ возженію междоусобной войны. Въ самомъ дѣлѣ заговоръ сей начался еще съ нещастнаго дня 14 Іюля; отъ него произошло возмущеніе Ліонское и междоусобная война Вандейская; но заговоръ составило новое правительство, и сія ужасная тайна, скрывавшаяся въ сердцахъ всѣхъ честныхъ людей, кончилась прежде, нежели разглашена была. Революціонное судилище почло за нужное скорѣе обвинить въ злодѣйствѣ не утѣснителей, но нещастныхъ. Тогда судіи обратились къ закону, какъ они называли, и произнесли смертную казнь. Тигры, приготовившіе приговоръ, сами изумились, что произнесли его. Въ то время примѣтно было на ихъ блѣдномъ и посинѣвшемъ лицѣ сознаніе, что всеобщее мнѣніе обращаетъ приговоръ сей противъ нихъ. Надобно замѣтить, что Предсѣдатель и обвинитель предварительно согласились лишить жертву пищи и тѣмъ привесть ее въ ослабленіе и истощеніе, ежелибъ было возможно. Нещастная Королева въ самомъ дѣлѣ лишилась чувствъ, но свободившись отъ сего

смертнаго сна, она показала еще болѣе мужества.

При чтеніи приговора оцѣпенѣли отъ ужаса зрители, сохранявшіе молчаніе; имъ приказано было рукоплескать. Что касается до Королевы, она выслушала приговоръ съ такимъ спокойствіемъ, котораго судіи ея не имѣли. Давно уже привязывалъ къ жизни ее только одинъ сынъ, осужденный природою на скорую смерть, и сестра, которой она недавно сказала вѣчное прощаніе; небо ее призывало къ себѣ, и предъ смертію сверхъестественная радость блистала въ ея взорахъ. По возвращеніи въ государственную тюрьму она бросилась на дурную койку и почивала на оной нѣсколько часовъ тѣмъ праведнымъ сномъ, котораго порокъ никогда возмутить не можетъ, и для того только пробудилась, чтобъ итти на казнь.

Парижскій народъ никогда не оскверняль себя симъ ужаснымъ злодѣяніемъ, учиненнымъ именемъ его; но сей народъ оставался въ недѣятельности и молчаніи, равно какъ и Собраніе: и народъ и Собраніе предоставили безпокойному малолюдству содѣлать то зло, отъ котораго бы даже одинъ видъ защищенія могъ удержать, и они не предстанутъ безъ пятна предъ судилище Исторіи.

Сіе убійство Королевы случилось въ одно время съ возмущеніемъ въ Бордо, Ліонѣ и Вандеѣ. Хотя не смѣли говорить вслухъ о августѣйшей супругѣ Лудовика XVI, но

вѣроятно департаментскіе бунтовщики, для вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли, пользовались участіемъ, которое могла возбуждать сія государыня.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Самоубійство министра Роланда. — Казнь Бальи, Лавуазьера и Мальгерба.

Въ семъ пространномъ періодѣ нещастій, который остается пробѣжать, должно разсматривать однѣ только народныя злодѣянія. Все предписываетъ намъ наблюдать краткость, которая нечувствительно доведетъ до того времени, когда будемъ взирать съ величайшимъ хладнокровіемъ на торжество развращенныхъ людей, составлявшихъ Комитетъ Общественнаго Благосостоянія до самой полу революціи Термидора, которая доставитъ минутное спокойствіе Франціи и Европѣ.

Министръ Роландъ, показавшій себя столь злобнымъ при сверженіи съ престола Короля, и столь благороднымъ и мужественнымъ при покушеніи испровергнуть *Гору*, увидѣлъ, что сія послѣдняя шайка оцѣнила его голову, когда 31 Маія получила верховную власть. Нещастный, возвратившись отъ своихъ долговременныхъ заблужденій, пошелъ по смерти Королевы въ Руанъ искать убѣжища. Тамъ изъ народной газеты онъ увѣдомился о казни своей супруги, женщины съ великими качествами,

которая умѣла и писать полезныя книги и управлять людьми. Онъ не захотѣлъ жить послѣ ея, и чтобъ не подвергнуть опасности благодѣтельницу, достойную золотаго вѣка, которая приняла его съ дружескимъ гостепріимствомъ, онъ ушелъ ночью на Парижскую дорогу, и рѣшась умертвить себя, пронзилъ спокойно грудь свою дротикомъ. Собраніе, увѣдомившись о семъ происшествіи, начало гнать по смерти тѣнь его и приказало поставить столбъ съ надписью въ тогдашнемъ буйственномъ штилѣ, гдѣ объявляло вѣкамъ о плачевной кончинѣ развращеннаго министра, покушавшагося разрушить республику.

Казнь Бальи.

Происшествіе, плачевнѣйшее самоубійства Роланда, сего двуличнаго Януса, представляетъ намъ продолжительная казнь знаменитаго Бальи, который учредилъ новое правленіе, который благоразуміемъ своимъ загладилъ революціонное сумазбродство и котораго не должно бы заговорщикамъ возводить на эшафотъ.

Бальи бывъ изъ числа просвѣщеннѣйшихъ мужей, прославившихся словесностію, отличился на важныхъ мѣстахъ; но по нещастію не понравился Якобинцамъ, кои въ 1793 году посредствомъ ненаказанныхъ злодѣйствъ достигли верховнаго могущества. Ему вмѣнили въ преступленіе, что онъ приказалъ исполнить законъ во время возмущенія на Марсовомъ полѣ, гдѣ погибли самые бѣшеные виновники общественныхъ

раздоровъ, и его осудили. Когда онъ находился въ Гавръ, въ 1791 году, то предлагали ему почтенное убѣжище въ Англіи, которая была тогда союзницею Франціи; но онъ представлялъ важное лице въ своемъ отечествѣ, въ теченіи трехъ лѣтъ занималъ высокія должности, требующія великой отвѣтственности: онъ почелъ для себя непростительнымъ скрываться отъ закона, и сіе великодушіе погубило его.

Когда злодѣи нашли Бальи въ Мелюнскомъ уединеніи, тотчасъ потащили его въ государственную тюрьму и тамъ отобрали отъ него два допроса: по послѣднему онъ обвиненъ на смерть. Вѣдомости сего времени показываютъ, что зрители, безъ сомнѣнія *братья и друзья*, обнаружили воплями. проистекающими отъ необузданной радости, безчестное удовольствіе, и никакая государственная власть не заботилась о прекращеніи оныхъ. Сіе представляло торжество Каннибаловъ, на которомъ присутствовали одни антропофаги. Бальи выслушалъ приговоръ свой съ спокойствіемъ, котораго не ожидали свирѣпые судьи его. Онъ не дорожилъ уже своею жизнію. Мудрецъ, полвѣка учившійся жить, не страшится минуты, въ которую долженъ умереть. Но казнь его была отлична отъ казни множества знаменитыхъ жертвъ, погибшихъ прежде его. По долговременному мученію, продолжавшемуся два часа, кои употреблены были безчеловѣчнымъ наро-

домѣ на перемѣненіе мѣста для эшафота, при вопляхѣ подлыхѣ и свирѣпыхѣ людей, радовавшихся его нещастію, онѣ не видѣлѣ ни одного чувствительнаго, который бы проливалѣ слезы, и заключилѣ, что весь народѣ, который онѣ хотѣлѣ сдѣлать истинно свободнымѣ, участвовалѣ вѣ злодѣяніи вѣ разсужденіи его смерти. Всѣ твердили тогда простое и высокое изреченіе Бальи. Когда онѣ шелѣ сѣ завязанными назадѣ руками, качая спокойно головою, оледѣневшею отѣ дождя, который текѣ сѣ нее ручьями, одинѣ тигрѣ вѣ видѣ человѣческомѣ сказалѣ ему сѣ принужденною улыбкою: *Бальи! ты страшишься.* Мудрецѣ отвѣчалѣ ему только: *нѣтѣ, но я озябѣ.* Слова сіи достойны Фокіона, которому Бальи подражалѣ вѣ своей простой и скромной добродѣтели. Наконецѣ Бальи, претерпѣвѣ всѣ мученія, испивѣ до дна чашу безчестія, увидѣлѣ, что позади его жгутѣ красное сукно военнаго закона и опускаютѣ ему на спину орудіе казни; услышалѣ потомѣ знакѣ смерти, данный его мучителями, и голова его упавѣ, подала поводѣ кѣ другому, еще ужаснѣйшему убійству знаменитаго Мальгерба.

Лавуазьерѣ и 27 главныхѣ откупщиковѣ, его товарищей осужде-

Вѣ то время какѣ революціонное судилище поражало добродѣтель, обрекая на смерть сына Канцлера Ламуаніона, дѣлало сперва опыты надѣ жертвами, не столь знаменитыми, хотя имя Лавуазьера, главнаго изѣ нихѣ, и должно быть предано потомству. Я говорю о 28 главныхѣ откупщикахѣ, обвиненныхѣ

за то, что они богаты, въ то время, какъ правительство заботилось только о Санкюлотахъ. Палата, судившая ихъ, такъ мало уважала благопристойность во мнѣніи и простыя логическія понятія, что въ приказаніи приговора сказало: нещастные обличены въ томъ, что они мѣшали въ откупной табакъ вещи, вредныя здоровью республиканцевъ. Въ теченіи всего революціоннаго періода никогда начальники партій не разсуждали, а ежели бы хотя нѣсколько размыслили, перестали бы быть начальниками партій.

ны на смерть.

Первый изъ главныхъ откупщиковъ былъ ученый Лавуазьеръ, творецъ новѣйшей Химіи, который писалъ полезныя книги и производилъ добрыя дѣла. Трудно было увѣрить народъ, что такой человѣкъ клалъ примѣсь въ табакъ для отравленія республиканцевъ: впрочемъ онъ подвергся равному съ товарищами гоненію. Обвиненный судилищемъ Фукье-Тенвиля, онъ потребовалъ отсрочки на 15 дней, не для избѣжанія смерти, которую почиталъ концемъ своихъ нещастій, но для окончанія драгоцѣнной рукописи, заключающей въ себѣ полезнѣйшія открытія для человѣчества. Нѣтъ, сказалъ Председатель Кофингаль, ученые не полезны для равенства, и пусть они исчезнутъ съ земли республиканской.

Ежели только ученый человѣкъ, каковъ Лавуазьеръ, почтенною жизнію своею про-

Взятіе подъ

стражу Мальгерба, его дочери и Предсѣдателя Розамбо, его зятя.

тивенъ былъ для подлыхъ начальниковъ партіи; то трудно остаться спокойнымъ министру, защитнику Лудовика XVI: онъ имѣлъ всѣ титулы, могущіе возбудить подозрѣніе въ жесточайшемъ правительствѣ, какъ то: породу, богатство, умъ и добродѣтель. Бунтовщики революціоннаго Комитета, изъ отдѣленія Бонди, пришли безъ всякаго вида конституціонной власти, взяли почтеннаго Мальгерба въ его помѣстьѣ, гдѣ онъ скрывался отъ людей, и повезли со всемъ семействомъ въ темницу, находящуюся въ улицѣ Бурбъ, называемую въ насмѣшку *открытымъ пристанищемъ*, для поруганія надъ нещастными, коихъ непрестанно брали изъ оной и откуда водили ихъ на эшафотъ. Всѣ удивительныя изреченія, вышедшія изъ устъ и сердца сего знаменитаго изгнанника, опмѣчены въ исторіи Мальгербовой, изданной въ 1803 году; но чѣмъ болѣе чувствительный человѣкъ познаетъ ихъ, тѣмъ болѣе хочетъ ихъ понимать. Желательно бы видѣть, чтобъ они начертаны были на всѣхъ памятникахъ, дабы наконецъ справедливая Франція позаботилась загладить свою ошибку, что 14 лѣтъ не хотѣла принять Мальгерба въ Пантеонъ.

Головы ихъ пали отъ революціонной сѣкиры.

21 Апрѣля 1794 года сей старецъ, оказавшій великія услуги церкви, отечеству и людямъ, взятъ былъ изъ государственной тюрьмы и увлеченъ на ту площадь, на которой отрублена была голова Лудовика XVI. Руки у него были завязаны назадъ, и онъ

по слабости зрѣнія не примѣтивъ камня, лежащаго на дорогѣ, запнулся и едва не упалъ. *Вотъ*, сказалъ онъ одному товарищу своего нещастія, *нещастное предзнаменованіе, ежели бы Римлянинъ былъ на моемъ мѣстѣ*. Послѣ того онъ пошелъ съ улыбкою праведника изъ темницы. За день до казни сего великаго человѣка казнили и зятя его, правосуднаго и добродѣтельнаго Предсѣдателя Розамбо. Къ нему на тѣлегу и на другія за нимъ послѣдующія посадили множество знаменитыхъ особъ, какъ-то, перваго Предсѣдателя палаты питейныхъ зборовъ въ Парижѣ, пятнадцать Совѣтниковъ Верхняго Парламента, лѣтъ почти 70, изъ коихъ семеро составляли пять вѣковъ. Въ тотъ же вечеръ, по безчеловѣчной злости, прокричали въ коридорахъ темницы Портъ Либръ приговоръ, учиненный надъ Предсѣдателемъ Розамбо. Тогда Мальгербъ узналъ, что зять его уже не существовалъ, и дочь, утѣшавшая его, увѣдомилась, что лишилась супруга. На другой день сей великій человѣкъ самъ попалъ на площадь Революціи для претерпѣнія казни. Съ нимъ были Герцогини Грамонтъ и Шателетъ, а Принцесса Любомірская изъ Польши, въ цвѣтущихъ лѣтахъ, которая пришла для испрошенія себѣ убѣжища у народа, почитаемаго ею свободнымъ; но сей народъ вмѣсто гостепріимства приказалъ ее казнить. Прежде нежели погибъ Мальгербъ, видѣлъ умирающихъ отъ гальйотины дочь свою, внука и внуку. Сіе продолжительное

и плачевное страданіе не возбудило вѣ немѣ ропота. Взошедши вѣ свою очередь на эшафотѣ, онѣ, подобно Лудовику XVI и Маріѣ Антоанеттѣ, простился сѣ своими многочисленными врагами, и умерѣ слишкомѣ 72 лѣтѣ сѣ неизмѣняемымѣ спокойствіемѣ праведника.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Междоусобная война у Членовъ правленія. Плачевная кончина Геберта, Ронзеня, Фабра Эглантинъ, Клоца и Дантона. Умерщвленіе Колота Гербуа. Мнимый заговоръ противъ Робеспьера.

Трудно правленію, имѣющему начальниками злодѣевѣ, быть согласными. Когда начальники партіи наскучили вести войну сѣ аристократами, начали ее между собою. Сія война была пагубнѣйшая, какѣ обыкновенно случается вѣ раздорахѣ фанатизма. Безчеловѣчный Сатурнѣ вѣ Греческой Миѳологіи, насыщаясь жертвами, пожиралѣ самѣ себя.

Казнь Геберта, Ронзеня, Эглантина и Анахарсиса Клоцѣ.

Кровавый законѣ, извѣстный подѣ нелѣпымѣ названіемѣ *закона силы*, изданный по настоянію жестокаго Сен-Жюста, произвелѣ раздоры вѣ противномѣ смыслѣ Народнаго Собранія. Сей законѣ опредѣлялѣ смертную казнь за перекупку сѣѣстныхѣ припасовѣ, внесеніе оружія вѣ столицу *для умерщвленія вѣ оной народа* и за злоумышленіе, клонящееся кѣ униженію Законодательнаго Собранія. Легко можно найти винныхѣ при

столь неопредѣлительныхъ названіяхъ. По щастію, первыя жертвы помрачили имя свое всеобщимъ проклятіемъ добрыхъ людей.

Давно уже двѣ партіи, Якобинская и Францисканская, старались присвоить себѣ развалины прекрасной монархіи Лудовика XVI. Сіи партіи примѣчали одна за другою и старались отгадывать всѣ поступки, чтобъ нанести другъ другу вѣрнѣйшій ударъ. Вдругъ и когда того не ожидали ударила туча надъ Францисканами, у коихъ были главными начальниками Гебертъ, сочинитель безчестной книжки: *отецъ Дюшень*, и предводитель революціоннаго войска Ронзенъ. Противъ нихъ не было ни предварительныхъ изслѣдованій, ни опредѣленія; но доносщикъ Фукье-Тенвиль приказалъ ихъ взять подъ стражу съ прочими 17 начальниками партій, не столько извѣстными, кои дерзнули завести раздоръ съ первымъ изъ клубовъ *Горы*; и когда по закону силы велѣно было ихъ посадить въ темницу, занялись изобрѣтеніемъ злодѣяній. Злодѣяніе, на которомъ остановились, могло, по понятіямъ того времени, возбудить ужаснѣйшее волненіе. Дѣло состояло въ объясненіи правъ человѣка, кои Францискане торжественно прикрыли чернымъ погребальнымъ крепомъ: сіе на языкѣ *Горы* показывало возмущеніе, и она за то назначила на смерть своихъ непріятелей.

Революціонное судилище, преданное Робеспьеру, удовлетворило его мщенію. Де-

вятнадцать обвиненныхъ осуждены были на смерть. Парижъ былъ доволенъ симъ рѣшеніемъ въ разсужденіи Геберта, коего жизнь была не что иное, какъ цѣпь злодѣйствъ и мерзостей. Онъ, при производствѣ суда надъ Королевою, дерзнулъ обвинять ее въ кровосмѣшеніи. Смерть Ронзеня произвела равное удовольствіе въ департаментахъ, по причинѣ безчисленныхъ золъ, причиненныхъ торговлѣ и земледѣлію дерзкою глупостію сего начальника Санкюлотовъ.

Казнь Геберта и Ронзеня подала поводъ къ наказанію двухъ человѣкъ, не столько развращенныхъ, кои заслуживали нѣкоторое почтеніе, и сохранили бы оное, ежели бы, по безразсудному честолюбію, не примѣшались къ бунтующимъ партіямъ. Одинъ изъ нихъ былъ Фабръ Эглантинъ, сочинитель прекрасной комедіи *Филинтъ Мольеровъ*; другой Прусакъ, Анахарсисъ Клоцъ, человѣкъ съ пылкимъ воображеніемъ, хотя и безъ вкуса, который, при скромномъ правительствѣ, могъ бы, по своему человѣколюбію, мечтать о республикахъ по примѣру Платона, для просвѣщенія людей, но который, помѣшавшись въ разсудкѣ отъ дерзкой системы Санкюлотовъ, терялся въ своихъ понятіяхъ, и писалъ болѣе романы о равенствѣ.

Судъ надъ Дантономъ.

Робеспьеру столько понравился способъ, коимъ онъ поразилъ Геберта и Ронзеня, что употребилъ подобный и для освобожденія себя гораздо отъ опаснѣйшаго соперника,

который раздѣлялъ съ нимъ верховную власть. Это былъ Дантонъ, который имѣя безпокойный умъ Кардинала Рецъ, имѣлъ и развращеніе Катилины. Какъ весьма опасно было выстоять на каѳедрѣ ораторской противъ силы и очарованія пламеннаго его краснорѣчія: то Робеспьеръ приказалъ взять его въ собственномъ домѣ подъ стражу, подъ предлогомъ всеобщей безопасности. Дантонъ предупрежденъ былъ о семъ умыслѣ; но столько презиралъ врага своего, что не ожидалъ отъ слабаго ума его такой дерзости, и погибъ отъ своей недѣятельности. Тщетно при первомъ слухѣ о задержаніи друга своего Лежандръ употреблялъ для спасенія его всю силу своего краснорѣчія; онъ не тронулъ умовъ, вскруженныхъ лжемудрованіями шайки, преданной Робеспьеру, и едва самъ не погибъ вмѣстѣ съ Дантономъ.

Опредѣленіемъ, даннымъ послѣ Филиппической рѣчи Сен - Жюста, говоренной шесть часовъ, не только подтверждено было задержаніе Дантона, но присовокуплены къ нему и соумышленники. Одни изъ нихъ дѣйствовали посредствомъ другихъ, какъ то, Фелиппо и Лакруа; другіе прославились нѣсколько въ бурныхъ лѣтописяхъ революціи, каковы Камиллъ Демулень и перемѣтчикъ Герольдъ Сешель, сочинитель начертанія республиканской конституціи, которая, не смотря на то, что принята была съ энтузіазмомъ, существовала въ силѣ только нѣсколько дней. Всѣ они пре-

даны были, по обыкновенію, революціонному судилищу.

Мужество, оказанное Дантономъ при допросахъ и въ послѣднія минуты жизни, на нѣсколько времени привело въ забвеніе ужасы революціонной его жизни. Тогда выставляли множество поступковъ, кои бы оправдали память его, ежели бы дѣло его было справедливѣе. Когда судилище потребовало отъ сего дерзкаго начальника партіи объясненія въ разсужденіи злоумышленія, въ которомъ его обвиняли, онъ сказалъ: *Да, я хвалюсь тѣмъ, что умышлялъ противъ правительства, дѣйствительно злонамѣренного.* Когда судья приговорилъ его на смерть, онъ началъ читать хладнокровно оду Шолье, между тѣмъ какъ читали надъ нимъ приговоръ. Прочіе осужденные показали такую же слабость при смерти, какую показывали и въ жизни, и Дантонъ, превосходившій ихъ на каѳедрѣ, превзошелъ также своею отважностію и во время казни.

Ламираль умерщвляетъ Колота Гербуа.

Не смотря на ужасъ, который Собраніе своими законами и злодѣяніями напечатлѣвало почти во всемъ народѣ, по временамъ являлись такіе люди, коимъ огорченіе внушало мысль освободить отечество отъ тирановъ, имѣвшихъ величайшую довѣренность въ народѣ. Ненавистнѣйшій изъ всѣхъ былъ въ сіе время Колотъ Гербуа, производившій во всѣхъ отвращеніе кровопролитіемъ Ліонскимъ. Еще во время паденія Дантона приписывали ему изреченіе, достойное Кали-

гулы и Фаларида Онъ предлагалъ Якобинскому клубу взорвать одною адскою махиною всѣ темницы, дабы однимъ разомъ истребить сѣмя всѣхъ возмущеній. Сіе чудовище тогда владычествовало, и люди, преобразовывавшіе государство смертію, призывали только имя его и Робеспьера.

Одинъ отчаянный человѣкъ, слушая повѣствованіе о удачныхъ злодѣйствахъ Колота Гербуа, и наполнивъ свое воображеніе дерзкими мыслями, рѣшился сдѣлать конецъ. Онъ назывался Ламиралемъ. Онъ сталъ ночью къ воротамъ дома свирѣпаго врага Французскаго имени, и дождавшись его, выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета, ранилъ его, но не смертельно. 50,000 шпіоновъ, содержавшихся у Собранія на жалованье, скоро узнали имя неосторожнаго убійцы и предали его революціонному суду. Колота Гербуа почитали мученикомъ за отечество и обѣявили, что ежели онъ умретъ, то прахъ его съ почестію положенъ будетъ въ Пантеонѣ. Сіе убійство, худо обдуманное, а и того хуже произведенное, заставило пролить рѣки крови. Составлявшіе обѣявленіе о гоненіи включили въ оное 53 нещастныхъ, и исполнили сіе съ неуваженіемъ народнаго мнѣнія, не смотря, что всѣ почти осужденные показали въ судѣ, что они никогда не слыхали о Ламиралѣ, и что большая часть ихъ съ давняго времени уже томится въ темницахъ. Между жертвами, посвященными мщенію за Колота

Гербуа, обратили на себя особенное вниманіе народа Принцъ Сен-Морисъ, сынъ министра Монтбарре, Лаваль Монтморанси, Роганъ-Рошефортъ и почтенный Сомбревиль, прежній Коммендантъ инвалидовъ. Волосы поднимаются, когда представишь, что сіи знаменитыя особы, объявленныя соумышленниками Ламирала, пошли одѣтыя въ красной рубашкѣ на эшафотъ!

Мнимой заговоръ семейства Ренольдъ на жизнь Робеспьера.

Одна молодая особа, по имени Ренольтъ, дорого заплатила за неосторожную откровенность, свойственную ея лѣтамъ: она отъ негодованія сказала нѣсколько словъ противъ разрушителей Франціи. Доносщики не преминули представить о сихъ словахъ съ присовокупленіемъ ядовитыхъ своихъ и злобныхъ толкованій.

Главное изъ сихъ признаній нескромной откровенности есть слѣдующее: »да, я отдала бы жизнь мою за то, чтобъ вмѣсто тридцати тысячь тирановъ, нами управляющихъ, имѣть одного Короля.« Сіе желаніе, обнаруживающее характеръ, было въ сердцахъ у всѣхъ честныхъ людей; но для объявленія онаго потребенъ былъ незнающій никакой осторожности возрастъ юной Ренольтъ. Впрочемъ въ словахъ Героини не былъ точно означенъ Робеспьеръ, и сіи слова могли удобно изчезнуть въ множествѣ проклятій, ежеминутно произносимыхъ на Комитеты правленія. Новая неосторожность погубила юную Ренольдъ: она употребила всѣ средства для изысканія случая

попасть въ домъ къ Робеспьеру; и когда начали замѣчать нѣкоторое злобное намѣреніе въ непрестанныхъ ея прогулкахъ, она сказала съ откровенностію, весьма способною погубить ее: *я хочу посмотрѣть, каковъ тиранъ.* Тиранъ отмстилъ съ лютостію, достойною сихъ революціонныхъ временъ: онъ приказалъ отца, сестру и все семейство юной Ренольтъ предать казни. Это восточное правосудіе въ самовластныхъ монархіяхъ, гдѣ одинъ только повелитель, а всѣ невольники. Не преминули, какъ и въ дѣлѣ Ламирала, присовокупить здѣсь множество людей, коихъ жизнію скучали мятежники; но они, томясь въ своихъ оковахъ, не представляли никакого предлога къ возведенію ихъ на эшафотъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Мнимой заговоръ темницъ. — Продолженіе убійствъ революціоннаго судилища.

Ужасное предложеніе Колота Гербуа о адской махинѣ для подорванія темницъ было отвергнуто по причинѣ опасности, могущей произойти отъ того для государства: но хитрые мятежники умѣли поддѣлаться, и родилось то, что въ грамматикѣ революціоннаго судилища называлось *заговоромъ темницъ.*

Во время величайшаго могущества Робеспьерова въ темницахъ столицы находилось около 10,000 плѣнниковъ всякаго званія, Заговоръ темницъ

возраста и пола, кои изъ журналовъ и отъ правительства не видя для себя надежды, ожидали, подобно Улиссовымъ товарищамъ въ пещерѣ Полифема, своей очереди быть пожранными отъ повѣренныхъ Карьера и Колота Гербуа. Предлагали тысячу средствъ для истребленія ихъ безъ великаго волненія въ народѣ. Одна гнуснѣйшая жестокость состояла въ томъ, чтобъ опорожнить въ темницахъ отходныя ямы, сдѣлать при отверстіи оныхъ дверь, а предъ оною положить доску, которая бы, повертываясь, низвергала туда всѣхъ живыхъ плѣнниковъ однихъ за другими.

Остатки благонравія, коихъ и величайшіе злодѣи не могутъ истребить совершенно, заставили самихъ тюремщиковъ воспротивиться таковому средству. Тогда начертали на вертепахъ горы планъ *заговора темницъ*.

Рѣшились донести революціонному судилищу на отличныхъ аристократовъ, коихъ хотѣли погубит, какъ на изобличенныхъ, что они покушались подкупить темничнаго стража въ Люксембургѣ, дабы можно было имъ освободившись, разсѣяться по городу и умертвить членовъ въ Комитетахъ Правленія. Трудно выдумать басню нелѣпѣе сей; но для сего воспользовались словами, сказанными Артуромъ Дилонъ, содержавшимся въ Люксенбургѣ. *Я хочу*, сказалъ онъ по дружески, *чтобъ была республика; но не желаю, чтобъ въ оной были*

тираны и гонители. Его представили начальникомъ злоумышленія, которое, ежели такимъ образомъ составлено, заслуживало, чтобъ отослали въ домъ сумасшедшихъ. Тюремщикъ, безъ сомнѣнія подговоренный, показалъ, что хотѣли его подкупить. По сему показанію революціонное судилище, учавствующее въ умышленіи изобрѣтателей плана, осудило Артура Дилона на смертную казнь съ 14 другими плѣнниками, кои большею частію были робкіе невольники, заботившіеся болѣе о собственной смерти, нежели о умерщвленіи начальниковъ правленія. Въ числѣ сихъ 14 мнимыхъ соумышленниковъ въ заговорѣ темницъ находились двѣ женщины, не имѣвшія мужества Шарлотты Кордей. Одна изъ нихъ была вдова свирѣпаго Геберта, а другая нескромнаго Камилла Демулень. Въ сію басню примѣшанъ также былъ и знаменитый бунтовщикъ, Прокуроръ Мѣщанства Шометъ, который, для прославленія своего весьма неизвѣстнаго имени, присовокупилъ къ оному названіе философа Анаксагора; но онъ поругалъ память мудреца, потому что не имѣлъ съ нимъ ни малѣйшаго сходства. Анахарсисъ Клоцъ былъ нѣсколько щастливѣе, нежели Анаксагоръ Шометъ.

Краткое описаніе злодѣйствъ революціоннаго

Въ сіи ужасные мѣсяцы, то есть, въ Маіѣ, Іюнѣ и Іюлѣ 1793 года, сѣкира палачей, по приказанію Собранія, срубила головъ болѣе всѣхъ временъ. Тогда весьма прилично было сказать слѣдующія слова,

судилища. ложно приписываемыя Барелу: *правительство чеканило монету на эшафотѣ революціоннаго судилища.*

Сіе судилище, покрывшее себя вѣчнымъ поношеніемъ, показало первый опытъ своего неистовства 15 Апрѣля 1793 года. Знатныя особы, ознаменовавшія его открытіе, суть Польскій Генералъ Мязинскій и Губернаторъ Сен Доминскій Бланшеляндъ. Потомъ въ различное время Фукье - Тенвиль принесъ въ жертву *Горѣ*, которой онъ былъ Великимъ Визиремъ, двухъ министровъ, Лебрюня и Дюпорта Дютертръ, прежняго государственнаго Казначея Лаверди, Графиню Дюбарри, которая была не довольна убѣжищемъ, обрѣтеннымъ ею въ Лондонѣ, и Полковника нестроеваго гвардейскаго полка, нещастнаго Герцога Шателетъ. Любители искусствъ, мужества и добродѣтели особенно тронуты были плачевною кончиною супруги министра Роланда, женщины умной, подражательницы Клеліи и Порціи, которая писала лучшія революціонныя сочиненія для своего супруга, и которая, ежели бы доставляли ей болѣе пособія благомыслящіе члены Собранія, на много лѣтъ не допустила бы подлаго и свирѣпаго владычества Санкюлотовъ.

Съ Генваря 1794 года до Маія 10 сіе судилище, не полагаясь еще на свои силы, исполняло осторожно урокъ, на него возложенный. Не многіе погибли изъ сихъ почтенныхъ мужей: Герцогъ Биронъ и Маршалъ

Люкнеръ, военный министръ Латуръ Дюпень, Герцогъ Виллеруа и Адмиралъ Эстенгъ. Сей послѣдній человѣкъ, весьма справедливый, гражданскій судія Анграмъ д'Аллерей, на вопросъ, сколько ему лѣтъ, отвѣчалъ однимъ словомъ *шестьдесятъ*, къ коему честные люди, разсѣянно находившіеся въ судѣ, присовокупили: *добродѣтельныхъ*. Справедливость требуетъ прибавить къ сему числу мучениковъ за отечество 25 нещастныхъ Вердюнцевъ обоего пола, бросавшихъ цвѣты и дававшихъ концерты Королю Прускому.

Судилище, дабы доказать народу, ослѣпленному призраками равенства, что въ рѣшеніяхъ не имѣетъ лицепріятія, рѣшилось отъ 10 Маія до 13 Іюня не отправлять на казнь почти никого, кромѣ какъ только изъ простаго народа: таковыхъ было около 380 человѣкъ. Правда, отъ 13 Іюня до 29 неистовство противъ аристократовъ въ немъ пробудилось. Въ числѣ 162 жертвъ, коими оно окружалось, весьма много находилось изъ состоянія, осужденнаго на гоненіе, и между прочими 26 членовъ Парламента Тулузскаго и Принцъ Тремуиль. Чѣмъ болѣе враги государства увеличивали бездѣйствіе народа, тѣмъ болѣе умножалось число знаменитыхъ изгнанниковъ. Съ 29 Іюня по 10 Іюля гильотина прекратила жизнь 303 нещастныхъ, между которыми находились знаменитый Ленгетъ, достойный лучшей участи, не смотря на колкость его са-

тиръ, братъ Маршала Ноаля, Принцъ Брогли и Маршалъ Биронъ.

Наконецъ увѣрилась *Гора*, что она въ дѣйствіяхъ своихъ противъ отечества не встрѣтитъ никакого сопротивленія: тогда приказала она Фукье-Тенвилю, чтобъ онъ ничего не опасался для продолженія убійствъ своихъ, опредѣленныхъ судомъ; и онъ покорился ея волѣ. Тогда полилась кровь ручьями. Полагаютъ, что съ первыхъ чиселъ Іюля по 23 погибло 570 человѣкъ, изъ коихъ самая большая часть отличила себя въ лѣтописяхъ древней монархіи. Многіе изъ нещастныхъ исторгли слезы у людей самыхъ хладнокровныхъ къ народнымъ бѣдствіямъ, между прочими таковы были два Фенелона, коихъ одно имя долженствовало бы сдѣлать неприкосновенными: первой Предсѣдатель Казенной палаты Николай и сынъ знаменитаго Бюффона. 23 Іюля посадили на революціонныя тѣлежки 55 мнимыхъ враговъ республики всякаго чина, пола и возраста. Первое мѣсто занималъ владѣтельный Князь Зальм-Корбургскій, который, по нещастію, неоднократно вмѣшивался въ революцію, свергнувшую его съ престола, и Генералъ Богарне. Полагаютъ, что въ четыре послѣдніе дни существованія сего судилища предъ полувозрожденіемъ Термидорскимъ издыхающее народоначаліе умертвило 173 человѣка.

Во множествѣ славныхъ людей, павшихъ отъ гильотины, должно замѣтить Барона

Тренка, пришедшаго изъ Пруссіи для испрашиванія убѣжища у великодушныхъ Французовъ. Изъ чиновныхъ людей сожалѣли о Епископѣ Агдѣ Сен-Симонѣ и Герцогахъ Клермонт-Тоннерѣ и Сент-Айньянѣ; изъ женщинъ о юной Принцессѣ Монако, умной и прелестной. Причиною погибели ея были алмазныя украшенія, коими хотѣлъ завладѣть неумолимый тюремщикъ Сентъ Пелажи; о Маршальшѣ Армантьерѣ, о Принцессѣ Шимай, осмидесятилѣтней игуменьѣ Монтмартрѣ, называвшейся прекраснымъ именемъ Монтморанси.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ОСЬМАЯ.

Празднество Верховному Существу. Торжество и паденіе Робеспьера.

Среди сего обширнаго круга злодѣяній, коими оскверняла себя *Гора*, депутатъ ея Робеспьеръ начиналъ чувствовать не угрызенія, кои онъ давно уже заглушилъ, но мучительное воспоминаніе, слѣдствіе недостатка силы. Будучи ревностенъ ко всякому роду изобрѣтенія въ самомъ даже развратѣ, замѣчалъ, что безбожіе содѣлалось единственнымъ богослуженіемъ разрушителей, и что симъ нарушеніемъ общественнаго договора обязаны не ему, но Дантону, Геберту и повѣреннымъ славнаго Мѣщанства. Тогда вздумалъ онъ дать Франціи новое богослуженіе, такъ какъ далъ онъ, при помощи Санкюлотовъ, жесточайшее прав-

леніе. Сіе богослуженіе, изобрѣтенное Робеспьеромъ, въ сущности своей не что иное было, какъ ограниченное безбожіе. Безбожіе Дантоново и Гебертово, обоготворяя разумъ человѣческій, въ самомъ дѣлѣ обоготворяло ничтожество. Новое богослуженіе дало природѣ имя Верховнаго Существа; но какъ сія природа показываетъ себя во множествѣ чудесъ, кои самая Философія съ нѣкоторымъ трудомъ изъясняетъ, то богопочтеніе Робеспьера дѣйствовало вдругъ и на глаза народа и на разсудокъ мудреца; что самое и доставило нѣкоторую тѣнь вѣры.

Празднество обоготворенной Природѣ.

Робеспьеръ потребовалъ, чтобъ празднованіе богу *Природѣ* учреждено было въ Маіѣ мѣсяцѣ. *Гора* не могла ему ни въ чемъ отказывать; но трудность, какъ совершить сіе празднество, заставила отложить оное до Іюня мѣсяца. Въ самомъ дѣлѣ оно назначено было въ Тюльерійскомъ саду. На одномъ пруду сдѣлали родъ оперной махины безъ соразмѣрности въ частяхъ и безъ вкуса, представлявшей колоссъ Робеспьерова безбожія, которую шайка его воздвигла въ присутствіи Народнаго Собранія. Разложили на эшафотѣ огонь съ дѣтскою пышностію и зажгли ѳеатральныя украшенія; и вотъ что Король *Горы* называлъ отправленіемъ богослуженія и воздвигнутіемъ олтарей Правителю міровъ. Сія богослужебная комедія произвела нѣкоторое дѣйствіе въ то время въ періодическихъ изданіяхъ и объявленіяхъ Собранія. Извѣстно, что Робеспьеръ былъ тог-

да на верху могущества: ему слѣдовало только утверждать власть свою еще болѣе, прикрывая ее хитро народнымъ именемъ; но сей злодѣй, не имѣвшій великихъ дарованій, всегда дѣйствовалъ на одну минуту; онъ увлекался происшествіями, и не управлялъ оными: таково было начало его паденія.

Постепенное паденіе Робеспьера.

Вскорѣ замѣтили, что Робеспьеръ, неспособный господствовать надъ своею судьбою, и представляющій себѣ мщеніе, которое наконецъ воздадутъ современники, сдѣлался весьма задумчивъ. Онъ однажды похвалилъ въ Народномъ Собраніи, что имѣетъ въ своемъ распоряженіи 11,000 лазутчиковъ. Симъ онъ хотѣлъ устрашить многочисленныхъ враговъ своихъ, но только раздражилъ ихъ. Они представили, что Робеспьеръ съ таковымъ воинствомъ, ежели оно состоитъ у него на жалованье, можетъ со временемъ основать народную монархію на мѣстѣ монархіи Бурбоновъ, свергнутыхъ съ престола. Сіе возбудило ихъ ярость. Но надлежало ожидать благопріятной минуты, и сей случай, по выраженію Марата, скоро представился людямъ, завидующимъ верховной власти, въ которой они не имѣли участія.

Изъ числа выраженій, сказанныхъ для устрашенія, есть одно, коего, по хладнокровному звѣрству, не льзя не приписать сумасшествію. Одинъ человѣкъ *новаго порядка*, называвшійся другомъ Робеспьера, потому что Робеспьеръ принуждалъ его быть своимъ соумышленникомъ, по довѣренности

спросилъ его послѣ смерти Дантона, какой долженъ быть конецъ жестокихъ его гоненій. «Поколѣніе, видѣвшее монархію, «отвѣчалъ онъ, будетъ сожалѣть о ней не«престанно; почему всякаго человѣка, имѣв«шаго болѣе 15 лѣтъ въ 1789 году, должно «умертвить.» Слова сіи, сказанныя за тайну и съ осторожностію, сдѣлались потомъ всѣмъ извѣстными, и туча низвела его съ народнаго престола на эшафотъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Война Французской республики съ главнѣйшими Европейскими престолами. Усиліе Собранія. Достопамятное сраженіе Флерійское. Походъ Пишегрю.

Прежде нежели опишемъ паденіе Робеспьера, не безполезно отвратить на минуту утомленные взоры отъ зрѣлища толикихъ нещастій и устремить оные на воинскіе походы, въ коихъ Французы неоднократно срывали пальму побѣды, въ коихъ гренадерской колпакъ, по блистательному выраженію министра Неккера, смылъ нѣсколько пятно поношенія, нанесенное краснымъ колпакомъ.

Походъ 1793 и 1794 годовъ. Война объявлена Франц...

По умерщвленіи Лудовика XVI вызывать дерзко на сраженіе всѣ державы, вооружавшіяся для наказанія за сіе цареубійство, означало можетъ быть хитрость Комитетовъ правленія. Они ясно понимали, что не льзя ожидать мира отъ престоловъ, кото-

рыхЪ основанія подрывали они своими злодѣяніями, и они вызвали ихЪ на сраженіе, чтобЪ устрашить такимЪ дерзкимЪ поступкомЪ. Сія политика, уподобляющаяся Римской, возымѣла свое дѣйствіе надЪ Государями, коихЪ личная польза устремляла кЪ разрушенію великой конфедераціи. Происшествія мало по малу оправдали догадки КомитетовЪ. Почему Собраніе, прежде нежели кабинеты обнаружили мысли свои о казни Лудовика XVI, вдругЪ обЪявило войну Австрійскому дому, Королю Прусскому и Испанскому, Голландіи и Англіи. Сія отважность не кончилась однѣми обЪявленіями; опредѣленіемЪ велѣно было набрать одиннадцать армій, для составленія страшной цѣпи вокругЪ тѣхЪ владѣній, на которыя союзники намѣревались напасть. Вооруженные солдаты, казалось, вышли вдругЪ изЪ земли. Сіи полунагія войска, неимѣющія воинскихЪ снарядовЪ и необученныя военному искусству, но воспламененныя желаніемЪ сохранить новое отечество, произвели всюду чудеса храбрости, и исторгли похвалы у самыхЪ ГенераловЪ, разбитыхЪ ими. СЪ сего времени вся древняя тактика разрушилась, подобно стѣнѣ, сокрушающейся отЪ древности. Тогда узнали, что противиться ФранцузамЪ остается только одно средство, чтобЪ поставить противЪ республиканцевЪ родЪ монархическаго отечества, и сравняться сЪ ними вЪ мужествѣ.

Когда непріятельскія дѣйствія начались, тогда союзныя войска состояли изъ 440,000 человѣкъ. Собраніе выставило противъ нихъ 780,000. Никогда не видали подобнаго чуда съ нашествія Персовъ на Грецію, и, что превосходитъ понятіе, сіи новонабранные воины, никогда не видавшіе непріятелей, могли заслужить пальмы Мараѳонскія и показать славную смерть трехъ сотъ Леонидовыхъ Спартанцевъ при Термопильскомъ проходѣ.

Доколѣ арміи Французскія не полагались еще на свои силы, начальники, опасаясь пустить ихъ въ огонь, держали только въ грозномъ оборонительномъ состояніи. Сія ошибка была причиною разбитія Дюмурье при Нервейденѣ, того разбитія, которое показавъ непріятелю, что война таковаго рода имѣетъ успѣхъ отъ дерзости, побудило его напасть на Французовъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ думалъ найти сопротивленіе. Въ сіе непродолжительное время покрылось Французское оружіе поношеніемъ. Тогда Кюстинъ вышелъ изъ Маинца, Конде и Валансьень здались на договоръ, а Белгія пріобрѣла свою независимость.

Сраженіе при Гонскотѣ и послѣдствія онаго.

Наконецъ 8 Сентября 1793 года военная система перемѣнилась: республиканцы начали вести войну наступательную, составлявшую ихъ стихію, и щастіе обратилось къ ихъ знаменамъ. Сіе преимущество, возвращенное Французскимъ войскамъ, было слѣдствіемъ сраженія Гонскотскаго, на ко-

торомъ солдатъ, наскучившій долговременнымъ бездѣйствіемъ, не совѣтуясь съ военачальниками, расторгнулъ всѣ препятствія, полагавшія оплотъ его храбрости, перешелъ рвы, взялъ полисады, овладѣлъ непріятельскою артиллеріею, и принудилъ непріятеля унизиться предъ своею буйною храбростію. Сіе торжество было тѣмъ лестнѣе, что побѣжденное войско было многочисленнѣе. Непріятель при семъ великомъ и страшномъ дѣйствіи потерялъ 6,000 человѣкъ, и союзники начали терять духъ. Генералъ Гушардъ, начальствовавшій въ семъ походѣ, былъ случайный воинъ, который увлекался болѣе жаромъ солдатъ своихъ, нежели управлялъ оными. Въ Римѣ почли бы его полубогомъ, могущимъ выдержать осаду отъ Аннибала; но Республика Санкюлотовъ не показала ни великодушія ни справедливости. По донесенію Проконсула, коего гордость, безъ сомнѣнія, оскорбилъ Гушардъ, взяли его подъ стражу, и революціонное судилище препроводило его на казнь. Сія неожиданная побѣда Гонскотская устрашила Герцога Іоркскаго, блокировавшаго Дюнкирхенъ. Онъ съ поспѣшностію обратился въ Темзу, что самое и воспрепятствовало сдѣлать высадку на Французскія берега, о которой съ гордостію объявлялъ Лондонскій Кабинетъ, и которая уже заставляла скрыться въ города мирнаго поселянина.

Во время превосходнаго похода Генерала Гушарда сражались также въ Восточныхъ и Западныхъ Пиринейскихъ горахъ. Худое управленіе храбрыми Французами при сихъ оплотахъ Испаніи, ссоры непрестанно возникающія между военачальниками и повѣренными Собранія, произвольная отставка первыхъ отъ должности тогда, когда они почитали себя главными начальниками, породили множество бѣдствій. Таково было злоупотребленіе въ семъ случаѣ отъ самовольныхъ перемѣнъ, что однажды чиновникъ Испанскаго штаба, долженствующій вступить въ переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ, отправилъ письмо въ Французскія передовыя войска съ слѣдующею надписью: *военачальнику, который предводительствуетъ въ сію минуту Французскимъ войскомъ*. Впрочемъ зло, дошедшее до крайности, скоро заставило поправиться: начальники партіи ограничили полномочіе Проконсуловъ. Слухъ о побѣдѣ Гонскотской, распространившійся въ Пиринейскихъ войскахъ, показалъ Французамъ, какую могутъ получить они пользу отъ войны наступательной; и они потекли до самаго заключенія мира отъ одной побѣды къ другой.

Побѣда при Флерусѣ.

Торжество, гораздо блистательнѣе побѣды Гонскотской, доставило совершенное разбитіе союзнаго войска на равнинахъ Флерійскихъ. Принцъ Саксен-Кобургскій самъ начальствовалъ онымъ, и не унизилъ своей прежней славы. По нещастію, тактика, по-

средствомъ которой онъ производилъ столь великія дѣла, уже не существовала, и Французы научились побѣждать безъ оной. Тогда весь умъ, употребленный Принцемъ, сдѣлался безполезенъ. Генералу Журдану одолжены успѣхами въ семъ достопамятномъ сраженіи, хотя онъ послѣ и не всегда былъ щастливъ. Французовъ было только 70,000, а союзное войско состояло изъ 100,000 человѣкъ; но во время походовъ, въ которыхъ честь занимаетъ первое мѣсто, обыкновенно щитаютъ непріятеля послѣ побѣды. Журданъ, для освѣдомленія о расположеніи непріятельскаго войска, употребилъ новый способъ, который тогда только и былъ удаченъ: то есть, воздушный шаръ, поднявшійся на высоту, безопасную отъ пушекъ, изъ коего находившіеся въ гондолѣ сообщали Генералу свои замѣчанія о непріятельскомъ войскѣ посредствомъ знаковъ. Сіе хитрое средство послужило началомъ къ торжеству республиканскаго войска. Сраженіе было самое кровопролитное: сѣча продолжалась 17 часовъ. Съ обѣихъ сторонъ желали, чтобъ успѣхи на семъ сраженіи рѣшили судьбу похода. Фанатизмъ народнаго соперничества между Англіею и Франціею доставилъ развязку. Англійскій полкъ производилъ движенія не въ дальнемъ разстояніи отъ битвы. Журданъ показалъ на оный своимъ солдатамъ съ нѣкоторымъ республиканскимъ негодованіемъ, какъ на механическое орудіе виновниковъ союза. Вдругъ

бросаются на сей полкъ, принуждаютъ его покориться и производятъ великое убійство; тревога ближе и ближе сообщается, и Принцъ Кобургскій, потерявъ десять тысячь человѣкъ, принужденъ былъ дать знакъ къ отступленію.

Сія блистательная побѣда была осквернена злодѣяніемъ, единственнымъ въ Исторіи. Собраніе, по донесенію Комитета Общественнаго Благосостоянія, опредѣлило 25 Маія 1793 года, чтобъ не было ни одного военноплѣннаго Англичанина на полѣ битвы. Одиннадцать мѣсяцевъ спустя послѣ сего закона людоѣдовъ, вспомнили въ равнинахъ Флерійскихъ объ ономъ, и по разбитіи Англійскаго полка, Французы, обладаемые революціоннымъ фанатизмомъ, начали хладнокровно убивать плѣнныхъ, обнимавшихъ у нихъ колѣна. Но честь великаго народа уступила гнуснымъ предразсудкамъ обстоятельствъ. Когда послѣ покусились возобновить сіе преступленіе оскорбленнаго народа, солдатъ поставилъ себѣ за славу не повиноваться. Побѣда Флерійская одержана 26 Іюня 1794 года; она нанесла союзникамъ такой ударъ, отъ котораго они никогда не оправились.

Слѣдствіе битвы Флерійской. Послѣдствія Флерійскаго сраженія были безчисленны для торжества Французскихъ армій: побѣдители овладѣли Монсомъ и вступили въ Сент-Амандъ и въ Маршьенъ. Генералъ Моро со своей стороны принудилъ Нейпортъ здаться на договоръ. Во-

шли торжественно въ Конде, Валансьень и Ландреси. Пишегрю, проложившій дорогу къ побѣдѣ Флеріюской пораженіемъ Гоггешкимъ, воспользовался оною и взялъ Турней, Мехельнъ и Антверпенъ; но сіи достопамятныя происшествія, соединяющіяся съ завоеваніемъ Голландіи, требуютъ пространнаго изъясненія, дабы они не остались непримѣтными въ исторической краткости.

Въ началѣ зимы 1794 года Генералъ Пишегрю, который тогда не измѣнилъ еще республиканцамъ, пріобрѣлъ блистательную славу. Нужно было овладѣть Голландіею, для отнятія руки у Англіи, возбудившей своею коварною дипломатикою союзную войну. Пишегрю получилъ приказаніе отъ Комитетовъ правленія начать сіе предпріятіе, не смотря на суровость зимы, и успѣлъ въ томъ сверхъ всякаго чаянія. 11 Генваря Французскій Генералъ перешелъ чрезъ Вагалъ по льду и принудилъ здаться на договоръ Горемнъ, одинъ изъ ключей Голландіи, по причинѣ оставленія Герцога Оранскаго, который страшась буйства Французскаго, всегда увѣнчаваемаго успѣхами, сѣлъ на корабль и уѣхалъ въ Англію. Удаленіе Штатгальтера уменьшило храбрость въ народѣ его и ослабило сопротивленіе. 23 Генваря, Гага, обыкновенное пребываніе правителя, отворила побѣдителю свои ворота, и оный во дворцѣ Принца Оранскаго учредилъ засѣданіе своего штаба и пребываніе повѣренныхъ отъ Комитетовъ правленія,

Походъ Пишегрю.

Сѣ сего времени Голландія начала составлять важную часть великой республики.

Какѣ Пишегрю опасался, чтобѣ не потерять новаго своего завоеванія безѣ пораженія колеблющихся умовѣ чудеснымѣ зрѣлищемѣ, то приказалѣ конницѣ итти сѣ небольшимѣ числомѣ полевой артиллеріи вѣ Сѣверную Голландію для сокрушенія тамѣ льдовѣ и преодолѣнія природы. Французы превозмогли терпѣніемѣ всѣ препятствія. Лагерь былѣ поставленѣ на льдяной громадѣ, и чего никогда не случалось со времени, какѣ Голландія свергла сѣ себя иго Испаніи, Французы осмѣлились безѣ судовѣ овладѣть военными кораблями вѣ Зюдерзе. Таковый подвигѣ рѣшилѣ судьбу Соединенныхѣ провинцій Всѣ города, колебавшіеся прежде между страхомѣ и надеждою, покорились побѣдителю. Пишегрю созвалѣ Генеральные Штаты, уничтожилѣ Штатгалтерство и учредилѣ новое правленіе вѣ свободномѣ государствѣ подѣ непосредственнымѣ покровительствомѣ великой республики.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Послѣднія злодѣйства Правленія. — Начало бури противѣ Робеспьера. — Термидорская революція. — Казнь членовѣ Мѣщанства. — Плачевный конецѣ Робеспьера.

Время было уже прекратиться адской республикѣ Санкюлотовѣ; ибо отечество

представляло одинъ только пустой призракъ. Пружины правленія, слишкомъ натянутыя, должны были сокрушиться, и непріятели Французскаго народа, освободившись отъ своего изступленія, съ нетерпѣніемъ ожидали на границахъ знака къ раздѣленію республики.

Въ сіе время происходили во Франціи ужаснѣйшія и пагубнѣйшія гоненія для людей. Многія особы, отличившіяся во время революціи, почли за нужное скрыться бѣгствомъ отъ гоненія; но опредѣленіе, лишавшее ихъ покровительства закона, уничтожало для нихъ общественный договоръ, и предоставляло имъ на выборъ или самоубійство, или эшафотъ. Въ семъ опасномъ положеніи министръ Роландъ рѣшился, какъ мы уже видѣли, умертвить себя дротикомъ на большой дорогѣ. Кондорсетъ, схваченный въ видѣ нищаго въ окрестностяхъ Парижа, отравилъ себя опіумомъ. Краснорѣчивый Гадетъ, Саль и Барбару, почтенныя жертвы 31 Маія, умерщвлены были по приказанію того самаго департамента Жиронды, коего они были членами, и въ который пришли сквозь тысячу опасностей для испрошенія убѣжища. Петіонъ и Бюзотъ, будучи еще нещастнѣе, найдены пожранными отъ свирѣпыхъ звѣрей. Неустрашимѣйшій человѣкъ стыдился жить въ сіи нещастныя времена, а иногда принужденъ былъ опасаться смерти.

Наконецъ развязалась ужасная трагедія; причиною сему была неосторожность пи- Начало заговора

противъ Робеспьера.

раніи. Робеспьеръ, терзаемый ужасомъ и страхомъ, который хотѣлъ напечатлѣвать въ другихъ, погибъ отъ тѣхъ средствъ, кои онъ предпринималъ для избѣжанія своего нещастія. Революціонное судилище дало ему обѣщаніе погубить пушками на Марсовомъ полѣ три тысячи человѣкъ, осужденныхъ *Горою*. Онъ безъ сомнѣнія желалъ во время сего убійства погубить всѣхъ сильныхъ враговъ, коихъ вооружилъ противъ себя въ Собраніи, и тотчасъ написалъ объявленіе о гоненіи; но оно досталось не въ вѣрныя руки. Когда Комитетъ Общественнаго Благосостоянія приказалъ взять подъ стражу присяжнаго изъ революціоннаго судилища, то одинъ изъ сихъ списковъ нашли въ его бумагахъ. Какъ изумился Комитетъ, увидѣвъ первыми изъ назначенныхъ къ гоненію имена Барера, Било-Варень, Колота Гербуа, Тальяна и Фрерона! Сіе обстоятельство открыло наконецъ глаза: оно придало мужество людямъ, кои слишкомъ восхищались своею бездѣйственною системою, и гонимые, для избѣжанія отъ убійства, тотчасъ сдѣлались заговорщиками.

8 термидора онъ открывается.

26 Іюля (которое соотвѣтствуетъ 8 Термидора республиканской эры) мечь Дамоклесовъ, висѣвшій на ниткѣ надъ головою Робеспьера, сорвался. Робеспьеръ поносилъ три Комитета: Общественнаго Благосостоянія, Всеобщей Безопасности и Государственныхъ Доходовъ, и присовокупилъ съ гордостію, приличною одному только Ка-

миллу или Сципіону что онъ одинъ можетъ спасти отечество. Всѣ до крайности огорчились; но нѣсколько времени наблюдали скромность; потому что заговорщики, не зная развязки сему пронырству, начали сперва замѣчать другъ за другомъ. Парисъ первый вызвалъ на сраженіе. » Скажи » намъ, вскричалъ онъ съ бѣшенствомъ, на- » значилъ ли ты насъ на смерть? Особливо » признайся мнѣ, должна ли пасть голова » моя на эшафотѣ? » Робеспьеръ, вышедъ изъ засѣданія, проведеннаго въ пустыхъ спорахъ, ушелъ къ Якобинцамъ, и тамъ былъ принятъ какъ злоумышленникъ своими соучастниками. Тогда одинъ изъ Якобинцевъ, прижимая Робеспьера въ своихъ объятіяхъ, сказалъ ему: *другъ мой, ежели ты выпьешь цикуту, и я выпью ее съ другимъ Сократомъ.*

На другой день 9 Термидора буря возшумѣла. Вило Варень объявилъ о цѣли вчерашняго засѣданія Якобинцевъ, во время коего обнаружили они намѣреніе убить членовъ Собранія, несогласныхъ съ ними. Сіе значило тронуть за чувствительную струну, и съ сей минуты побѣда непріятелей надъ начальникомъ партіи была рѣшена. Когда ораторъ примѣтилъ, что большая часть депутатовъ держала его сторону, прекратилъ ораторскія умолчанія: » Вы затрепе- » щете, когда узнаете, что злодѣй, замыш- » лявшій вчера у Якобинцевъ о умерщвле- » ніи народныхъ депутатовъ, имѣетъ по-

Паденіе Робеспьера.

» кровителя между вашими членами, кои здѣсь » засѣдаютъ, и сей покровитель есть Ро» беспьеръ.» Робеспьеръ обнаруженный бросается на каѳедру для своего защищенія. Со всѣхъ сторонъ, кромѣ общества *Горы*, слышитъ вопль: *молчи тиранъ*! Тальянъ искусно воспользовался всеобщимъ волненіемъ, и повертывая кинжалъ въ рукѣ своей, объявляетъ, что онъ намѣренъ пронзить грудь свирѣпому врагу Французскаго народа, ежели Собраніе опредѣленіемъ своимъ не очиститъ республиканской земли отъ онаго. Робеспьеръ хочетъ еще защищаться, и дрожащій голосъ замираетъ у него на полуотверстыхъ губахъ. Опредѣленіемъ велѣно его взять подъ стражу, и вмѣстѣ съ нимъ двухъ человѣкъ, равно ужасныхъ для общества честныхъ людей, Предсѣдателя революціоннаго судилища Дюмаса и Генерала Генріота. Тиранъ наконецъ выходитъ изъ своего оцѣпененія, и обращаясь къ *Горѣ*, съ горестію упрекаетъ Якобинцевъ въ трусость; потомъ обратившись къ противуположной сторонѣ, съ притворнымъ раскаяніемъ сказалъ: *хорошо, я прибѣгаю къ добродѣтели*. Сіе лицемѣріе не заслужило никакого одобренія; оскорбленная добродѣтель предоставила его своимъ угрызеніямъ.

Мятежъ Якобинцевъ. Парижъ раздѣляется.

Едва исполнили опредѣленіе, повелѣвающее взять Робеспьера подъ стражу, какъ Якобинцы, взбунтовавши, послали самыхъ запальчивыхъ своихъ ораторовъ для воспаленія отдѣленій рабочихъ людей Гренельскихъ

и стана въ долинѣ Саблонской. Мѣщанство со своей стороны приказало бить въ набатъ, тащить на набережную Пелетье пушки, поставить отверстіями къ залѣ Собранія и запереть заставы.

Между тѣмъ какъ Собраніе занималось опредѣленіями въ разсужденіи личной безопасности, бунтовщики дѣйствовали. Они устремились въ Комитетъ Общественнаго Благосостоянія, гдѣ содержался Робеспьеръ съ своими соумышленниками, исторгли ихъ изъ рукъ жандармовъ и отвели торжественно въ Ратушу. Извѣстно, что въ сію ужасную минуту, когда Парижъ не принадлежалъ никому, ежели бы Генералъ Генріотъ употребилъ больше благоразумія, а Робеспьеръ больше дѣятельности, престолъ народный возвращенъ бы былъ злодѣю, опредѣленному на казнь. Мало по малу Собраніе, воспламененное ораторскимъ краснорѣчіемъ Барера, приняло важный и лучшій оборонительный видъ. Оно исключило Кутона, Генріота и Сен Жюста отъ покровительства закона, приказало отдѣленіямъ собраться около себя, и возвратило подъ свои знамена труднѣйшую побѣду.

Кончина Робеспьера была достойна злодѣйской его жизни. Онъ стоялъ въ залѣ Ратуши, обративъ отъ робости лице къ стѣнѣ, какъ бы хотѣлъ обнять ее. Жандармъ выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета и отдѣлилъ нижнюю челюсть отъ верхней. Въ семъ состояніи повели его въ Комитетъ

Всеобщей Безопасности. Изъ глазъ и рта текла кровь, которую онъ любилъ проливать.

Казнь членовъ Мѣщанства.

Сія Термидорская революція, испровергнувъ тріумвировъ и младшаго Робеспьера съ другими осужденными на казнь, разрушила также и то славное Мѣщанство, которое давно раздѣляло верховную власть съ Собраніемъ. Когда отдѣленія подали свои голоса въ пользу Народнаго Собранія, 94 Члена ужаснаго Мѣщанства лишены были покровительства закона. Сія предосторожность, простиравшаяся на нѣкоторыхъ особъ, виновныхъ болѣе въ слабости, нежели въ тираніи, стоила жизни 105 изгнанникамъ, и эшафотъ три дни былъ занятъ. Мирные и честные люди, не державшіеся никакой стороны, увидѣли, что сіе отраженіе, хотя и учинено было по вліянію народной ненависти, происходило не столько отъ любви къ отечеству, сколько отъ мщенія. Добро, тогда производимое, также убійственно для нравственности, какъ и зло, позволяемое отъ недѣятельности законодателей. Увѣряютъ, что чернь, не имѣющая правилъ и пріобыкшая къ кровопролитію и революціоннымъ мученіямъ, когда прошла опасность, излила проклятія на то самое Мѣщанство, коего тиранію выхваляла. Тогда проклятія сіи почитали справедливыми, потому что смерть виновныхъ была полезна. Сія чернь, бывъ подстрѣкаема мятежниками, исполнила горестію послѣднія минуты Королевы и Принцессы Елисаветы, продлила два часа казнь

Бальи, и старалась воплями своими возмутить пріятное спокойствіе, ознаменовавшее кончину Мальгерба.

Кутонъ, дѣйствовавшій только своими возмутительными рѣчами, не возбудилъ участія въ послѣднія свои минуты.

Свирѣпый Сен-Жюстъ, сдѣлавшись еще презрѣннѣе, проливалъ, подобно младенцу, обличенному въ проступкѣ, слезы, кои текли однако не отъ ярости. Младшій Робеспьеръ возбудилъ бы сожалѣніе въ душахъ чувствительныхъ, ибо сначала онъ не былъ въ числѣ изгнанниковъ; но онъ лучше хотѣлъ умереть съ своимъ братомъ, нежели жить съ людьми, его погубившими. Таковое великодушіе не пріобрѣло ему никакой похвалы: онъ имѣлъ ненавистное имя, и сіе имя подавило въ сердцахъ человѣколюбіе.

Генріотъ, распространитель вандализма, природный врагъ просвѣщенія, обличенный во время Сентябрскихъ убійствъ въ умерщвленіи въ темницѣ Сен Фермень множества священниковъ, былъ одинъ изъ великихъ преступниковъ, коего казнь произвела во всѣхъ величайшую радость. Видъ его вливалъ ужасъ. Полунагій, покрытый пылію и кровію, имѣя глазъ, держащійся во впадинѣ на нѣкоторыхъ только жилочкахъ, болѣе всѣхъ доставлялъ пищи народному звѣрству. Человѣкъ видитъ только подобнаго себѣ въ умирающемъ преступникѣ, престающемъ вредить; но глупый народъ, ожесточенный мятежниками, никогда не прощаетъ.

Дюмасъ, Предсѣдатель революціоннаго судилища, который съ одинакимъ хладнокровіемъ и звѣрствомъ губилъ людей низкаго и знатнаго состоянія, былъ тиранъ втораго разряда, казни коего радовались съ неистовствомъ. Около тѣлежки, на которой былъ онъ простертъ полумертвый, повторяли жестокія насмѣшки, употребляемыя имъ при отправленіи нещастныхъ на эшафотъ, какъ то слова: *отбивай этотъ ударъ*, сказаныя фехтмейстеру, по прочтеніи его приговора (*), ужасную насмѣшку семидесяти-пяти-лѣтней женщинѣ, разслабленной и глухой, которую обвинили въ заговорѣ противъ республики: *пиши, приказной, что она по глухотѣ злоумышляла.* Какъ тѣлежки везли медленно, то Дюмасъ тысячу разъ умиралъ, прежде нежели отрубили ему голову.

Сверхъ сихъ тирановъ втораго разряда, палачь умертвилъ Предсѣдателя Якобинскаго клуба Вигьера, Парижскаго Мера Флеріота, Священника отступившаго отъ вѣры Бернарда и сапожника Симона, которому Мѣщанство поручило воспитаніе нещастнаго сына Лудовика XVI. Двое изъ узниковъ, лишенныхъ покровительства закона и избѣгавшихъ нѣсколько времени ужасной судьбы своей, показали нѣсколько болѣе силы, когда они попали въ руки сильныхъ непріятелей, опредѣлившихъ ихъ на безчестную смерть.

(*) Другіе говорятъ, что слова сіи сказаны Кофингаломъ Вице-Предсѣдателемъ революціоннаго судилища.

Одинѣ изѣ нихѣ былѣ Вице Предсѣдатель революціоннаго судилища Кофингалѣ, который двои сутки укрывался на островѣ Лебедей безѣ всякой защиты отѣ проливнаго и непрестанно шедшаго дождя. Онѣ, умирая отѣ голоду и усталости, пошелѣ попросить хлѣба и одежды у своего друга, которому не давно ссудилѣ 25 луидоровѣ: сей предалѣ его ищущимѣ жандармамѣ и такимѣ образомѣ расплатился сѣ своимѣ долгомѣ. Кофингалѣ, ненавистный по мѣсту, имѣ занимаемому, и по жестокости, оказываемой наономѣ, терпѣлѣ оскорбленія чрезѣ всю дорогу до мѣста казни отѣ тѣхѣ людей, коихѣ личныя обиды побуждали кѣ мщенію. Нещастный (ибо вѣ сіе время онѣ достоинѣ сего имени) слушалѣ ихѣ сѣ веселымѣ лицемѣ, и началѣ разсказывать, безѣ всякой досады, о новомѣ способѣ, коимѣ доносчикѣ заплатилѣ ему долгѣ. Онѣ шутилѣ безѣ принужденія до самой площади революціи, на которой умерѣ сѣ такимѣ мужествомѣ, котораго не льзя было ожидать отѣ него по причинѣ долговременнаго развращенія. Депутатѣ Леба, исправлявшій 8 Термидора во время Якобинскаго возмущенія вѣ Ратушѣ нѣсколько часовѣ должность при составленіи списковѣ для гоненія, показалѣ еще болѣе мужества. По приближеніи жандармовѣ, изломавшихѣ двери, онѣ размозжилѣ себѣ голову изѣ пистолета, и такимѣ образомѣ лишилѣ бѣшеныхѣ надежды погубить его поноснымѣ образомѣ.

Плачевная смерть Максиміліана Робеспьера.

На подломъ и свирѣпомъ тиранѣ, почти пятнадцать мѣсяцевъ угнетавшемъ желѣзнымъ скипетромъ всю Францію, остановили особенно всѣ взоры. Онъ былъ въ томъ же платьѣ, какое имѣлъ и во время святотатственной комедіи, когда провозглашалъ бытіе обоготворенной Природы; что самое увеличило противоположность, представляемую его униженіемъ и подлостію. Онъ потупивъ глаза въ позорную тѣлежку, и повѣсивъ на грудь голову, сдѣлавшуюся безобразною по причинѣ разбитія челюсти, показывалъ одними всхлипываніями, что еще живъ, и безсильнымъ неистовствомъ, сожалѣніе, что не довольно нещастныхъ принесъ въ жертву своей гордости. Робеспьеръ, по прибытіи въ Королевскую улицу, подвергся новому мученію. Женщина, обливавшаяся слезами, пробилась сквозь толпу, и схвативъ за рѣшетку у тѣлежки, начала сильно качать, дабы вывалить изъ оной подлаго злодѣя. « Тиранъ, сказала она ему, ступай въ гробъ, « пораженный проклятіями всѣхъ матерей и « супругъ. « Наконецъ палачь прекратилъ толикое поношеніе и мщеніе. Пала голова тирана, и вѣра, отечество и нравственность получили возмездіе.

Нужно было распространиться болѣе, нежели сколько позволено, объ семъ ужасномъ дни Термидора, который истребилъ половину ужасовъ пятнадцатилѣтней тираніи лютѣйшаго и подлѣйшаго изъ правленій. Въ семъ состояло единственное средство при-

мирить Францію съ Исторіею. Теперь возмемъ другую кисть.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Благо, доставленное Франціи возобновленнымъ Собраніемъ. Постепенное возвращеніе къ правиламъ.

Смерть Робеспьера и многихъ его приверженцевъ произвела великую перемѣну въ образѣ правленія. Уже не видно было въ Парижѣ тѣлежекъ, на коихъ революціонное судилище ежедневно отправляло нещастныхъ на казнь, и кои называли ходячими гробами. Въ двѣ первыя недѣли послѣ 9 Термидора великое множество плѣнниковъ выступили изъ Парижскихъ темницъ. При ихъ ужасныхъ дверяхъ щастливыя семейства ожидали и прижимали въ свои объятія тѣхъ, коихъ почитали погибшими. Множество народа стеклось на сіе пріятное зрѣлище, совсѣмъ различное отъ того, коимъ недавно услаждалась орда нещастныхъ прислужниковъ, содержимыхъ бунтовщиками. Къ нещастію, съ паденіемъ Робеспьера не погибли всѣ начальники стороны его. Било-Варень, Колотъ Гербуа, Камбонъ, Амаръ, Вадьеръ и другіе не столь славные, имѣли еще нѣкоторую власть, противъ коей здравомыслящая сторона Собранія не смѣла возставать явно.

Въ столь трудномъ положеніи нужно было различнымъ сторонамъ осмотрѣться,

а до того исключить изъ общества своего людей, кои тогда именовались: *хвостъ Робеспьеровъ*. Общество благомыслящихъ еще встрѣчало препятствіе, умаляющее дѣйствіе онаго. Собраніе оглашалось воплями тѣхъ, кои съ бѣшенствомъ взирали на уничтоженіе революціоннаго правленія. Свирѣпое молчаніе нѣкоторыхъ депутатовъ заставляло опасаться новой нещастной перемѣны. Одинъ изъ нихъ взошелъ на каѳедру и показалъ своимъ товарищамъ приближеніе мщенія. Онъ предложилъ напечатать списокъ освобожденныхъ плѣнниковъ, съ показаніемъ причинъ, побудившихъ къ освобожденію оныхъ. Тальянъ смѣло отвергнулъ такое предложеніе. *Я требую*, сказалъ онъ, *чтобъ напечатали списокъ о всѣхъ тѣхъ, кои приказывали держать ихъ въ темницахъ*. Слова сіи названы были мятежническими и буйными. Называйте ихъ такими, возразилъ Тальянъ, я не спорю; но какъ надобно назвать ваши? Оставьте и тѣ и другія. Мнѣніе его было одобрено; но съ сего времени начали опасаться сопротивленія.

Не смотря на то, Термидорцы (такъ именовали себя соучастники происшествія 9 Термидора), поддерживаемые большею частію Собранія, показали великую ревность и мужество къ поправленію частнаго и общаго бѣдствія. Лежандръ, Бурдонъ Уазъ, Роверъ, Фреронъ, Мерлень Тіонвиль, Андре Дюмонтъ и нѣкоторые другіе скоро очистили Парижскія темницы. Тогда вспомнили

безчестныя слова, употребляемыя прежними Комитетами: *надобно очистить темницы*, и дали имъ другой смыслъ.

Собраніе скоро приказало пересмотрѣть законы о наказаніяхъ, изданные во время тираніи Робеспьеровой. Наконецъ оно издало законъ, чтобъ не принимать въ Пантеонъ прахъ великаго мужа до истеченія десяти лѣтъ послѣ смерти. Когда по сему закону удалили изъ Пантеона Мирабо и Лепелетьера, то можно было бы перенести въ оный прахъ Катината, Дюгескленя, Тюреня и Фенелона; но Собраніе въ сіе время должно было заняться исправленіемъ весьма многихъ вещей, такъ что невозможно ему было всего и припомнить. Доказательствомъ тому служитъ, что когда энтузіазмъ, произшедшій отъ блистательнаго краснорѣчія сочинителя *Эмиля*, заставилъ перенести въ Пантеонъ мавзолей сего знаменитаго человѣка, то не устыдились помѣстить его близъ подлаго праха свирѣпаго Марата. Тотъ самый народъ, который неискусная тиранія пріучила къ возмущенію, вскорѣ послѣ сего совершенно исправился. Парижское юношество, хотя нѣсколько и безпокойное, исполненное энтузіазма къ прежнимъ правиламъ, рѣшилось среди дня сжечь изображеніе Марата, сего полубога *Горы*, и бросить прахъ его въ каналъ Монтмартрской. Сей поступокъ остался безъ наказанія, не смотря на неистовство ужасныхъ мятежниковъ. Что ка-

сается до Собранія, оно оставалось безъ дѣйствія, не смѣя ни противорѣчить народному мнѣнію, ни разрушать собственнаго дѣла; но изъ стыда приказало удалить изъ Пантеона мавзолей Марата, представляющій великую противуположность съ почтеннымъ прахомъ Женевскаго философа.

Мнимые преобразователи показали болѣе справедливости въ оживленіи народнаго просвѣщенія посредствомъ первоначальныхъ и образцовыхъ училищъ, назначивъ ежегодно въ награду сто тысячь червонцевъ для ободренія ученыхъ людей, содѣлавшихся жертвою вандализма. Сей справедливый поступокъ проложилъ путь къ учрежденію Французскаго Института, получившаго въ наслѣдство почтенные остатки четырехъ древнихъ Академій. Наконецъ надобно почесть знаменитымъ происшествіемъ обращеніе къ правиламъ 73 депутатовъ, кои осмѣлились подать согласіе на переносъ къ народу дѣла Лудовика XVI.

Весьма достопамятная услуга, оказанная въ сей день Термидора отечеству, есть истребленіе гидры Якобинства, которой головы до сего времени возраждались отъ меча ихъ посѣкавшаго. Собраніе, долженствующее въ семъ случаѣ мстить личныя обиды, принялось за то такъ искусно, что предотвратило возмущенія. Оно сперва запретило центральному Парижскому клубу всякую переписку съ народными собраніями департаментовъ; потомъ, когда

увидѣло, что народный духъ пріуготовленъ къ великому перевороту, поручило повѣренному своему Лежандру взять ключи отъ Ратуши столицы, чѣмъ и заключили ту Полифемову пещеру, изъ которой происшекали ужаснѣйшія злодѣянія и бѣдствія республики.

Достойно сожалѣнія, что таковыя учрежденія, одобряемыя Французскимъ народомъ по причинѣ слабости, всегда имѣли медленныя послѣдствія. Термидорцы по ошибкѣ возвратили существованіе Якобинцевъ; они думали, что довольно уже устрашили ихъ и впредь могутъ надъ ними господствовать. Скоро они узнали свою ошибку. Било-Варень, Колотъ Гербуа и ихъ сообщники утѣшили Якобинцевъ въ потерѣ Робеспьера. Первое уныніе прошло нечувствительно; возродилась надежда получить прежнее владычество, и Било-Варень скоро обѣщалъ доставить власть убійцамъ. *Мы скоро,* сказалъ онъ съ звѣрскимъ восклицаніемъ, *докажемъ нашимъ слабымъ непріятелямъ, что левъ пробудился.*

Термидорцы, узнавъ изъ сихъ ядовитыхъ словъ, чего имъ надлежало опасаться отъ людей, пріобыкшихъ переходить отъ ненаказанной угрозы къ самому исполненію, согласились между собою. Они разсудили, что лучшее средство для предохраненія отъ происковъ Якобинцевъ есть предоставить Собранію, непрестанно увлекаемому страхомъ, дѣйствительную

силу, которая бы всегда была готова выдержать сраженіе съ возмутителями и даже напасть на нихъ въ случаѣ надежды. Сія сила составилась изъ молодыхъ людей, кои при первомъ воззваніи усердно повиновались. Новые Комитеты поставили для управленія ими начальниковъ; они скоро образовали легіонъ, довольно многочисленный, и сіе положило совершенную преграду Якобинцамъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

Произшествія, доставляющія нѣкоторую дѣятельность преобразованію.— Бедуинской пожаръ.— Жертвы народнаго мщенія.— Судъ надъ Фукье-Тенвилемъ, Карьеромъ и Лебеномъ. Ихъ казнь.

Хотя Собраніе рѣшилось произвесть величайшее изъ возможныхъ благъ и разпространить оное въ самыхъ отдаленнѣйшихъ отъ столицы департаментахъ, но какъ надлежало приступить къ истребленію весьма великихъ золъ, то и могло производить сіе благо только медленно и осторожно. Сверхъ того, что Собранію препятствовали еще враги правилъ, оно должно было страшиться величайшаго вліянія непріятелей республики. Народъ столь легко переходитъ изъ одной крайности въ другую, что, по низложеніи одной стороны, можно было самому ему пасть отъ другой, которая видимо старалась о возстановленіи монархіи.

Добрая и здравомыслящая сторона Собранія лучше бы сдѣлала, ежели бы поручила власть свою одному начальнику; но въ ней были еще демагоги, и вещи не доведены были до того, чтобъ можно покуситься успѣшно на таковое предпріятіе безъ смятенія и кровопролитія, какъ послѣ сіе и случилось.

Въ сіе время голодъ, произведенный умышленно виновниками общественныхъ раздоровъ, опустошалъ мало по малу всѣ многолюднѣйшіе города: ибо легко можно себѣ представить, что недостатокъ въ пищѣ, какъ важнѣйшей потребности для человѣка, непрестанно угрожалъ людямъ, скопившимся въ большихъ городахъ, или смертію или возмущеніемъ.

Смерть сына Лудовика, вскорѣ послѣ сего случившаяся, увеличила безпокойство Собранія. Громко жаловались на людей, приставленныхъ къ его воспитанію, что они отравили его ядомъ; и сего мнѣнія, давно уже разглашеннаго, сколь бы оно ни было неосновательно, довольно для вооруженія противъ остатковъ Собранія того великаго народа, который, по нѣкоторой непреодолимой силѣ, стремился къ монархіи. Впрочемъ Исторія и въ самыхъ несправедливостяхъ правленія должна быть справедлива. По тщательнѣйшемъ изслѣдованіи дѣла нашлось, что наслѣдникъ престола Лудовика XVI умеръ естественною смертію. Онъ былъ весьма нѣжнаго сложенія, и народное

воспитаніе, доставляемое ему, еще болѣе ослабило въ немъ жизненныя начала. Онъ умеръ спокойно въ своей Тампльской темницѣ.

Ненавистное дѣло о пожарѣ Бедуинскомъ.

Между тѣмъ народъ, начавшій обращать вниманіе на права свои, а особливо на исправленіе великихъ злоупотребленій, на кои жаловался, употребилъ неограниченную свободу книгопечатанія къ сопротивленію, и успѣлъ въ томъ съ нѣкоторою силою. Сожженіе небольшаго Бедуинскаго общества было однимъ изъ первыхъ народныхъ злодѣйствъ, которое всевозможно постарались обнаружить. Въ округѣ сего общества посажено было дерево вольности, кое раздражало нѣкоторыхъ мирныхъ жителей, не пріобыкшихъ къ скрытнымъ поступкамъ начальниковъ партіи. Полагаютъ, что Предсѣдатель народнаго общества приказалъ его исторгнуть въ мрачную и бурную ночь, и потомъ въ собственномъ своемъ проступкѣ обвинилъ большую часть согражданъ, коихъ почиталъ зараженными аристократіею. Хитрая клевета удалась сему народному депутату, исправлявшему тогда должность, и имѣвшему безчеловѣчную душу Дюмаса и Фукье-Тенвиля. Онъ безъ всякаго судебнаго порядка приказалъ разстрѣлять нѣкоторыхъ изъ обличенныхъ и предалъ пламени 500 домовъ Бедуинскаго общества. Сіе подражаніе гнусному поступку Нерона, приказавшему зажечь Римъ, чтобъ любоваться съ башни Меценской зрѣлищемъ пожара Троянскаго, сіе уголовное дѣло надѣлало сперва много шуму:

но великое множество членовъ Собранія замѣшались въ оное; разсматриваніе картины ужасовъ обличило столь ненавистный умыслъ, и вмѣсто важнаго мщенія уничтожили дѣло. Махіавелизмъ начальниковъ партіи нашелъ тысячу средствъ отклонить окончательный приговоръ: посредствомъ подлыхъ отсрочекъ провели время до закона, объявляющаго всеобщее прощеніе, и великіе преступники спаслись. Между тѣмъ временемъ начальники партіи занялись съ пользою другимъ дѣломъ; они обратили вниманіе на уголовное дѣло человѣка ненавистнѣйшаго, на жестокаго обвинителя въ революціонномъ судилищѣ Фукье-Тенвилля.

Дѣло Фукье Тенвилля. Судъ надъ нимъ и казнь.

Паденіе Робеспьера, испровергнувшее Дюмаса, по необходимости должно бы влечь за собою и казнь Фукье-Тенвиля: онъ былъ любимецъ сего тирана; но по нѣкоторому нещастію, онъ не былъ обвиненъ. Великіе заговорщики въ Комитетахъ правленія защитили его, не смотря на всеобщее негодованіе, и удержали на своемъ мѣстѣ. Гнусность таковаго исключенія поразила въ послѣдствіи любителей благонравія. Собраніе опять уступило; приказало взять подъ стражу сего злодѣя, который не могъ найти нигдѣ убѣжища въ землѣ Французской, столько имъ опустошаемой, но нашелъ средство происками и пронырствами своими, чтобъ его забыли въ теченіи многихъ мѣсяцевъ въ темницѣ. Но есть злодѣянія въ общественомъ порядкѣ, коихъ никогда не

опускаютЪ изЪ виду. Во многихЪ періодическихЪ журналахЪ, во многихЪ сочиненіяхЪ напали на любимца Робеспьерова, и наконецЪ Комитеты принуждены были оказать справедливость. Фукье явился предЪ тѣмЪ самымЪ революціонымЪ судилищемЪ, коего онЪ былЪ душею и орудіемЪ вЪ царствованіе ужаса. ОнЪ защищался сЪ такою силою, которую начальники партіи, старавшіеся оправдать его, почли за неустрашимость. ДоказалЪ, что во всѣхЪ случаяхЪ, гдѣ онЪ старался о распространеніи кровожаднаго ученія, былЪ онЪ только исполнительнымЪ орудіемЪ начальниковЪ правленія, и что не могутЪ требовать отЪ него отвѣтственности, какЪ сЪ орудія смерти, исполнявшаго опредѣленія правительства. Таковое хитросплетеніе могло подѣйствовать на однихЪ только мнимыхЪ преобразователей ТермидорскихЪ. Когда Фукье-Тенвиль смѣлЪ жестоко издѣваться надЪ многочисленными своими жертвами; когда онЪ вЪ два часа осудилЪ 60 человѣкЪ; когда употребилЪ менѣе времени для осужденія ихЪ, нежели для исполненія надЪ ними смертной казни: то очевидно, что онЪ представлялЪ весьма значительное лицо вЪ обширномЪ заговорѣ, составленномЪ противЪ спокойствія и благоденствія Франціи, продолжавшемся пятнадцать мѣсяцевЪ, почему судилище не уважило нелѣпой увертки обвиняемаго и почти единогласно осудило его на смерть.

Собраніе же столь не охотно согласилось на осужденіе Фукье-Тенвилля, что девять мѣсяцевъ протекло отъ паденія Робеспьера до казни его любимца, которая послѣдовала 7 Маія 1795 года. Сей злодѣй, имѣвшій нравы подобные Дантону, и въ допросахъ и въ хладнокровіи при казни подражалъ его примѣру. Дождавшись своего приговора, онъ улыбнулся изъ сожалѣнія къ непостоянству судей, кои мнѣнія свои подавали сообразно господствующей силѣ. Когда народъ осыпалъ его проклятіями на дорогѣ отъ темницы до мѣста казни, онъ оборотился хладнокровно къ начальникамъ и сказалъ, что голодъ, коего распространеніе извѣстно ему, скоро отмститъ за него.

Уголовное дѣло Карьера началось послѣ судопроизводства надъ Фукье-Тенвилемъ, и онъ загладилъ свои преступленія еще прежде доносчика революціоннаго судилища; но ужасная картина его политической жизни, разсмотрѣнная по приказанію Собранія, такъ ожесточила людей, что не смотря на множество и довѣренность его соумышленниковъ въ Комитетахъ правленія, ни остатки еще существующія *Горы*, ни народныя общества не могли его спасти. Уголовное дѣло Карьера.

Карьеръ, возобновитель славнаго корабля съ потаенною дверью для потопленія, изобрѣтеннаго Нерономъ для погубленія своей матери Агриппины, избралъ Мантъ позорищемъ своего неистовства. Онъ проливалъ ручьями кровь человѣческую.

Всякой богатой человѣкъ, всякой благородный, всякой священникъ былъ внесенъ въ списокъ о гоненіи. Никогда не можно было подойти къ нему безъ того, чтобъ не поднялись волосы и не возродилось сожалѣніе о человѣческой природѣ.

Собраніе не хотѣло предать сего чудовища народному мщенію, и въ началѣ суда надъ нимъ приказало только держать его въ собственномъ домѣ подъ стражею четырехъ жандармовъ. Сіе преступное снизхожденіе взбунтовало весь городъ Нантъ, оказавшій весьма великія услуги республикѣ храбрымъ своимъ защищеніемъ во время послѣдняго нападенія Вандейцевъ. Оный представили городамъ Термидорцевъ, имѣвшимъ болѣе другихъ стыда, точныя бумаги о системѣ народнаго истребленія, выдуманной симъ свирѣпымъ Проконсуломъ, и открылъ наконецъ всѣмъ глаза. Изъ нихъ узнали, что Карьеръ во время своего бѣшенства предавалъ смерти, безъ всякаго суда, дѣтей 13 и 14 лѣтъ, потому только, что ежели они и не показали себя волками, по крайней мѣрѣ были волчата. Представили достовѣрные списки о изгнанникахъ, по коимъ значилось, что вдругъ погибло 90 священниковъ. Въ извѣстномъ дерзкомъ письмѣ, посланномъ имъ въ Собраніе, онъ, соединяя ядовитую насмѣшку съ неистовствомъ, говорилъ, что революціонная буря потопила въ волнахъ Лоара враговъ отечества; найдено, что онъ на поддѣльномъ кораблѣ потопилъ въ рѣкѣ 189

нещастныхъ всѣхъ сословій, содержавшихся въ темницѣ подъ покровительствомъ закона. Разстрѣлять цѣлыя общества въ Вандеѣ, здавшіяся по договору республиканскимъ Генераламъ, и подписать приказаніе на погубленіе вдругъ плѣнниковъ въ трехъ темницахъ были двѣ жестокости, въ коихъ оправдывать Карьера соумышленникамъ его было весьма стыдно.

Карьеръ имѣлъ нравъ Фукье-Тенвиля и Дантона. При допросахъ не входили совсѣмъ въ подробное разсматриваніе происшествій, которое потребовало бы много времени для суда надъ нимъ; онъ самъ признался во всемъ, и показалъ себя столько безстыднымъ, что хвалился оными. «Въ моей ли власти «состояло, говорилъ онъ судьямъ, остано«вить стремленіе революціи, побуждавшей «насъ къ преобразованію свѣта. Я употреб«лялъ нѣкоторыя разсужденія отгадать ея «послѣдствія, и нѣкоторую силу для на«правленія оной. Ежели я изъ ревности къ «отечеству иногда заблуждался, по крайней «мѣрѣ я сохранилъ Нантъ для Франціи сво«боднымъ, и симъ благодѣяніемъ загладилъ «всѣ мои преступленія.» Съ таковыми злодѣями нѣтъ нужды входить въ размышленіе: они живутъ въ свѣтѣ, не сохраняя общественнаго порядка; но законъ имѣетъ мечь, и долженъ поражать.

Во время судопроизводства о Карьерѣ весьма старались начальники революціоннаго Комитета Гулень, Пинардъ и Гранд-

мезонъ. Они съ хитростію и дерзостію, безъ угрызенія совѣсти, протолковали развращенное ученіе, представленное имъ кратко новѣйшимъ Катилиною. Они своимъ лжемудрованіемъ привели въ смущеніе самыхъ судей и заставили трепетать ихъ взоровъ. Маратъ никогда не защищалъ съ толикимъ успѣхомъ славнаго своего суемудрія, по которому, для спасенія республики, надлежало погубить 300,000 человѣкъ.

Карьеръ казался весьма непоколебимымъ въ своемъ великомъ злодѣйствѣ, и съ неистовствомъ узналъ, что въ концѣ его проконсульства 132 жертвы избѣжали отъ него. Сей анекдотъ, обнаруженный во всемъ ужасѣ при слѣдствіи, достоинъ быть помѣщенъ въ числѣ главныхъ его дѣяній.

Нантское дворянство, прежніе правители и богачи не много показывали ревности къ отечеству, но посредствомъ хитрыхъ увертокъ избѣгали общаго нещастія. Карьеръ, опасаясь бунта, не смѣлъ начать надъ ними уголовнаго дѣла судебнымъ порядкомъ; почему приказалъ ночью взять изъ нихъ подъ стражу 132 и отправилъ въ желѣзахъ къ депутатамъ народнымъ въ Анжеръ, съ приказаніемъ утопить въ Лоарѣ. Сіи депутаты, не бывъ подобны Карьеру, не смѣли пуститься на таковую опасность, особливо при наступленіи новаго порядка вещей, который начиналъ быть примѣтенъ по тайному волненію умовъ. Чтобъ спасти сихъ нещастныхъ, они рѣшились отослать ихъ

въ столицу, подъ видомъ мятежниковъ Вандейскихъ. Комитеты правленія ихъ ожидали, дабы разстрѣлять на Марсовомъ полѣ. Хитрость сія послужила имъ ко спасенію: изгнанники, содержавшіеся въ Сентъ-Пелажи успѣли отдалить свое дѣло. Наступило Термидорское полупреобразованіе: дѣло ихъ поступило къ разсматриванію вмѣстѣ съ дѣломъ Карьера, и судилище оправдало ихъ единогласно.

Сіе произшествіе исторгло у Карьера слезы, происходящія отъ патріотическаго неистовства. Онъ былъ еще недовольнѣе, что два орудія его тираніи, Пинардъ и Грандмезонъ, не спаслись отъ эшафота. Приговоренный судомъ погибнуть съ ними, онъ вздумалъ раздробить себѣ голову изъ пистолета; не успѣлъ въ томъ, и выслушалъ приговоръ съ нѣкоторымъ спокойствіемъ, происходящимъ отъ народнаго энтузіазма, которое, по видимому, оскорбляло трогательную веселость, сопровождающую смерть великихъ людей.

Іосифъ Лебонъ, Карьеръ и Аррасъ были послѣдними жертвами, исторгнутыми у мнимыхъ Термидорскихъ преобразователей всеобщимъ твердымъ мнѣніемъ. Сей Іосифъ Лебонъ, бывшій въ юношествѣ набожнымъ до глупости, а во время революціи сдѣлавшійся свирѣпѣйшимъ демагогомъ, имѣлъ отъ Робеспьера порученіе очищать отечество по образцу Нерона и Колота Гербуа. По великой способности своей къ вреднымъ

выдумкамъ, превзошелъ въ злодѣйствѣ своего повелителя. Онъ всенародно обѣдалъ съ палачемъ, и держалъ гильотину въ готовности на первой площади въ Аррассѣ, въ доказательство подозрительнымъ людямъ (всѣ таковыми ему представлялись, потому что имѣли образъ человѣческой), что смерть была не далеко.

Когда свобода мыслить и писать возвращена была Французамъ, столь долго подавляемымъ ужасомъ, то честнѣйшіе люди изъ Камбре и Арраса немедленно извѣстили Собраніе о злодѣйствахъ своего Проконсула. Доставили въ Собраніе 10,900 бумагъ, составлявшихъ все его дѣло. Довольно было и четырехъ для осужденія его на эшафотъ; но духъ *Горы*, господствующій еще среди Собранія, хотя оное и казалось очищеннымъ, воспрепятствовалъ приступить ревностно къ сему примѣчательному дѣлу. Посредствомъ увертокъ и хитрыхъ отсрочекъ проволокли оное до перваго Іюля 1795 года. Въ сіе время возникло возмущеніе, которое устрашило сильную шайку разрушителей. Народное Собраніе, убѣжденное важнымъ ходомъ произшествій, согласилось съ народнымъ мнѣніемъ, и для отвращенія междоусобной войны отдало на жертву Іосифа Лебона.

Лебонъ, не имѣя силы Карьеровой, не послѣдовалъ его дерзкой системѣ въ защищеніи; но видя себя оставленнымъ соумышленниками, обнаружилъ, что они имѣли съ

нимъ самыя подозрительныя сношенія. Въ семъ случаѣ снялись всѣ завѣсы, и онъ кончилъ свое защищеніе обращеніемъ нѣсколько хитрымъ и даже мужественнымъ. „Законодатели! сказалъ онъ, я учинилъ менѣе преступленія, нежели бы могъ учинить, исполняя ваши опредѣленія. Оправдайте законы, и ежели я еще долженъ жить, вы увидите, что я буду исполнять ихъ съ таковою же преданностію."

Горная шайка, обвиненная симъ ужаснымъ защищеніемъ, перестала съ того времени имѣть съ Лебономъ сообщеніе. Собраніе объявило, что он будетъ продолжать присутствіе до окончанія дѣла жестокаго повѣреннаго Арраскаго. По учиненіи вѣрнаго донесенія отправили его въ судъ Сомскаго департамента, который скоро предалъ его казни.

Іосифъ Лебонъ мало заботился о вольности; сей честолюбивый простакъ увлекался революціоннымъ стремленіемъ для того, дабы значить что нибудь. Онъ съ ужасомъ посмотрѣлъ на приготовленія къ смертной казни и подвергся оной съ робостію.

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТІЯ.

Паденіе Тріумвировъ.

Между тѣмъ какъ производили судъ надъ великими преступниками, намѣревавшимися сдѣлать имя Француза ненавистнымъ въ департаментахъ, мнѣніе народное тайно подрывало довѣренность Комитетовъ правле-

нія, кои изъ среды столицы подавали знакъ къ гоненію, зажигательствамъ, междоусобной войнѣ и совершенному разрушенію общественнаго порядка во всей республикѣ.

Главными начальниками въ сихъ Комитетахъ были Бареръ, Било-Варень и Колотъ Гербуа, кои были тѣмъ виновнѣе предъ народомъ, что пользовались пятнадцать мѣсяцевъ верховною властію, и въ сіе время распространили ужасъ, или лучше сказать смерть по всей Французской землѣ, гдѣ только можно было найти палачей и жертвы. Хладнокровный злодѣй Било Варень и Ліонской Фаларидъ Колотъ Гербуа достойны были всеобщей ненависти, ихъ поражавшей. Бареръ, менѣе виновный изъ Тріумвировъ, по врожденному характеру свободно объявлялъ свои мысли. Отъ него не могло утаиться никакое частное изгнаніе, и онъ своимъ вліяніемъ спасъ множество знатныхъ особъ, коихъ Робеспьеръ и тираны Собранія приказывали оклеветать въ жаркихъ донесеніяхъ, сдѣланныхъ имъ по слабости; Бареръ, говорю, Якобинецъ на каѳедрѣ, но чувствительный человѣкъ въ частной жизни, никогда не могъ до самаго своего осужденія отдѣлиться отъ двухъ гнусныхъ товарищей. Ему не простили за вольность Катилинскихъ рѣчей, потому что въ нихъ видны были его дарованія. Когда въ возмущеніи страсти народныя приведутъ въ движеніе, то менѣе прощаютъ за дарованія, нежели за слабости.

Ненависть къ Тріумвирамъ успокоилась на нѣсколько времени, потому что они заслужили благодарность дѣятельностію, употребленною къ испровержевію Робеспьера; но примѣтили, что они для того только низложили тиранію, дабы на мѣсто оной утвердить собственную. Когда увидѣли, что они присоединяютъ ужасъ къ началамъ мнимаго преобразованія, въ которомъ приняли великое участіе; то вдругъ всѣ открыли глаза, и въ послѣдніе дни Августа 1794 года начали обвинять ихъ во всѣхъ бѣдствіяхъ Французскаго государства, продолжавшихся пятнадцать мѣсяцевъ, въ кои они, по согласію съ чудовищемъ, ими испровер женнымъ, присвояли себѣ верховную власть.

Вѣроятно, Собраніе видѣло бурю, поднимающуюся на своихъ начальниковъ; но рѣшившись въ столь трудныхъ обстоятельствахъ прикрыться личиною хитрости, чтобъ не обнаружить тайныхъ связей своихъ съ Тріумвирами, взирало съ удовольствіемъ, что вызываютъ на сраженіе одного его оратора, который весьма мало имѣлъ дарованій и средствъ защитить дѣло, поносное для чести Француза. Таковой махіавелизмъ, кажется, доставлялъ ему средство сдѣлать сраженіе безконечнымъ, на которомъ сражающіеся могли бы утомить и самый народъ, желавшій вдругъ и узнать все, и отмстить.

Лекуантръ въ журналѣ, весьма скучномъ и оскорбительномъ своими размышленіями,

возбудилЪ кЪ обвиненію ТріумвировЪ. ОнЪ присовокупилЪ кЪ жертвамЪ справедливаго мщенія ФранцузовЪ живописца Давида и трехЪ членовЪ Комитета Общественнаго Благосостоянія: Арманда, Вуланда и Видьера. Безпристрастный народЪ показался недовольнымЪ такимЪ сочиненіемЪ, гдѣ не видно ни логики, ни ораторскаго краснорѣчія. Собраніе, вникающее вЪ народное мнѣніе, воспользовалось симЪ неудовольствіемЪ и прибѣгло кЪ собственнымЪ правиламЪ. Оно отвергло торжественно жалобу Лекуантра, какЪ ложную, и приступило хладнокровно кЪ постановленію.

СЪ сего времени до конца 1794 года всеобщая ненависть кЪ ТріумвирамЪ, по видимому, успокоилась; но новыя произшествія, новыя покушенія на народное благонравіе, новыя злоупотребленія вЪ исправленіи верховной власти тайно совокупились. Тогда Собраніе, видя, что надЪ нимЪ грянетЪ туча, ежели не приметЪ должныхЪ мѣрЪ, согласилось собрать всѣ свѣдѣнія; почему 27 Декабря оно выслушало донесеніе одного изЪ своихЪ КомитетовЪ, вЪ которомЪ обЪявлялось, что время приступить кЪ изслѣдованію правленія Барьера, Било Варень, Колота Гербуа и Вадьера. ВдругЪ назначена была Коммисія, состоящая изЪ 21 члена, для изслѣдованія, которое по правиламЪ мнимыхЪ преобразователей должно не иначе начато быть, какЪ спустя 60 дней; но оно болѣе произвело успѣха, нежели какЪ

предполагали виновники всѣхъ бѣдствій республики.

Извѣстно, что въ то время, когда Коммисія, состоящая изъ 21 члена, подняла дѣло Тріумвировъ, Собраніе по причинѣ нещастнымъ происшествій, коихъ послѣдствій оно не могло ни предвидѣть ни отвратить, находилось въ столь трудномъ положеніи, что безъ зазрѣнія совѣсти могло предать сихъ начальниковъ народному мщенію. Тогда взорвало пороховой Гренельской заводъ на воздухъ, отъ чего погибло множество работниковъ и часть столицы была засыпана камнями. Тогда Вандейская война, которую почитали оконченною, сдѣлалась гораздо кровопролитнѣе; тогда Негры въ селеніяхъ, получивъ вольность отъ ораторскихъ рѣчей мнимыхъ филантроповъ, убивали бѣлыхъ, прежнихъ господъ своихъ въ Форт-Дофенѣ, въ главномъ мѣстѣ въ Сен-Домингѣ.

Всего болѣе нанесло вреда Тріумвирамъ весьма ясное открытіе гнуснаго разбойничества народной Оранской Коммисіи, умертвившей гильотиною 318 нещастныхъ, коихъ имущество по подлости своей судьи раздѣлили между собою.

Въ семъ опасномъ состояніи, въ каковомъ находились всѣ люди, Саладинъ, повѣренный Комитета, составленнаго изъ 21 члена, сдѣлалъ донесеніе. Въ журналахъ Комитетовъ правленія нашли одобренія, данныя на канонаду Ліонскую, на гоненіе

Оранское и зажженіе Бедуинскаго общества. Не нужно, кажется, болѣе сего для обращенія къ правиламъ Собранія, находящагося въ страхѣ. Колотъ Гербуа, болѣе всѣхъ опасавшійся народнаго возмущенія, видя, что множество его соучастниковъ трусятъ, началъ вливать въ нихъ демагогическими мнѣніями то мужество, котораго самъ не имѣлъ. Онъ даже изрыгалъ хулу на нравственность, которая произвела дѣйствіе совсѣмъ противное, нежели какого ожидали виновники безначалія: онъ сказалъ, что когда дѣло идетъ о спасеніи народа, то самыя величайшія преступленія дѣлаются законными. Сіи слова, возбудивъ негодованіе въ душахъ самыхъ нечувствительныхъ, принудили Собраніе показать себя справедливымъ. Опредѣлено было четырехъ обвиненныхъ взять подъ стражу. Тріумвиры, надѣясь на прежнюю клятву, данную имъ мятежниками, покорились закону; чтожъ касается до Вадьера, онъ, не будучи такъ легковѣренъ, ушелъ отъ жандармовъ и скрылся.

Собраніе, сдѣлавъ первый ударъ, думало, что уже заплатило долгъ свой Франціи, и не стало продолжать дѣла, заключающаго въ себѣ оскорбленіе народа, въ которомъ само подвергалось великой опасности. Впрочемъ она почитало дѣло Тріумвировъ дѣломъ самой революціи, которой послѣдствія влекли за собою, по ихъ мнѣнію, величайшее бѣдствіе, а по мнѣнію народа спасительнѣйшее бла-

годѣяніе, то есть, паденіе пагубнѣйшей изъ республикъ.

Такимъ образомъ прошла зима 1795 года въ двоякомъ ожиданіи. Три производителя системы ужаса старались замять свое дѣло; а друзья порядка мечтали, что естественный ходъ происшествій возвратитъ имъ первоначальное правленіе.

Среди сихъ волненій остатки *Горы*, еще находившіеся въ довѣренности, не смотря на всѣ гоненія, тайно старались сохранить тѣнь своего могущества то изданіемъ мудрыхъ законовъ, подающихъ друзьямъ правилъ тщетныя надежды, то опредѣленіями полуспасительными, утѣшительными для соумышленниковъ изъ Комитетовъ правленія. Безпристрастіе, существенная черта Исторіи, заставляетъ остановиться особенно на благодѣтельныхъ законахъ, изданныхъ въ началѣ 1795 года, кои хотя вынуждены были страхомъ, однако оставили послѣ себя столь добрые слѣды, что Франція, истинно возрожденная консульскимъ правленіемъ, никогда ихъ не забудетъ.

Одно изъ сихъ благоразумнѣйшихъ узаконеній послѣдовало 11 Генваря, коимъ вызывались въ свои домы художники и земледѣльцы, столь нужные въ великомъ государствѣ для торговли и распространенія земледѣлія. Къ нещастію, присовокупили къ нему статью, которая пресѣкла часть успѣховъ; захотѣли, чтобъ выходецъ, при возвращеніи въ отечество, доказалъ, что

онЪ неблагородный и не СвященникЪ. Сіе самое удержало вЪ иностранныхЪ государствахЪ множество миролюбивыхЪ ФранцузскихЪ дворянЪ, желавшихЪ упражняться вЪ искусствахЪ вЪ землѢ, любимой ихЪ предками, и благоразумныхЪ СвященниковЪ, кои воздѢлываніемЪ земель хотѢли пріобрѢсть право показаться благотворительными посредствомЪ исправленія своего богослуженія.

НѢсколько мѢсяцевЪ спустя, Собраніе издало законЪ человѢколюбивый безЪ всякаго ограниченія, могущаго унизить оный. СимЪ закономЪ уничтожено ненавистное опредѢленіе, по которому почтенныя жертвы 31 Маія для избѢжанія гоненій скрылись отЪ поисковЪ суда. Таковое благоразумное средство, возвратившее Собранію народному многихЪ членовЪ 1789 года, было принято сЪ восторгомЪ, и положило начало превосходному опредѢленію, постановленному вЪ первые дни весны, которое, проклявЪ, такЪ сказать, революціонное правленіе, возвратило семействамЪ умерщвленныхЪ мучениковЪ за отечество ДюмасомЪ и Фукье-ТенвилемЪ имущество, не расхищенное еще мятежниками.

Между тѢмЪ какЪ Собраніе, непрестанно о себѢ заботящееся, подавало Франціи надежду кЪ возрожденію оной посредствомЪ правилЪ, Тріумвиры, согласившись сЪ любителями безначалія, старались тайно, при помощи народнаго возмущенія, пріобрѢсть прежнее свое могущество. ВЪ послѢднихЪ

числахъ Марта 1795 года междоусобная воина, слѣдствіе сихъ тайныхъ происковъ, показалась рѣшительнѣе. Предмѣстіе Сент-Антоань взбунтовало: отсюда произошло нещастное сраженіе Прерьяльское, которое скоро опишемъ. Хотя совершенное паденіе Тріумвировъ было не что иное, какъ слѣдствіе сихъ движеній, однако для большей ясности нужно обратиться на минуту къ прежнимъ происшествіямъ дабы не уменьшить любопытства, возбуждаемаго симъ достопамятнымъ паденіемъ. Бываютъ случаи, въ коихъ ходъ Исторіи не долженъ стѣсняться Хронологіей

Небольшой успѣхъ Прерьяльской битвы и возмущенія въ предмѣстіяхъ рѣшилъ участь Тріумвировъ. Тотчасъ донесли Собранію, что обвиненные, ежели бы успѣли въ своемъ умыслѣ, намѣревались наказать членовъ онаго отъ девяти десятаго. Самые ораторы подтвердили своимъ мнѣніемъ доносъ сей, не имѣющій никакого доказательства Тогда опредѣленіемъ, постановленнымъ по большинству голосовъ, велѣно было отправить въ вѣчную ссылку Барера, Било-Вареня, Колота Гербуа и Вадьера.

Вадьеръ, *человѣкъ добродѣтельный, въ шестьдесятъ лѣтъ*, совсѣмъ не полагался на покровительство отечества, коимъ онъ перестальъ управлять, и, по согласію съ древними начальниками безначалія, скрылся отъ гоненія. Изъ убѣжища своего онъ выпустилъ нѣсколько защитительныхъ рѣчеи, коихъ

никто не могъ читать, и съ сего времени онъ рѣшился истребить себя изъ памяти людей.

Било-Варень и Колотъ Гербуа преданы были сужденію. Ихъ приговорили отправить въ заразительныя степи Французской Гвіаны: наказаніе весьма слабое для столь великихъ злодѣевъ, кои умертвили, или по крайней мѣрѣ развратили цѣлый народъ. Колотъ, гнуснѣйшее чудовище, издохъ отъ неистовства въ своей ссылкѣ.

Барерь заслуживалъ меньшіе упреки, потому что былъ спасителемъ всѣхъ людей, коихъ могъ скрыть отъ неистовства Комитетовъ. Монахини Сентскія въ признательность освободили его изъ темницы. Потомъ старался онъ загладить преступленіе, проистекавшее отъ слабости, во время пятнадцатимѣсячнаго своего могущества мужественнымъ перенесеніемъ изгнанія, случившагося въ Фруктидорѣ, и прославленіемъ себя посредствомъ многочисленныхъ своихъ сочиненій.

Такимъ образомъ когда всѣ главные виновники ужаса были истреблены, то казалось, что новый день, день спокойствія и благополучія, возсіяетъ на горизонтѣ Франціи; но многократно уже замѣчено было, что Собраніе противъ воли своей оставляло престолъ безначалія. Мы скоро покажемъ, сколь великую хитрость и злобу употребило оно въ своемъ сопротивленіи возвратиться къ правиламъ благонравія и

замедлить еще пятью годами возникнутіе истинной республики.

ГЛАВА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Народное возмущеніе, служащее началомъ Прерьяльской битвы.

Сіе возмущеніе, предуготовленное искусно мятежниками, старающимися ревностно для своей выгоды спасти Тріумвировъ, открылось, въ послѣднихъ числахъ Марта 1795 года, дерзкимъ легіономъ, состоящимъ изъ 600 женщинъ, злобнаго останка фурій гильотины. Они хотѣли взбунтовать отдѣленія; но сіи, наскучивъ уже возмущеніями, происходящими обыкновенно безъ причины и всегда безъ успѣха, вооружились напротивъ для защищенія общественнаго порядка, и не случилось ни 31 Маія, ни Сентябрскаго убійства.

Двои сутки протекли въ злобномъ молчаніи, служащемъ предзнаменованіемъ новой бури. Въ самомъ дѣлѣ на, третій день народное движеніе, за которымъ неустроенная полиція не смотрѣла, а можетъ быть и потакала, сдѣлалось весьма страшнымъ. Прежніе возмутители изъ предмѣстія Сенть-Антоанъ, называвшіеся людьми 14 Іюля, и достойные сего имени по дерзкимъ своимъ злодѣяніямъ, вдругъ явились въ палатѣ Народнаго Собранія, требуя повелительно хлѣба, открытія народныхъ обществъ и конституціи 1793 года. Собраніе колебалось

между двумя желаніями: во первыхъ не объявлять опекунскихъ своихъ опредѣленій, а во вторыхъ видѣть себя принужденнымъ высшею волею народа принять опять власть неограниченную. Приверженцы Тріумвировъ замѣтили сіе безпокойство, и вышедъ изъ залы, пошли для возженія новаго возмущенія. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ 24 часа рабочіе люди изъ Парижскихъ отдѣленій и предмѣстій явились опять въ большемъ количествѣ въ залу Собранія, раздвинули стражу, окружавшую оное, и повелительнымъ образомъ объявили, что требуютъ, дабы освободили Тріумвировъ и учредили прежніе Комитеты правленія и революціонное судилище.

Превосходное оборонительное положеніе Парижскихъ отдѣленій спасло Францію. Генералъ Пишегрю находился тогда въ столицѣ. Онъ вникнулъ въ народное мнѣніе, коего истолковательницею служила народная гвардія, и по неотступнымъ прозьбамъ благомыслящихъ, предвидѣвшихъ, что приближается время, въ которое накажутъ всѣхъ, держащихся общественнаго порядка, отъ девяти десятаго, обезоружилъ Правильерское отдѣленіе, которое въ 1792 году дерзнуло первое объявить, что оно разрѣшило себя отъ клятвы, данной монархіи; онъ приказалъ взять подъ стражу членовъ прежнихъ революціонныхъ Комитетовъ, и сими сильными и осторожными средствами не допустилъ до пролитія крови Французской.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЯТАЯ.

Преріальское сраженіе. Возмущеніе въ предмѣстіяхъ. Мщеніе, оказанное Собраніемъ.

Бунтъ 20 Маія 1795 года, извѣстный болѣе подъ республиканскимъ именемъ Преріальскаго сраженія, приготовленъ былъ накунѣ мятежническими подметными письмами, прибитыми на стѣнахъ столицы. Оными приглашали гражданъ къ защищенію пагубной республики; всѣ злодѣянія въ нихъ изъяснены были прямо, и средство для избавленія благомыслящихъ людей находилось даже въ ядѣ, предлагаемомъ начальниками партіи.

20 Маія на расвѣтѣ начали бить въ барабаны и ударили въ набатъ въ предмѣстіяхъ Сентъ-Антоанъ и Сен-Марко. По сему знаку великое множество мятежниковъ разлилось по всѣмъ частямъ Парижа, заставляло ходить за собою недѣятельную чернь, изъ любопытства предававшуюся возмущенію, и пришедъ въ залѣ Собранія (которое отражало вооруженную силу одними пустыми опредѣленіями, исключая изъ покровительства закона начальниковъ бунта, ему неизвѣстныхъ), выломило топоромъ одну дверь и бросилось въ залу съ такимъ воплемъ и неистовствомъ, что часовые жандармы построились въ рядъ для защищенія членовъ отъ штыковъ.

Сѣ начала нападенія на палату до 4 часовѣ по полудни не можно было отгадать, которая сторона одержитѣ верхѣ. Наконецѣ вѣ послѣднюю минуту вся зала осталась во власти Санкюлотовѣ. Тогда народѣ, ожидавшій окончанія дѣла, дабы пристать кѣ торжествующей сторонѣ, узнавѣ о побѣдѣ людей 14 Іюля, пробился вѣ смятеніи вѣ залу, имѣя на шляпахѣ сѣ пригнутыми полями, или на красныхѣ колпакахѣ написанныя слова: *хлѣба и конституціи 1793 года.* Буаси Англа занималѣ вѣ сіе время Предсѣдательскіе кресла. Онѣ во время ужасной опасности сохранялѣ спокойствіе, подобное спокойствію Сенаторовѣ Римскихѣ, найденныхѣ Бренномѣ вѣ курульскихѣ креслахѣ, и открылѣ неустрашимо полуобнаженную грудь свою противѣ пикѣ мятежниковѣ. Сей важный видѣ и высокія слова воспламенили народнаго депутата Феро, который бросился на поле сраженія и рѣшился закрыть собою своего Предсѣдателя. Тогда усугубились вопли Санкюлотовѣ; принуждаютѣ Феро отступить отѣ сего почтеннаго мѣста, убиваютѣ его изѣ пистолета и уносятѣ окровавленную его голову, привязанную на пику, какѣ трофей гнусной побѣды.

Умерщвленіе Феро. Смича сноецарствованіе Сан кюлотовѣ.

Вѣ девять часовѣ вечера почти всѣ члены, видя, что отечество ни для кого уже не существуетѣ, вышли изѣ залы потаенными дверями, имѣ извѣстными; а начальники возмущенія, почитая уже себя обладателями Франціи, начали хладнокровно писать осуж-

деніе людей безоружныхЪ, коихЪ все преступленіе состояло вЪ томЪ, что были побѣждены безЪ сраженія. Когда списки были окончаны, ораторЪ взошелЪ на каѳедру и потребовалЪ, чтобЪ даровали свободу *мученикамЪ за отечество*: подЪ сими словами разумѣлЪ онЪ ТріумвировЪ. Другой желалЪ, чтобЪ обозрѣли домы и собрали вдругЪ всѣхЪ аристократовЪ. Иные, будучи нѣсколько благоразумнѣе (ибо размышленіе придаетЪ иногда видЪ благоразумія безумнымЪ поступкамЪ) употребили власть свою на то, чтобЪ принудить кЪ учрежденію Верховнаго Комитета правленія.

Таковое демагогическое безуміе продолжалось восемь часовЪ. Во время сего минутнаго владычества составленЪ былЪ планЪ тираніи; но оный остался безЪ разсмотрѣнія. НѣтЪ вЪ Европѣ государства, которое не было бы осуждено на принятіе новаго Евангелія. Никогда АнарсисЪ КлоцЪ не бредилЪ столько вЪ изступленіи своемЪ, посвящая свой кодексЪ безначалія планетамЪ.

ВЪ одну минуту перемѣнилось позорище. ЛежандрЪ, собравЪ вооруженную силу отдѣленій, состоявшую подЪ начальствомЪ Рафета, явился вЪ залѣ Собранія, предшествуемый гренадерскими баталіонами, кои пробились сквозь толпу мятежниковЪ и показали во всей силѣ штыкЪ. Санкюлоты изЪ предмѣстій умѣли болѣе умерщвлять, нежели сражаться; никто изЪ нихЪ не сдѣлалЪ ни малѣйшаго сопротивленія: они стреми-

шельно очистили залу, и четверти часа довольно было для вторичнаго испровержения Тріумвировъ.

Собраніе, спасенное ревностію отдѣленій, не поступило великодушнѣе толпы Санкюлотовъ. Вмѣсто того, чтобъ предать Уголовному Суду мятежниковъ за нарушеніе первыхъ общественныхъ законовъ, оно занялось составленіемъ плановъ мщенія. Приказавъ сжечь опредѣленія мятежниковъ, постановленныя во время однодневной власти; осудило 13 депутатовъ; изъ коихъ главными были 4 члена новаго Комитета правленія и времянный начальникъ вооруженной силы бунтовщиковъ. Сіи средства показывали только одно глупое звѣрство; ибо въ то время, какъ Собраніе хладнокровно назначало мщеніе, новая, гораздо опаснѣйшая туча противъ отвращенной теперь, гремѣла надъ нимъ, и угрожала ему во второй разъ возмущеніемъ, подобнымъ 31 Маія, котораго оно избѣжало не мужествомъ, а щастіемъ.

Вторженіе Лежандра въ залу Собранія показалось любителямъ безначалія болѣе нечаяннымъ нападеніемъ, нежели побѣдою: они успокоившись отъ перваго страха, собрались въ Ратушу и тамъ назвались глупымъ именемъ Народнаго Собранія Монарха. Сей Монархъ былъ народъ, который они хотѣли обольстить прежде наложенія на него оковъ; потомъ они разсѣялись по предмѣстіямъ и взбунтовали оныя. Парижская полиція въ сіе время показывала такое бездѣйствіе, что

въ одномъ кофейномъ домѣ клялись кинжалами помогать Санкюлотамъ. Три отдѣленія предмѣстія Сент - Антоань склонились на вѣроломныя убѣжденія виновниковъ общественныхъ раздоровъ и построились въ боевый порядокъ, не производя однакожъ никакого непріятельскаго дѣйствія: они хотѣли узнать о всемъ, прежде нежели пойдутъ на столицу.

Сія междоусобная война произошла отъ неосторожности Собранія. Оное, по безразсудной ревности къ памяти нещастнаго Феро, тотчасъ осудило на смерть убійцу его. Мятежники, заключившіе вчера перемиріе съ добрыми гражданами, желающими отвратить кровопролитіе, почитая сіи угрозы нарушеніемъ договора, исторгаютъ виновнаго изъ рукъ жандармовъ, ведущихъ его на эшафотъ, и торжественно водятъ его по площадямъ столицы. Собраніе опять затрепетало; но Парижъ спасъ самъ себя. Народная его гвардія и волонтеры, всѣ молодые люди, исполненные ревности и мужества, въ числѣ 30,000 человѣкъ, построились въ баталіоны линейныхъ войскъ, пошли подъ предводительствомъ Генерала Мену для осады предмѣстія Сент - Антоань. Мятежники, не пріобыкшіе встрѣчать таковаго сопротивленія, увидѣли, что они грознымъ своимъ положеніемъ теперь не обманутъ, и вмѣсто того, чтобъ привесть въ трепетъ Парижскій народъ и самыхъ начальниковъ однимъ своимъ возмущеніемъ,

сами начали опасаться погибели; тотчасЪ здались на договорЪ и позволили себя обезоружить. Тридцать одного изЪ главныхЪ бунтовщиковЪ, склонившихЪ кЪ возмущенію, предали военному суду, который и приговорилЪ ихЪ кЪ смертной казни.

Казнь виновниковЪ Преріальскаго сраженія.

НѢкоторые люди думали, что Собраніе, послѢ сего торжества, пріобрѢтеннаго безЪ кровопролитія, покажетЪ себя великодушнѢе и проститЪ своихЪ непріятелей. Семь членовЪ его, преданные *Горѣ*, но исполненные патріотическаго фанатизма, который, вЪ справедливыхЪ дѢлахЪ сливается сЪ великодушіемЪ, принимали весьма великое участіе вЪ ПреріальскомЪ сраженіи. Они были побѢждены, обезоружены и преданы уголовному суду. ЗдѢсь былЪ случай показать нѢкоторое великодушіе; но ежели вспомнятЪ, что Собраніе послѢ заключенія ЯкобинцевЪ позволило имЪ имѢть прежнія засѢданія, вЪ надеждѢ, что они не осмѢлится болѢе предаваться тѢмЪ же безпорядкамЪ, а сіи почитая поступокЪ Собранія вЪ разсужденіи сего знакомЪ слабости, уже выдумывали средства покорить оное; то самое Преріальское сраженіе было не что иное, какЪ слѢдствіе буйныхЪ движеній, производимыхЪ симЪ адскимЪ клубомЪ, и легко поймутЪ, что Собраніе, употребивЪ строгость, поступило весьма благоразумно и справедливо. Великодушіе вЪ семЪ случаѢ принято было бы за слабость и возбудило бы мятежниковЪ кЪ новому возмущенію.

Семь депутатовъ, осужденныхъ на смерть, были люди съ великимъ характеромъ. Рюль, пылчайшій изъ всѣхъ, прежде приговора надъ нимъ пронзилъ себя кинжаломъ Прочіе шесть, Дюкезной, Ромъ, Гужонъ, Бурботъ, Субрани и Дюрой поклялись между собою, что не увлекутъ ихъ живыми на эшафотъ. Надлежало спускаться изъ уголовной палаты по темной лѣстницѣ въ темницу; они раздѣлили между собою съ стоическою твердостію два ножа, единственное оружіе, оставленное у нихъ бдительными тюремщиками, и поразили себя оными. Ромъ, Гужонъ и Дюкезной умерли чрезъ нѣсколько минутъ отъ ранъ; прочіе не такъ удачно поранили себя и показывали еще нѣкоторые признаки жизни, когда повезли ихъ на эшафотъ. Особливо замѣтили, что Бурботъ, злѣйшій изъ сихъ демагоговъ, говорилъ еще умирающимъ голосомъ къ народу, когда покатилась голова его отъ сѣкиры. Сіе позорище произвело великое дѣйствіе на зрителей, кои не размышляли о бунтѣ сихъ мятежниковъ; они судили о справедливости дѣла по количеству людей, пострадавшихъ за оное.

За сими гоненіями по тому же Преріальскому дѣлу послѣдовали и другія, кои были не столь важны, а слѣдовательно и еще болѣе безполезны. Нашлись заговорщики, коихъ не могли обличить въ иномъ какомъ преступленіи, какъ только въ желаніи, чтобъ *Гора* восторжествовала; другіе, будучи еще

нещастнѣе, обвинены за то, что были въ кофейномъ домѣ безгласными свидѣтелями клятвы, произведенной кинжалами. Собраніе, всегда малодушное, всегда неумолимое, назначило одинаковое наказаніе всѣмъ плѣнникамъ, содержащимся подъ карауломъ, и отправило ихъ въ замокъ Гамъ, прежнюю королевскую темницу, изъ которой сдѣлали республиканскую Бастилію, гдѣ издыхали медленно претерпѣвая тысячу смертей.

Однакожъ, не смотря на ненавистное лице, представляемое Собраніемъ, сей Преріальской день былъ по своимъ послѣдствіямъ полезенъ для государства. Парижскія отдѣленія, по опредѣленію, обезоружили Санкюлотовъ, и закономъ, единогласно всѣми постановленнымъ, уничтожено было революціонное судилище.

Правда, Собраніе никогда не показывало себя совершенно безпристрастнымъ въ произведеніи блага, требуемаго отъ него; почему въ то же самое время старалось учредить законъ о налогѣ, подъ видомъ займа на тысячу милліоновъ, для удовлетворенія нуждъ, непрестанно возраждающихся отъ глупаго его желанія къ нововведеніямъ. Оно справедливо думало, что столь тягостный налогъ покажется всѣмъ вообще противнымъ, и для приведенія въ точное исполненіе, составило другое революціонное войско, назвавъ оное легіономъ полиціи. Одинъ только ужасъ, ощущаемый Собраніемъ и вливаемый въ другихъ, могъ утвердить узако-

ненія столь противныя спокойствію республики.

ГЛАВА СОРОКЪ ШЕСТАЯ.

Продолженіе Испанской войны. — Миръ съ сею державою и съ Пруссіею.

Оставимъ на минуту перо, утомленное непрестаннымъ изображеніемъ нерѣшимостей начальниковъ партій въ Собраніи, которое не умѣло сдѣлать ни прочнаго блага, ни исправить зла, проистекающаго отъ долговременныхъ и жестокихъ мщеній, и бросимъ взоры на важныя послѣдствія военной системы и на ужасъ, впечатлѣнный державамъ политическою системою Франціи: сіи два предмета объяснятъ намъ миръ, заключенный съ Пруссіею, и кратко изложимъ походъ въ Испанію.

Мы видѣли, что Французское войско, расположившееся въ Восточныхъ и Западныхъ Пиринейскихъ горахъ, доколѣ вело оборонительную войну, не учинило ничего достопамятнаго. Въ концѣ 1793 года и въ началѣ 1794 Генералъ Доппель, по нерѣшимости перемѣнивъ тактику, подвергался не однократно нещастію. Станъ его былъ взятъ на высотахъ Вилле-Лонгскихъ, и сіе нещастіе было причиною потери Сентъ-Эльма, Портъ-Виндра и Колліура, коими овладѣли непріятели. Но походъ 1795 года открылся щастливѣе. Слава о сраженіи Гонскотскомъ, гдѣ Французы восторжество- Продолженіе военныхъ дѣйствій Франціи и Испаніи.

вали наступательною войною, влилЪ смѣлость вЪ ГенераловЪ достигнуть побѣды тѣми же средствами. Неустрашимый Дюгомье сдѣлалЪ первый опытЪ новой тактики, который столько же для него былЪ удаченЪ, какЪ и для ГенераловЪ Гушарда и Пишегрю. ОнЪ одержалЪ достопамятную побѣду надЪ редутомЪ Монтескіе на который велЪ атаку; отнялЪ всѣ крѣпости, коими овладѣлЪ непріятель; и послѣ сихЪ успѣховЪ обѣ Французскія арміи, находившіяся вЪ ПиринейскихЪ горахЪ, соединившись, вознамѣрились учинить нападеніе на Испанскія владѣнія.

ПланЪ, дерзко начертанный, былЪ удачно исполненЪ. ВЪ то время какЪ одинЪ ГенералЪ принуждалЪ кЪ здачѣ на договорЪ крѣпость БеллегардЪ, другой вступалЪ побѣдителемЪ вЪ Фонтарабію и Сент-СебастіанЪ. Уже обѣ соединившіяся арміи пошли на МадритЪ, какЪ смерть Дюгомье, убитаго изЪ мортиры, доставила минутное спокойствіе монархіи Испанской.

Сія держава принуждена была просить мира.

ГенералЪ ПераньонЪ, поступившій на мѣсто Дюгомье, послѣдовалЪ его превосходному плану вЪ походѣ. ОнЪ смѣло напалЪ на четыре тысячи ИспанцевЪ, окопавшихся на неприступныхЪ горахЪ ФагьерскихЪ. Не смотря на огонь изЪ 400 пушекЪ, овладѣлЪ 80 редутами, и страхомЪ, возбужденнымЪ таковымЪ подвигомЪ, принудилЪ крѣпость РозесЪ и Билбао кЪ принятію вЪ свои стѣны знаменЪ республи-

ванскихъ. Тогда Испанская гордость столько унизилась, что начали просить мира у побѣдителей, угрожавшихъ нападеніемъ на Мадритъ. Военачальники обѣихъ державъ положили основаніе онаго, и миръ былъ подписанъ въ Августѣ 1795 года въ Парижѣ Комитетами правленія.

Превосходный договоръ, заключенный въ Базелѣ 5 Апрѣля 1795 года благоразумнымъ Бартелеми, бывшимъ тогда Французскимъ посломъ въ Швейцаріи, гораздо важнѣе для Франціи мира Испанснаго, по крайней мѣрѣ въ то время. Тогда замѣтили, что сей миръ, въ который не втекало право сильнѣйшаго, соединилъ выгоды обѣихъ державъ и устроилъ согласіе между всѣми Германскими владѣніями. Сей миръ наблюдалъ Фридерикъ Вильгельмъ съ рѣдкою вѣрностію, не смотря на величайшіе раздоры въ Европѣ; что самое служитъ къ чести и Пруссіи и республики. Миръ съ Пруссіею.

ГЛАВА СОРОКЪ СЕДЬМАЯ.

Продолженіе Вандейской войны.— Высадка Англичанъ на Киберонъ.

Вандейская война не могла быть съ обѣихъ сторонъ производима съ такимъ великодушіемъ, съ какимъ производилась война Испанская. Первую можно почесть междоусобною, и по нещастію, различныя стороны щитали за удовольствіе вредить другъ другу и терзать. Сверхъ того въ

Вандейской войнѣ были два рода фанатизма весьма твердаго: фанатизмъ республиканцевъ и роялистовъ.

Ежелибы начальники обѣихъ партій могли свободно слѣдовать своей кроткой склонности, особливо послѣ побѣды; то вѣроятно, гораздо бы менѣе было нещастій. Но во время такихъ браней начальники зависятъ почти всегда отъ подчиненныхъ, кои, при малѣйшемъ неудовольствіи, могутъ ихъ оставить; почему необходимость заставляетъ обращаться съ ними осторожно, и укрощать ихъ своеволіе не со всею воинскою строгостію. Такимъ образомъ Вандейцы и Шуанцы ужасно поступали съ республиканцами, кои равномѣрно платили имъ тѣмъ же для удовлетворенія мщенія, тѣмъ пагубнѣйшаго, что оно простиралось по необходимости на безчисленное множество людей, завлеченныхъ предлогомъ вѣры въ войну, отъ которой одни только начальники могли получать выгоду.

Въ самомъ дѣлѣ всѣ крестьяне, возмущенные начальниками Вандейскими, по своему грубому невѣжеству, слѣдовали имъ слѣпо, потому что держались стороны мятежниковъ, думая, будто тѣмъ показываютъ ревность къ вѣрѣ своихъ предковъ. И такъ для прекращенія сей войны надлежало употребить самыя кроткія и дѣйствительныя средства, а не опустошеніе полей, не сожженіе лѣсовъ и хижинъ земледѣльца. Ничто не можетъ доказать лучше справедливости

сего мнѣнія, какъ тотъ способъ, который употребленъ былъ для учрежденія порядка въ сей обширной странѣ, когда правительство поручило ее въ управленіе человѣку способному. Но въ сіе время, о которомъ говоримъ, умы были ожесточены, и всѣ законы, всѣ мѣры относительно Вандейской войны дышали царствовавшимъ тогда безначаліемъ.

Какъ бы то ни было, кабинетъ Британскій тщательно питалъ въ Вандеѣ смятенія. Онъ доставлялъ начальникамъ пособія, и давалъ важныя обѣщанія, хотя оныя и всегда оставались безъ исполненія. Но наступила минута сдѣлать приготовленія къ походу, давно уже обѣщанному Роялистамъ. Составили множество Французскихъ полковъ и сдѣлали надъ оными начальниками людей, отличныхъ по происхожденію и по храбрости. Но сіе войско представляло ужасную въ себѣ противуположность: съ одной стороны были отличнѣйшіе чиновники изъ Французскаго флота; съ другой Французскіе солдаты и матросы, взятые или при нещастныхъ встрѣчахъ Французскихъ эскадръ съ Англійскими, или на берегахъ нѣкоторыми наѣздниками. Надлежало ожидать, что таковые солдаты безъ сомнѣнія предпочтутъ республику выходцамъ, и не надобно было полагаться на великія ихъ усилія для защищенія дѣла, имъ ввѣреннаго. Не смотря на то, сдѣлана была высадка во Францію.

Ночью 8 числа на 9 Термидора третьяго года сдѣлана была высадка на островъ Кибронъ, подъ предводительствомъ Генерала Гервилли. Шуанцы сперва получили успѣхи, принудивъ республиканскіе отряды отступить до самаго Рейна. Выходцы подались впередъ, вступили въ пустой городъ Орей, осадили крѣпость Пентьевръ. При семъ нападеніи помогалъ имъ Англійскій флотъ, который огнемъ своимъ принудилъ осажденныхъ здаться. Гарнизонъ, состоявшій изъ 400 человѣкъ, взятъ былъ военноплѣннымъ и отвезенъ на Англійской эскадрѣ.

Комитетъ Общественнаго Благосостоянія при слухѣ о морскомъ походѣ, предположенномъ Англіею, дѣйствовалъ слабо. Онъ назначилъ военачальника; поручилъ ему, такъ сказать, попеченіе составить для себя армію. Выборъ былъ весьма различенъ отъ выбора множества людей неспособныхъ, кои, къ нещастію Франціи, были украшены титуломъ Вандейскихъ Генераловъ. Избранный Комитетомъ Генералъ былъ Гошъ, юный герой, побѣдитель Герцога Брауншвейгскаго. Онъ предводительствовалъ республиканскими войсками въ Западныхъ департаментахъ. Между тѣмъ какъ онъ замѣчалъ намѣренія и силы выходцевъ, прибыло къ нему въ подкрѣпленіе нѣсколько войска, и онъ, пользуясь симъ, потѣснилъ непріятеля почти до острова Киберона. Онъ скоро узналъ отъ многихъ солдатъ, бѣжавшихъ изъ

войска выходцевъ, что часть роялистовъ отклонялась отъ знаменъ, подъ которыми принуждали ее сражаться, и что выходцы, пораженные уныніемъ при взорѣ на окружающія ихъ опасности, оставили подъ сохраненіе крѣпость Пентьевръ солдатамъ, отказавшимся имъ помогать. Нѣкоторые изъ сихъ бѣглыхъ разсказывали о составленномъ товарищами ихъ заговорѣ предать республиканцамъ крѣпость, защищаемую ими; они предлагали подвести Французовъ подъ самыя стѣны. Пылкій Генералъ Гошъ, всегда полагающійся на щастіе и храбрость, располагаетъ такъ, чтобъ истребить въ одинъ день армію роялистовъ. 2 Термидора, въ 11 часовъ вечера, три тысячи человѣкъ отправляются въ походъ тремя колоннами и по тремъ разнымъ дорогамъ. Была ужасная туча; отъ дождя текли ручьи; темнота густая, дороги ужасныя; но ничто не останавливаетъ храбрыхъ и пламенныхъ воиновъ республики. Въ два часа утра передовое войско уже подъ стѣнами крѣпости. Англичане примѣтили идущія колонны; они поражаютъ солдатъ, но не удерживаютъ ихъ въ походѣ. Вдругъ закричали: *крѣпость взята!*

Выходцы увидѣли днемъ трехцвѣтное знамя, развѣвающееся на стѣнахъ крѣпости. Республиканское войско приближается къ нимъ; но ни одинъ Англичанинъ не сходитъ съ корабля для вспоможенія. Пюйзей отступаетъ и увлекаетъ за собою войско, состоящее изъ Шуанцевъ. Одинъ только

Сомбревиль собираетъ выходцевъ и готовится выдержать стремленіе республиканцевъ; но самая большая часть войска Сомбревилева, состоявшаго изъ содержавшихся въ Англійскихъ темницахъ, бросаетъ оружіе и бѣжитъ къ Французамъ съ крикомъ: *и мы, и мы республиканцы!* Станъ былъ взятъ. Сомбревиль отступая, непрестанно сражается; но скоро отрѣзали ему сообщеніе съ моремъ. Онъ, отдаваясь на смерть, хочетъ искупить тѣмъ своихъ товарищей. Проситъ поговорить съ республиканцами; говоритъ съ ними, возвращается; выходцы бросаютъ оружіе. Народная честь запрещала проливать кровь людей, коихъ Англія предала съ такимъ вѣроломствомъ. Къ нещастію, законъ осуждалъ на смерть всѣхъ выходцевъ, взятыхъ съ оружіемъ, даже всѣхъ тѣхъ, кои будутъ найдены во Французскихъ владѣніяхъ. Сей законъ былъ исполненъ безъ всякой пощады. Великое множество выходцевъ было казнено и между ими Сомбревиль, Брогли и Епископъ Сен-Поль.

ГЛАВА СОРОКЪ ОСЬМАЯ.

Конституція 1795 года.

Всѣ законы, изданные во Франціи до сего времени, яко плодъ воспламененныхъ народныхъ страстей, не имѣли нравственнаго основанія для государства и общихъ и частныхъ понятій; почему скоро одни

за другими и уничтожались, хотя ораторы отдѣленій и типографщики сихъ многоязычныхъ Библій увѣряли въ безсмертіи оныхъ. Конституція 3 года (1795), составленная людьми благоразумными и просвѣщенными, но принужденными угождать сочиненіемъ своимъ всѣмъ сторонамъ, по необходимости должна имѣть тѣ же недостатки и неудобства, какъ и уничтоженныя конституціи; почему тѣ же самые люди, кои по слабости приняли оную, не подали на нее своего согласія. Когда хотятъ улучшить родъ человѣческій, то надобно учредить правителей государства, а не законы. Нѣсколько дурныхъ законовъ не значатъ ничего при Государѣ добромъ. Добрые законы, по выраженію Солона, суть паутина, когда развращенные люди управляютъ государствомъ.

18 Апрѣля 1795 года Камбасересъ приказалъ принять органическіе законы третьей конституціи, которая должна быть основана на общественномъ разумѣ, но *приспособлена къ настоящимъ обстоятельствамъ республики.* По прошествіи съ небольшимъ двухъ мѣсяцевъ Буаси Англа прочиталъ на каѳедрѣ предварительное разсужденіе, весьма основательное и умно написанное о семъ новомъ законоположеніи: но сколь хорошо оно ни казалось составленнымъ Комитету одиннадцати членовъ, долженствующими совершить сей великій трудъ, благомыслящіе люди, не державшіеся

никакой партіи, а особливо не полагавшіеся на преобразованіе Термидорское, усмотрѣли, что сочинители творенія сего не удовлетворили надеждѣ великаго народа, который, послѣ пятилѣтнихъ возмущеній, хотѣлъ жить мирно съ Европою и съ самимъ собою Нѣкоторый родъ королевско-народной власти, раздѣленный между пятьми членами Исполнительнаго Совѣта (directoire), не могъ имѣть ни твердости, ни силы. Двѣ палаты Законодательнаго Собранія производили между собою раздоры, и особливо съ исполнительною властію; и какъ никакой Монтескіе не употребилъ своихъ дарованій для учрежденія равновѣсія между властями, то удобно можно было предвидѣть, что рано, или поздно сей храмъ законовъ сокрушится, и вмѣстѣ съ нимъ падутъ правители, коимъ поручено хранить цѣлость его. Не смотря на всѣ коренные недостатки, конституція 1795 года была принята съ радостію и вѣроятно могла бы долѣе существовать, ежели бы бѣдственные виновники нещастій Франціи, мнимые преобразователи Термидорскіе, не взялись сами привесть ее въ дѣйствительность.

Три года уже подавляло Собраніе желѣзнымъ скипетромъ Францію. Главнѣйшіе его члены опасались, чтобъ воспоминаніе о ихъ долговременныхъ злодѣйствахъ не заградило имъ убѣжища въ отечествѣ и Европѣ, ежели сами не будутъ присутствовать при движеніяхъ новой политической махины,

недавно ими составленной. Тогда явились два пагубные закона по отношенію одного члена, преданнаго всѣмъ партіямъ, хотя онъ и не могъ производить никакого движенія въ оныхъ. Сіи законы заставляли допустить въ Собраніе, тогда существующее, только двѣ трети новаго законодательнаго общества, долженствующаго составиться, и чтобъ пять Королей народныхъ составляли власть исполнительную. Сіи революціонныя опредѣленія постановлены были 22 и 30 Августа. Какъ числа сіи соотвѣтствуютъ 5 и 13 Фруктидора республиканской эры, которою тогда любовались, то Исторія сего времени и выдаетъ ихъ подъ общимъ именемъ законовъ Фруктидорскихъ.

Сіи Фруктидорскія узаконенія, утверждавшія утѣсненіе Франціи опредѣленіемъ власти утѣснителямъ, возбудили всеобщее негодованіе. Тогда ясно увидѣли, что Термидорское преобразованіе, допущенное членами Собранія изъ страха, было со стороны ихъ вѣроломное средство, способствующее къ утвержденію системы ужаса и къ возвращенію безначалія. Сіе негодованіе въ Парижѣ было такъ велико, что изъ 48 отдѣленій оказалось 46, кои, допустивъ новую конституцію, отвергли возмутительныя Фруктидорскія опредѣленія; но сила оружія скоро заставила одобрить то, что необходимо должно бы подвергнуться порицанію.

ГЛАВА СОРОКЪ ДЕВЯТАЯ.

Начало Исторіи междуцарствія. — Уголовный судъ надъ Леметромъ и Ришеромъ-Серизи. — Собраніе покушается на свободу избраній.

По единодушномъ принятіи новой конституціи до введенія въ употребленіе Фруктидорскихъ законовъ (Сентября 1795) власть Собранія прекращалась. Но члены, опасавшіеся того времени, когда власть ихъ должна кончиться, почли за нужное продлить владычество Собранія до 29 Октября, то есть до того дни, когда Директорія и два Совѣта вступили въ дѣйствительное управленіе. Сей періодъ, состоящій изъ 36 дней, мы назовемъ *междуцарствіемъ*.

Въ сіе время явился новый союзъ, составленный въ Базелѣ, въ Швейцаріи. Полиція Комитетовъ правленія принялась за первыя звѣна въ цѣпи и взяла подъ стражу, чрезъ посредство Французскаго посла въ Швейцаріи, прежняго Оберъ-Секретаря при государственныхъ доходахъ Леметра. Перехватили переписку его, и тайна оной, весьма остроумная, была изъяснена дипломатиками. По прибытіи въ Парижъ препроводили его въ военную Коммиссію, которая, по остающемуся у ней стыду, не смѣла приговорить его къ смертной казни.

Дѣло о Ришерѣ Серизи.

Тогда Ришеръ Серизи выдалъ сатиру противъ начальниковъ партіи, умную и ѣдкую,

подъ названіемъ *народный обвинитель*. Одиннадцать нумеровъ сего сочиненія, изданные прежде, показывали, что сочинитель имѣлъ жаръ Ювеналовъ: двѣнадцатый, кольчайшій изъ всѣхъ, обьявилъ Французскому народу два дополнительныя опредѣленія къ конституціи 1795 года, и былъ тогда въ великой славѣ. Виновники безначалія нашли средство связать дѣло сего писателя съ дѣломъ заговорщика Базельскаго; но судъ, составленный изъ недовольныхъ отдѣленій, освободилъ его. Что касается до Леметра, дѣло его затянулось, и онъ осужденъ былъ на смерть спустя много времени послѣ дня Вандемьерскаго.

Между тѣмъ какъ Парижъ стеналъ отъ тираніи междуцарствія, члены Собранія, гордясь побѣдами надъ своими согражданами, раздражали ихъ еще болѣе посягательствомъ на древнія права главныхъ Собраній въ разсужденіи свободы избранія. Сіи Собранія съ начала республики почитались нѣкоторымъ остаткомъ Монарха. Они представили прозьбы въ Законодательное общество и записки о злоупотребленіяхъ правительства, но оно ихъ не приняло: тогда изъ сихъ Собраній вышелъ общій манифестъ противъ Собранія, въ коемъ называли его похитителемъ власти, а себя обьявили дѣйствительными. Въ ту же минуту явилось опредѣленіе, коимъ повелѣвалось разойтись симъ Собраніямъ. Никто не повиновался, и

Новое злоумышленіе членовъ Собранія на свободу избраній.

послѣдствія сего сопротивленія произвели гибельный день Вандемьерской.

Между тѣмъ самовластные повелители междуцарствія не хотѣли унизить своего достоинства: они для опыта распространили свою тиранію на избирательное общество, имѣвшее свои засѣданія въ Французскомъ театрѣ. Вооруженная сила, пришедъ, приказала ему именемъ правительства разойтися, и Избирательное Собраніе, не имѣющее другихъ средствъ для сопротивленія, кромѣ журналовъ и пустыхъ манифестовъ, тотчасъ разошлось.

Сей успѣхъ въ самовластіи подалъ поводъ членамъ Собранія къ нанесенію другаго удара. Для устрашенія отдѣленій, они взяли изъ темницъ прежнихъ членовъ революціонныхъ Комитетовъ, обвиненныхъ въ разбойничествѣ и насильномъ воровствѣ, и заключенныхъ въ оковы въ теченіе Термидора; присовокупили къ нимъ другихъ разбойниковъ, обвиняемыхъ въ Сентябрскихъ убійствахъ, и составили полкъ изъ сихъ новыхъ защитниковъ отечества, извѣстныхъ подъ именемъ патріотовъ 1789 года. Сія шайка разбойниковъ, въ изорванной одеждѣ съ страннымъ оружіемъ, и варварскими воплями наводившая ужасъ, побѣжала по главнымъ частямъ Парижа, и особливо по окрестностямъ Одеона. Такимъ образомъ явно возбуждало къ войнѣ Парижскія отдѣленія то самое правительство, которое обязано имъ покровительствовать, или по крайней

мѣрѣ смотрѣть за ними, коль скоро они не возмущали общественнаго порядка. Предсѣдатели отдѣленій не упустили сего случая. Тогда возгорѣлась междоусобная война Вандемьерская, въ которой щастіе склонилось на сторону Собранія.

Собраніе вмѣсто того, чтобъ показать себя великодушнымъ и тѣмъ успокоить умы, начало весьма сильно раздражать ихъ приготовленіемъ къ жестокому и безполезному мщенію. 15 Вандемьера приказало опредѣленіемъ обезоружить отдѣленія. Другимъ закономъ, гораздо вреднѣйшимъ для общественнаго порядка, учредило три коммисіи или три отдѣленія революціоннаго судилища, для учиненія рѣшительнаго приговора надъ жителями Парижскими, въ обвиненными въ мнимомъ преступленіи оскорбленіи народнаго величія, которое въ самомъ дѣлѣ было только хитрая увертка.

Первыя засѣданія сихъ военныхъ коммисій заставили опасаться, чтобъ не ожилъ злой духъ Дюмаса и Фукье-Тенвиля. Смертный приговоръ произнесенъ былъ какъ надъ Предсѣдателемъ Избирательнаго Собранія, бывшаго въ театрѣ Французскомъ, такъ и надъ его Секретаремъ. Первый скрылся отъ убійцъ; а другой, когда хотѣли его схватить жандармы, пронзивъ себя кинжаломъ, испустилъ послѣдній вздохъ на эшафотѣ. На третій день 18 другихъ обвиненныхъ осуждены были на казнь. Въ семъ числѣ были семь Предсѣдателей отдѣленія

и одинЪ начальникЪ колонны, по имени Лафондъ, человѣкЪ молодой, подававшій отечеству лестнѣйшую надежду, который одинЪ только и пострадалЪ. Прочіе для избѣжанія бури скрывались нѣсколько времени; и хотя узнали ихЪ убѣжище, однакожЪ патріоты 1789 года закрыли свои глаза. Вскорѣ сіи обвиненные явились, и уже не покушались болѣе на ихЪ свободу.

Главный изЪ осужденныхЪ коммисіею былЪ ГенералЪ ДаниканЪ, который уѣхалЪ вЪ ЛондонЪ, гдѣ и издалЪ защищеніе о своей скромности во время Вандемьерскаго дня. Сія рѣчь болѣе бы имѣла дѣйствія, ежели бы представлена была вЪ видѣ ругательнаго сочиненія на всѣхЪ исправлявшихЪ тогда верховную власть.

НаконецЪ протекли 36 дней междуцарствія, и Директорія, заступивЪ мѣсто Собранія, приняла вожди правленія.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Исторія республиканскаго засѣданія съ новаго порядка вещей, введеннаго конституціею 1795 года, до учрежденія Консульскаго правленія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Составленіе двухъ Совѣтовъ и Директоріи.— Первыя историческія произшествія новой республики.

26 Октября или 4 Брюмера республиканской эры кончилось междуцарствіе. Въ сей день Предсѣдатель Народнаго Собранія объявилъ, что кончились засѣданія Собранія. Сіе не возбудило никакого пріятнаго чувствованія, ибо видѣли, что сіе, по справедливости жестокое правительство, не смотря на всеобщее негодованіе, навсегда утверждало власть свою и правила подъ другими именами. Но Парижъ и департаменты наскучили своими возмущеніями, неудачно обдуманными и слабо производимыми. Никакимъ неудовольствіемъ не могли тревожиться. Франція тайно ненавидѣла новое правительство но скоро, по видимому, забыла не только Фруктидорскія опредѣленія и злодѣйство междуцарствія, но и самую побѣду Вандемьерскую.

Составленіе двухЪ Комитетовъ и директоріи.

ВЪ тотЪ же 26 день Октября поступили кЪ избранію двухЪ третей того самаго Собранія, которое два года и мѣсяцЪ угнетало Францію, а теперь должно продолжать свои засѣданія подЪ именемЪ *Совѣта Старѣйшинъ* и *Совѣта Пятисотъ*. ЧтобЪ переворотЪ сей казался не столь ненавистнымЪ, сдѣлали пышное обЪявленіе, и опредѣленіемЪ утвердили дѣйствительность третьей конституціи, вышедшей вЪ теченіи четырехЪ лѣтЪ для великаго народа, жаднаго кЪ новостямЪ. Конституція сія была изЪяснена худо и по необходимости скоро возбудила различныя партіи, отЪ коихЪ попеременно получала преобразованіе; почему и не могла болѣе двухЪ прежнихЪ служить спасеніемЪ среди крушеній.

РазумЪ, общественная польза и остающійся стыдЪ требовали, чтобЪ по составленіи СовѣтовЪ СтарѣйшинЪ и Пятисотнаго, избраны были члены Директоріи внѣ Законодательнаго Собранія. Всѣ надѣялись сего, но обманулись. Прежнее Собраніе усильно старалось скрыть отЪ наказанія свои долговременныя злодѣйства и соединить вЪ себѣ три власти, и новое правительство не могло не допустить той же теоріи. Оно вЪ исполненіи не употребило никакой осторожности, и хитрость, имЪ сдѣланная, не была достойна Махіавеля. Законодатели междуцарствія постановили, что СовѣтЪ ПятисотЪ составитЪ списокЪ КандидатовЪ; а Старѣйшины по сему списку изберутЪ чле-

новъ новой исполнительной власти. Совѣтъ Пятисотъ, пріобыкшій ко всѣмъ дерзкимъ хитростямъ, наполнилъ свой списокъ именами маловажными и совершенно неизвѣстными, такъ что выборъ не иначе могъ пасть, какъ почти на десять членовъ Собранія, принимавшихъ участіе въ революціи. Совѣтъ Старѣйшинъ ясно увидѣлъ разставляемыя сѣти; но никакой существующій законъ не могъ ихъ уничтожить: онъ только помѣстилъ въ спискѣ пятидесяти Кандидатовъ людей не столь худыхъ, Ларевельера, Летурнера, Сіеса, Ревбеля и Генерала Барраса.

Сіесъ или по скромности, или по недовѣрчивости къ твердости новаго порядка вещей, отказался отъ принятія исполнительной власти. На мѣсто его поступилъ Карно, республиканецъ мужественный, честный и просвѣщенный, который даже принятъ былъ въ Лондонскій кабинетъ для составленія побѣды.

Промѣнъ дочери Лудовика XVI.

Въ Тамплѣ забыли дочь Лудовика XVI. Юность, мужество и искренность, съ которымъ переносила она долговременное свое нещастіе, заставили уважать ее самое сонмище гонителей. Директорія вскорѣ по открытіи своемъ вздумала промѣнять сію важную жертву возмущеній на государственныхъ плѣнниковъ. Сіи плѣнные были Генералъ Бернонвиль, Камюсъ и нѣкоторые другіе заключенные въ крѣпости Ольмюцъ. Австрійскій домъ приступилъ къ договору;

и Принцесса, дочь Короля, уѣхала вѣ Вѣну и сочеталась бракомѣ сѣ Герцогомѣ Ангулемскимѣ.

Нарушеніе народнаго прав въ особѣ посланника.

Самое благо обращалось вѣ сіе время во зло: такое владычество имѣлѣ еще духѣ виновниковѣ безначалія. Директорія, будучи тѣмѣ подозрительнѣе, чѣмѣ власть ея была ограниченнѣе, почла дурнымѣ знакомѣ, что Тосканскій посолѣ, коего Государь былѣ свойственникѣ Принцессѣ, началѣ просить позволенія о свиданіи сѣ нею вѣ Тамплѣ. Сіе намѣреніе Членамѣ Директоріи показалось умышленіемѣ похитить Принцессу до промѣна: они приказали послу выѣхать изѣ Парижа вѣ 24 часа. Великій Герцогѣ не имѣлѣ ста тысячь человѣкѣ, чтобѣ требовать удовлетворенія, почему и оставилѣ безѣ вниманія сіе оскорбленіе.

Начало примиренія, положенное вѣ Вандеѣ.

Благоразуміе Директоріи, употребленное для примиренія Вандеи, можно почесть лучшею жертвою, принесенною народной нравственности. Всѣ злодѣйскія покушенія прежнихѣ республиканцевѣ противѣ нещастной сей страны, адскія колонны, опредѣленія о сожженіи хижинѣ земледѣльцевѣ, гоненія и казни до сего времени служили только вѣ возбужденію междоусобной войны: новая исполнительная власть, болѣе свѣдущая вѣ началахѣ политики и болѣе человѣколюбивая, дала Генералу Гошѣ тайныя приказанія; а сей, имѣя спокойныя мысли и терпимость вѣ сердцѣ, простерѣ спасительную руку Вандейцамѣ, постарался склонить

на свою сторону начальниковъ, и такимъ образомъ расположилъ къ соединенію.

Казнь Стофлета и Шарета

Къ нещастію Гошъ былъ извѣстенъ въ Западныхъ департаментахъ слабостію, оказанною слѣпымъ повиновеніемъ къ прежнему правительству, нарушившему договоръ съ Сомбревилемъ во время ненавистнаго Киберонскаго сраженія. Мятежники, и особливо Стофлетъ и Шаретъ, предводительствовавшіе оными, опасаясь вѣроломства, не полагались на убѣжденія Гоша, и продолжали войну съ величайшимъ жаромъ. Она была для нихъ нещастна, потому что они, взирая на уменьшеніе жестокихъ мѣръ, предписываемыхъ Генералу Гошъ, не отгадали ни его великодушія, ни щастія.

Стофлетъ, простой смотритель за охотою, сдѣлавшійся своими подвигами предводителемъ войска, состоящаго изъ 60 000 человѣкъ, былъ захваченъ въ крестьянской хижинѣ отрядомъ подвижной колонны Гоша. Его утащили въ Анжеръ и предали военному суду. Онъ кончилъ почтенную жизнь свою, во время которой былъ на 150 сраженіяхъ, поносною казнію.

Участь Шарета была точно такая же, какъ и Стофлета. Онъ едва получивъ отъ Королевскаго брата, находившагося тогда въ Веронѣ, граммату на званіе предводителя Католическо - Королевскаго войска, началъ уже располагать планъ для похода, чтобъ соединить противъ Гоша всѣ мятежническія силы, разсѣянныя по четыремъ Ван-

дейскимъ департаментамъ. Тогда нѣкоторые волонтеры, узнавъ, что за голову его назначена плата, и гоняясь за нимъ шесть часовъ, наконецъ поймали и утащили въ Нантъ, гдѣ и предали Военному Совѣту. Смерть сего храбраго начальника, находившагося въ свойствѣ съ лучшими домами въ Великобританіи, произвела крайнее сожалѣніе. Ничто не равнялось съ его спокойнымъ мужествомъ, оказаннымъ имъ предъ судіями и предъ множествомъ зрителей, стекшимся на площадь видѣть его казнь. Таковая твердость привела недовольныхъ въ сомнѣніе о справедливости дѣла, защищаемаго Гошемъ.

Сіи двѣ казни, коихъ стыдился побѣдитель, не смотря что оными примирилъ Вандею, кончили походъ. Все покорилось движущимся колоннамъ: неустрашимый Ссепо, столь часто поражавшій Генераловъ безначалія, положилъ оружіе предъ Генераломъ Директоріи. Одинъ только Графъ Фроте, предпочитающій свои мнѣнія личнымъ выгодамъ, отправился къ Королю Великобританскому испросить себѣ убѣжища.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Заговоръ Бабефа.

1796. Между тѣмъ *Гора*, отчаявшись при новомъ порядкѣ вещей пріобрѣсть прежнее могущество, тайно замышляла о произведеніи 31 Маія и дней Преріальскихъ. Она, во

время минутнаго примиренія Вандеи, сдѣлала послѣднее усиліе посѣять ужасъ въ тогдашній порядокъ, и таково было начало заговора Бабефа.

Къ щастію народнаго спокойствія, сей Бабефъ, какъ и Неапольскій Мазаніелло, былъ человѣкъ безъ дарованій, и недостатокъ сей замѣнялъ одною дерзостію. Планъ его былъ глупый и безчеловѣчный. Онъ ночью 11 Маія намѣревался ввести въ Парижъ множество Санкюлотовъ, по неизвѣстности своей укрывшихся даже отъ надзора полиціи и отъ правосудія, осудившаго ихъ на эшафотъ; забрать съ собою всѣхъ людей изъ черни, кои встрѣтятся съ мятежниками на пути, дабы устрашить множествомъ начальниковъ воинскихъ; поощрять личною выгодою народъ, отдавая имъ на разграбленіе домы подозрѣваемыхъ въ аристократіи, и овладѣвъ вдругъ всѣми притинами, опасными для заговорщиковъ, дать праздникъ Варѳоломея лучшимъ членамъ обоихъ Совѣтовъ и возстановить торжественно республиканское уложеніе Герольта Сешеля.

Не смотря на клятву, наблюдаемую неустрашимыми злодѣями, тайна, сообщенная весьма великому числу подчиненныхъ повѣренныхъ, открылась. Окружили домъ, въ которомъ составлялся заговоръ, и нашли въ ономъ законодателя Друета, того самаго, который остановилъ Лудовика XVI въ Вареннѣ. Подобно Катилинѣ, онъ говорилъ заговорщикамъ рѣчь, имѣя кинжалъ въ рукѣ;

читалъ имъ начертаніе мятежническаго Комитета, и собраніе печатныхъ обЪявленій, въ коихъ содержалось, что всякой человѣкъ, который будетъ признавать другую власть, кромѣ власти самодержавнаго народа, преданъ будетъ смерти. Такимъ образомъ начальники заговора, схваченные въ самомъ преступленіи, могли пробормотать только глупое защищеніе, отдались подъ стражу, и правительство учредило для сужденія виновныхъ нѣкотораго рода полномочную уголовную палату въ Вандомѣ.

Ежели бы Бабефъ и Друетъ были только одни заговорщиками, оный бы совершенно разрушился; но нѣсколько сильныхъ людей въ обоихъ Совѣтахъ поддерживали оный. Сіи люди были тѣ члены Собранія, кои, противъ народнаго желанія, удерживали за собою правительственную власть далѣе положеннаго срока. Хотя они дѣйствовали въ заговорѣ тайнымъ образомъ, однако показали, что ежели бы ихъ и лишили довѣренности, они не остались бы безъ могущества.

Во время, когда Директорія, взявъ подъ стражу нѣкоторыхъ начальниковъ, безразсудно предавалась безпечности, извѣщается, что насильно исторгли изъ заключенія Друета, и что народныя шайки пришли вооруженныя въ Гренельской станъ для возмущенія онаго, дабы принудить республику возвратиться къ прежнимъ правиламъ.

Случай помогъ Директоріи болѣе, нежели

благоразуміе. Оказалось, что солдаты Гренельскаго стана не захотѣли расхищать добычи съ подлыми Санкюлотами. Они обратили оружіе противъ толпы мятежниковъ, изъ коихъ самые дерзкіе погибли въ сраженіи; прочіе испросили прощеніе. Выбрали изъ нихъ 52, кои казались опаснѣе, и сковавъ, проводили въ Парижскія темницы. Военная Коммисія тотчасъ принялась за дѣло ихъ, и въ пять засѣданій осудила 52 плѣнниковъ, равно и прочихъ 82 обвиненныхъ, на коихъ имѣли подозрѣніе въ соучастіи. Приговорили 30, кои меньше были виновны, къ ссылкѣ, 31 изъ главныхъ разстрѣляли въ Гренельскомъ станѣ, и спокойствіе, по видимому, мало по малу начало возраждаться въ столицѣ.

Вотъ ясное доказательство, что заговоръ Бабефа получалъ свою силу въ кругу двухъ Совѣтовъ. Въ числѣ 30 разстрѣлянныхъ мятежниковъ въ Гренельскомъ стану находились три изъ прежнихъ членовъ Собранія, кои обыкновенно засѣдали на *Горѣ*. Соумышленники ихъ, находившіеся въ двухъ третяхъ, не могли способствовать имъ къ побѣгу и не смѣли мстить за нихъ.

Верховная Вандомская палата провела многіе мѣсяцы въ разсматриваніи сего заговора, который, по очевидности, можно было кончить въ нѣсколько дней. Соумышленники Парижскіе такъ сильно дѣйствовали, что только девять обвиненныхъ подверглись смертной казни. Семь заговорщиковъ приго-

ворены къ ссылкѣ, и одинъ Бабефъ съ Дарте осуждены на смерть. По прочтеніи приговора, сіи бѣшеные республиканцы поразили себя кинжалами; но жандармы обезоружили ихъ и живыхъ еще привезли на мѣсто казни.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Война въ Германіи. Торжество Франціи и ея нещастія.

Побѣда Рейбахская, одержанная Французами надъ Имперцами.

Между тѣмъ какъ Франція, вооружаясь сама противъ себя, терзала собственную утробу, державы, угрожавшія ей испровержені емъ, намѣревались стѣснить ея предѣлы. Во время сего достопамятнаго похода успѣхи были весьма перемѣнчивы. Съ одной стороны арміи Маасская и Самбрская одержали побѣду надъ Австрійскою на сраженіи Рейбахскомъ; съ другой Рейнская и Мозельская, принужденная умнымъ движеніемъ непріятеля къ скорому отступленію, погибли бы, ежели бы великое благоразуміе Генерала Моро не возвратило побѣды подъ ихъ знамена.

Взятіе Киля, побѣда Оффенбургская одержанная Генераломъ Моро.

Онъ перешелъ Рейнъ не смотря на разлитіе рѣки, противъ крѣпости Келля, защищавшей окопы оной, взялъ штыками укрѣпленія съ пушками. За симъ торжествомъ послѣдовало взятіе крѣпости и побѣда Оффенбургская. Тогда можно было привесть въ дѣйствіе планъ, выдуманный Французскою дипломатикою, который всѣ Европейскіе

кабинеты предвидѣли, и который не скрывали Французы. Сей планъ, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, состоялъ въ томъ, чтобъ сдѣлать сообщеніе между арміею Самбрскою, Мааскою и Италіянскою посредствомъ Рейнской и Мозельской, покорить всѣхъ непріятелей Франціи и перемѣнить чрезъ то равновѣсіе Европы.

Взятіе Франкфурта.

Генералъ Клеберъ, ободренный побѣдами Моро, въ другомъ мѣстѣ перешелъ Рейнъ, овладѣлъ важною крѣпостію Франкфуртскою и намѣревался покорить большую часть малыхъ Нѣмецкихъ княжествъ.

Сраженіе Нирегеймское, на которомъ никто не былъ побѣдителемъ.

Республика торжествовала вездѣ, доколѣ не пришелъ Эрц-Герцогъ Карлъ, единственный непріятель, достойный ея, и геніемъ своимъ и подвигами оживилъ надежды союзниковъ. Произошло кровопролитное сраженіе при Нирегеймѣ, продолжавшееся 17 часовъ. Ни которая армія не хотѣла уступить, и Генералъ Французскій, равно и Принцъ Карлъ, провели ночь на полѣ сраженія.

Бернонвиль принимаетъ отъ Генерала Журдана начальство надъ арміею Самбрскою и Мааскою.

Такое сраженіе было ударомъ для Франціи. Французы были еще нещастнѣе въ другихъ мѣстахъ. Генералъ Журданъ, подавляемый дѣятельнымъ и хитрымъ непріятелемъ, съ которымъ ему надлежало сражаться, къ помраченію славы своей, пріобрѣтенной на битвѣ Флерійской, вышелъ изъ Ниремберга и Бамберга, и пришедъ къ Кельну, подобно бѣжавшему, принужденъ былъ здать Бернонвилю начальство надъ войскомъ, не имѣвшимъ къ нему довѣренности.

Благоразумное отступленіе Генерала Моро.

Въ то же самое время, какъ арміи Самбрская и Маасская теряли такимъ образомъ прежнюю свою славу, армія Реинская и Мозельская, остающіяся при слабыхъ своихъ пособіяхъ, принуждены нашлись отступать обратно. Тогда Французская армія, уступая не дарованіямъ своихъ непріятелей, но превосходству силы ихъ, увидѣла себя принужденною оставить страну, служившею позорищемъ ея славы, и совершила чрезъ сто миль достопамятное отступленіе.

Имперцы отнимаютъ Киль.

Походъ со стороны Имперцевъ кончился взятіемъ крѣпости Кельской. Сія крѣпость, которую одинъ Реинъ укрѣплялъ, оказала героическое сопротивленіе. Потребно было 50 дней для принужденія ея къ здачѣ по открытіи траншей. Эрц-Герцогъ Карлъ, почитая за безчестіе снять осаду, рѣшился непремѣнно взять столь маловажную крѣпость. Сіе упорство, отъ котораго долго Вѣнскій кабинетъ стеналъ, воспрепятствовало Австрійскому герою притти на помощь Мантуѣ и предало Италію непобѣдимому Бонапарте.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Достопамятный походъ Бонапарте въ Италію.

Сраженіе Флерійское, завоеваніе Голландіи, учиненное Пишегрю, знаменитое отступленіе Генерала Моро ничего не значатъ въ сравненіи съ торжествомъ Бонапарте во время славнаго его похода въ Ита-

лію; особливо ежели представять низкую точку, съ которой онъ ступилъ для достиженія того періода славы, коею онъ покрылъ себя; ежели разсудять о важныхъ послѣдствіяхъ, происшедшихъ отъ его удачной отважности; ежели увѣрятся, что битвы Лодійская и Аркольская проложили ему изъ отдаленности путь мечтать о всеобщей монархіи.

Нѣтъ нужды говорить о Бонапарте до его похода въ Италію. Онъ пошелъ къ славѣ съ того дня, какъ Директорія отдала ему начальство надъ войскомъ; онъ самъ себя возвысилъ; себѣ самому одолженъ славою, и потомство будетъ затрудняться, какъ именовать его.

Въ 1796 году, Италія, раздробленная на малыя независимыя владѣнія, не имѣвшія между собою союза для прикрытія своей слабости, приведенная въ слабость художествами, распространившими роскошь, вдругъ увидѣла себя поражаемую 200,000 тысячь человѣкъ, введенныхъ въ нее Генераломъ Болье отъ имени Австрійскаго дома. Сія Италія, составляя тайный предметъ честолюбія, пожирающаго республику, преставала уже существовать, когда Бонапарте предложилъ о завоеваніи оной. Онъ требовалъ 100,000 человѣкъ. Съ трудомъ дали ему 60,000: но обширный умъ есть волшебный прутъ, претворяющій препятствія въ пособія; сей умъ въ ариѳметикѣ щастія равенъ былъ милліону людей. 1796.

Первую пальму на войнѣ получилъ Бона-

Первыя побѣды, одержанныя Французами.

парте при Монтенотть. Сраженіе происходило 11 Апрѣля 1796 года, и онъ одержалъ побѣду. Непріятель началъ собираться подъ знамена, какъ герой Французскій на третій день принудилъ его гораздо къ рѣшительнѣйшему сраженію при Миллезимо, на которомъ Австрійцы потеряли 9000 человѣкъ. Сіи торжества дарованій надъ щастіемъ увѣнчаны были побѣдою при Мандови, ежели не блистательнѣйшею, по крайней мѣрѣ полезнѣйшею изъ всѣхъ; потому что достопамятныя завоеванія были послѣдствіемъ оной. Изъ прокламаціи Генерала къ своему войску видно, что Французы, во время сего славнаго похода, переходили рѣки безъ мостовъ, одерживали побѣды безъ пушекъ, и часто большія разстоянии проходили безъ хлѣба.

Сардинскій Король не былъ Викторъ Амадей; онъ дорого заплатилъ за покушеніе сразиться съ побѣдителемъ Италіи. Опасаясь лишиться престола, онъ рабски купилъ непрочный миръ, уступивъ Графства Тендское и Ницкое и Савоію республикѣ.

Сраженіе Лодійское.

Между тѣмъ Больѐ, непрестанно поражаемый непріятелемъ, котораго онъ сначала презиралъ, еще не отчаявался. 10 Маія занялъ онъ съ новыми силами берега Адды. Не далеко отсюда былъ мостъ чрезъ Лоди, защищаемый ста пушками и десятитысячнымъ корпусомъ. Бонапарте отдѣлилъ колонну изъ 4000 гренадеръ, кои и сбили съ сего мѣста штыками; потомъ рес-

публиканская конница перешла чрезъ рѣку въ бродъ съ великою опасностію и разорвала во всѣхъ мѣстахъ Австрійское войско, которое пошло для соединенія въ главные города Ломбардіи.

Завоеваніе Ломбардіи.

Побѣдитель Ломбардіи, пользуясь возбужденнымъ ужасомъ, явился предъ Миланомъ, гдѣ имѣлъ тайныя сношенія, и принудилъ сей городъ осадить собственную крѣпость, которая долго держалась, и здалась уже на договоръ во время перемирія Папы съ Республикою. Сей вызовъ на нѣкоторый родъ междоусобной войны взволновалъ умы. Тогда произведено было возмущеніе. Побѣдитель для избѣжанія новаго вѣроломства принужденъ былъ прибѣгнуть къ строгости, обезоружилъ зрителей и приказалъ казнить начальниковъ возмущенія. Павія еще дороже заплатила за бунтъ, произведенный больше съ дерзостію, нежели съ хитростію. Правительство ея было разстрѣляно, а главные изъ дворянъ отвезены вмѣсто аманатовъ во Францію. Сіи воинскія строгости возымѣли желанное дѣйствіе; города принесли ключи свои прежде, нежели открылась траншея предъ ихъ укрѣпленіями; имперскія колонны разсѣялись, и скоро войска, оставшіяся вѣрными союзнымъ державамъ, по разбитіи, укрывались только въ окопахъ Мантуи.

Сіе непрерывное торжество Французскихъ войскъ встревожило подозрительную Венецію, которая дала въ Веронѣ убѣжище на-

чальнику настоящей данастіи Бурбоновъ. Сенатъ приказалъ ему выѣхать изъ ея владѣній. Конечно, трудно было сей республикѣ, прежде столь цвѣтущей, принять мѣру, обнаруживающую ея слабость; но время ея славы прошекло, и все, что она могла тогда сдѣлать для отвращенія своего паденія, состояло въ уваженіи страшнѣйшей стороны.

Раздѣленіе владѣній Папы и миръ его съ республикой

Папа до сего времени оставался въ покоѣ; но Директорія, при своей мечтательной вѣрѣ Ѳеофилантроповъ, имѣла нѣкоторые предразсудки противъ фанатизма сей державы. Бонапарте, по тайному приказанію Правительства, велѣлъ своимъ Генераламъ захватить Болонію и нѣкоторыя важныя крѣпости въ Церковныхъ областяхъ. Тогда Испанскій Посолъ у Папы кавалеръ Азара склонилъ въ посредничество свою державу. Сдѣлали рѣшительный договоръ между Римомъ и Республикою Французскою; и Пій VI, для удержинія призрака самодержавія, отдалъ Болонію, Феррару и Анконскую крѣпость съ отличными произведеніями изъ своей галлереи, 500 рукописей изъ Ватиканской библіотеки, и заплатилъ за войну 21 милліонъ.

Но Италіянцевъ, нетерпящихъ никакого ига, удобнѣе было побѣдить, нежели покорить. Во всѣхъ сторонахъ возникли возмущенія. Въ сіе самое время Австрійское войско набиралось въ Тиролѣ, и Вюрмсеръ, будучи щастливѣе Болье, принудилъ республиканцевъ выпти изъ Вероны и снять

осаду съ Мантуи. Бонапарте въ семъ трудномъ положеніи удвоилъ хитрость и дерзость: онъ умомъ своимъ располагалъ происшествіями, и республика ни на шагъ не отступила. Одно изъ таковыхъ чудесъ, весьма извѣстное въ Европѣ, было взятіе 4000 Австрійцевъ въ плѣнъ съ 1200 человѣкъ. Таковые герои, какого бы ни были происхожденія, вездѣ побѣждаютъ, гдѣ ни сражаются; вездѣ царствуютъ, гдѣ ни приступятъ къ правленію.

Послѣ Болье и Вюрмсера, Фельдмаршалъ Альвинчи испыталъ силы съ завоевателемъ Италіи, и былъ не щастливѣе. Оба войска встрѣтились на болотистой равнинѣ, недалеко отъ селенія Арколы. Тамъ былъ мостъ подобной Лодійскому; но превосходство непріятельской артиллеріи воспрепятствовало взять его штыками. На семъ мѣстѣ произошло сраженіе, которое продолжалось три дни съ перемѣнными успѣхами. Наконецъ Бонапарте, наскучивъ безполезнымъ кровопролитіемъ, приказалъ одной запасной колоннѣ переправиться вдоль по Аджи для развлеченія Фельдмаршала Альвинчи. Сей хитрый оборотъ склонилъ побѣду на сторону Французовъ, и Австрійскій военачальникъ принужденъ былъ для избѣжанія пораженія дать знакъ къ отступленію. Сраженіе Арнольское.

Нѣсколько спустя позорище военное перемѣнилось и храбрый Альвинчи не лучшее имѣлъ щастіе. Онъ проигралъ два сраженія сряду, Фаворитское и Ривольское. Послѣднее Сраженіе Фаворитское и Ривальское.

было одно изъ достопамятнѣйшихъ во время Италіянскаго похода. Непобѣдимые Бонапартевы легіоны убили и ранили 6000 Австрійцевъ, 25,000 взяли въ плѣнъ, и отняли 60 пушекъ. Сіи достопамятныя происшествія случились въ концѣ 1796 года. Тогда герой пріобрѣлъ себѣ права, кои дали ему возможность по времени принять титулъ Короля Италійскаго.

1797. Новыя непріятельскія дѣйствія противъ Рима. Миръ Толентинской.

Между тѣмъ союзъ (*) съ Римскимъ повелителемъ, заключенный посредствомъ Кавалера Азары, не примирилъ Директоріи съ Піемъ VI. Сія Директорія, по ненавистной своей философіи, старалась всѣми силами уничтожить центръ перваго изъ Откровеній въ Европѣ. Сверхъ того Папа, не любившій и не могшій любить Французской революціи, не всегда скрывалъ свои чувствованія. Народъ во всѣхъ Церковныхъ областяхъ и въ самомъ Римѣ безопасно умерщвлялъ Французовъ, коихъ не могъ побѣдить на полѣ чести. Всѣ сіи соображенія заставили Бонапарте паки обратить оружіе противъ Первосвященника. Генералъ Викторъ, его помощникъ, вооруженною рукою вошелъ въ Церковныя владѣнія, овладѣлъ крѣпостями и похитилъ милліонъ изъ

(*) Чтобъ не раздробить похода Бонапартева въ Италію, и чрезъ то не уменьшить любопытства, имъ возбуждаемаго, принуждены коснуться происшествій 1797 года. Послѣ сей главы возвратимся къ внутреннимъ происшествіямъ сего года, и начнемъ сію исторію продолжать по хронологическому порядку.

казны Лорешской Богородицы. Пій VI не хотѣлъ ожидать приближенія его къ Риму и вручить ему въ полную власть мирныя условія. Бонапарте показалъ себя великодушнымъ; онъ подписалъ, 17 Февраля 1797 года, договоръ Толентинскій, по которому Романія оставалась независимою, учреждался Французскій гарнизонъ въ Анконѣ и повелѣвалось заплатить за военныя издержки 31 милліонъ. Тогда Пій VI еще почиталъ себя нѣсколько минутъ наслѣдникомъ власти Григорія VII и Венедикта XIV.

Переговоры съ Австріею. Предварительныя статьи Леобенскія.

Въ сіе время Эрц-Герцогъ Карлъ шелъ поспѣшно въ Италію испытать силы свои съ достойнымъ соперникомъ. Бонапарте, ослабѣвшій отъ самыхъ побѣдъ, имѣлъ тогда одни только почтенные остатки побѣдителей Лодійскихъ и Аркольскихъ. Онъ, принужденъ будучи сжать свои ряды и отступить, при свиданіи съ Маркизомъ Галло, Посломъ Короля Неапольскаго, весьма тонко замѣтилъ, что не будетъ уклоняться отъ прочнаго мира Франціи съ Австрійскимъ домомъ, ежели сдѣлаютъ ему предложенія, не постыдныя для великаго народа. Слова сіи дошли до Императора; онъ смирилъ свое высокомѣріе и согласился на общее примиреніе, хотя и желалъ предписывать условія.

Между тѣмъ Французскій герой не ослѣпился надеждами на столь слабые переговоры. Для заключенія выгоднѣйшаго мира онъ умножилъ свои славныя воинскія дѣй-

ствія. Выигралъ Невмаркское сраженіе и сдѣлалъ сообщеніе съ тремя Генералами, кои, успѣвъ пройти чрезъ Тироль, соединились посредствомъ долины Дравской съ большею арміею. Онъ, показывая себя въ видѣ страшномъ, хотѣлъ привесть въ робость непріятелей, не смотря на тѣсныя обстоятельства, и успѣлъ то сдѣлать. Императоръ, опасаясь, чтобъ повелитель Италіи, пришедши къ Вѣнѣ, не потрясъ въ самыхъ основаніяхъ престола Цесарей, началъ просить перемирія. Бонапарте сего только и желалъ для своей славы. Будучи столько же дѣятеленъ въ дипломатикѣ, какъ и на полѣ сраженія, сократилъ переговоры, продолжавшіеся только 9 дней. Уполномоченные 16 Апрѣля положили основанія договора и подписали предварительныя статьи. Сей Леобенскій миръ, кажется, заключенъ былъ по внушенію Люксембургскаго кабинета. Императоръ отказался отъ верховной власти на Миланъ и Белгію, и согласился, чтобъ Реинъ служилъ границами между Франціею и Германіею; но въ награду за свои пожертвованія, по тайной статьѣ, Венеція должна быть уступлена навсегда Австрійскому дому.

Не смотря на краткость времени, протекшаго съ открытія переговоровъ до подписанія договора Леобенскаго, Императору дорого стоило столь медленное объявленіе надобности, которую онъ имѣлъ въ мирѣ. Въ сей промежутокъ Генералъ Моро перешелъ

Рейнѣ, не смотря на огонь Австрійскаго войска, сражавшагося 30 часовѣ безѣ успѣха для воспрепятствованія Французамѣ переправы. Генералѣ Гошѣ со своей стороны вѣ тотѣ самый день, когда подписаны были предварительныя статьи, одержалѣ важную побѣду, гдѣ, послѣ кровопролитнаго сраженія, взялѣ 7000 военноплѣнныхѣ.

За 20 дней до сего, Римѣ, дважды покупавшій мирѣ у Бонапарте, и непрестанно гонимый тайною ненавистію Директоріи, принужденѣ былѣ просить себѣ сѣ униженіемѣ третьяго прочнѣйшаго. Мирѣ сей дѣйствительно подписанѣ былѣ 17 Февраля 1799 года; но такова была вражда между обѣими державами, что всѣ сіи сѣмена согласія скоро исчезли. Почтенный Пій VI долженѣ быть наконецѣ свергнутѣ сѣ престола. Такѣ угодно было членамѣ Директоріи. Третій мирѣ сѣ Папою.

Венеція еще меньше времени ожидала своей нещастной участи. По тайной статьѣ Леобенскаго договора отдавали ее подѣ иго Австрійскаго дома. Вмѣсто того, чтобѣ принять благоразумныя мѣры для защищенія своего среди лужѣ Адріатическаго моря, данныхѣ ей природою для обороны, она по слабости закрывала глаза отѣ вѣроломства бунтующихѣ гражданѣ, умерщвлявшихѣ Французовѣ вѣ улицахѣ, вмѣсто вызова ихѣ на поле чести. Сія ненавистная хитрость погубила ихѣ: побѣдитель Италіи явился вѣ концѣ Маія предѣ симѣ могущественнымѣ городомѣ, который, во время Камбрей- Венеція перестала принадлежать самой себѣ.

скаго союза приводилъ Европу въ трепетъ. Дожъ и юнта Сената здались на договоръ прежде открытія пролома въ его укрѣпленіяхъ. Генералы Барагвей Гильеръ и Ожеро заставили выполнить статьи сего договора. По приближеніи ихъ Дожъ, великій Совѣтъ и государственные Инквизиторы сложили съ себя власть, и революціонное правительство объявлено было на время хранителемъ самодержавія.

Генуа покорена подъ владычество Французское.

За симъ происшествіемъ послѣдовало порабощеніе Генуи. Сей городъ издревле былъ республикою; но она учреждена была не по образцу Французской, а сіе казалось для Директоріи преступленіемъ. Сверхъ того подозрительная политика присоединилась къ революціонной ненависти. Генуа по положенію своему была ключемъ Средиземнаго моря, и опасались, чтобъ она не осталась подъ зависимостію Англіи, коей гордые флоты начинали владычествовать надъ двумя свѣтами. Почему Бонапарте получилъ приказаніе учредить Генуезское правленіе, по примѣру Французскаго; что значило иначе, сдѣлать изъ Генуи департаментъ великой республики. Посредство героя въ семъ случаѣ было безполезно. Долго Французскіе производители ужаса безпокоили тайно сей нещастный городъ; они успѣли въ немъ даже учредить *Гору* Санкюлотовъ, которая, по недѣятельности дворянства, то оставаясь спокойною, то терпя сильныя нападенія, по причинѣ хитрыхъ ея

злоумышленій, доставлявшихъ ей силу, о томъ только старалась, чтобъ предаться иностранной державѣ. Сія *Гора* помогла съ успѣхомъ Директоріи; и когда Бонапарте, по договору Монтебельскому, имъ самимъ составленному, рѣшился присоединить Генуюю къ Франціи, сей городъ не принадлежалъ уже себѣ, и слово *отечество*, еще въ немъ произносимое, оставалось значительно въ одной только его Грамматикѣ.

Чтобъ истребить древнюю независимость Генуи, сперва отняли у ней названіе: она сдѣлалась Лигурійскою республикою. Потомъ дали ей конституцію, и она должна была управляться законоположеніемъ 1795 года. Отъ сей конституціи, многократно перемѣняемой, произошло, что верховная власть долженствовала остаться въ Собраніи всѣхъ гражданъ, живущихъ въ городѣ и владѣніяхъ, ему принадлежащихъ, долженъ составиться Совѣтъ Старѣйшинъ изъ 60 членовъ; другой, образованный по примѣру Пятисотнаго, долженъ состоять изъ ста двадцати оныхъ; а исполнительная власть довѣрялась Директоріи, вмѣсто пяти, изъ пятнадцати членовъ: такъ опасались поручить всю власть малому количеству людей!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Конгрессъ Парижскій.—Прерваніе сношеній и отосланіе изъ Франціи Лорда Мальмезбури.

1796. Перегоры о мирѣ съ Англіею.

Англія не желала въ Италіи сей удивительной перемѣны, отъ которой рано или поздно равновѣсіе Европы должно поколебаться; что въ послѣдствіи могло уничтожить господствующую торговлю въ обоихъ свѣтахъ. Она предусмотрѣла намѣренія Директоріи, и когда узнала склонность ея ко всеобщему примиренію, которое не поносно было бы ни для ея политики, ни для славы оружія, то послала въ Парижъ искуснѣйшаго своего дипломатика, Лорда Мальмезбури.

Директорія не имѣла вольной политики Жаннина, Оссата и Даво: она увѣрена была, что кабинетъ Сент-Жемской старался только запутать военныя ея дѣйствія, и напротивъ сама запутала дипломатическія дѣйствія Мальмезбури. Директорія сперва начала тревожить Законодательное Собраніе, дабы оное запретило ввозъ во Францію Англійскихъ товаровъ; потомъ начертала планъ высадки войскъ въ Ирландію для произведенія междоусобной войны въ Англіи. Уполномоченный отъ Англіи съ своей стороны ясно доказалъ, что онъ способенъ къ увертками; но онъ провелъ драгоцѣнное время въ пустыхъ предварительныхъ статьяхъ. Первыя основанія конгресса положены были въ Мартѣ, а переговоры начались уже

въ концѣ Октября. Сія семимѣсячная отсрочка произвела совершенную перемѣну въ Французской политикѣ, которая основывала свои выкладки не на нравственности государствъ, но на успѣхахъ своего перевѣса въ Европѣ.

При первыхъ переговорахъ условились, что первостепенныя державы, бывшія въ войнѣ, получатъ взаимныя вознагражденія, ибо, по тогдашнему Махіавелизму, побочныя государства за ничто почитались; но когда надобно было означить именно сіи вознагражденія, то вся система Англійской дипломатики разрушилась: Мальмезбури, сколько ни прикрывалъ обыкновенною хитростію правила своего Кабинета, но когда услышали, что надлежало отдать Белгію Императору, Голландію Принцу Оранскому, а Италію возвратить прежнимъ владѣтелямъ, то не хотѣли болѣе и слышать о договорѣ. Тщетно уполномоченный предлагалъ, именемъ Георга III, возвратить безъ изъятія все, что ни было взято флотомъ его въ обѣихъ Индіяхъ. Такая скромность показалась сѣтями, разставляемыми для республики, которая, по важности побѣдъ своихъ, стремилась ко всеобщей монархіи. Съ сего времени Директорія, предавшись страстямъ своимъ и строгой своей политикѣ, начала говорить повелительно, и забывъ, что существуетъ народное право у всѣхъ образованныхъ народовъ, повелительнымъ образомъ приказала Англійскому Послу выѣхать

изъ Парижа въ 48 часовъ. Лордъ, столько же надмѣнный, сколько правители были высокомѣрны, отвѣчалъ, что онъ завтра же отправится въ Лондонъ, и здержалъ слово свое. Такимъ образомъ исчезли надежды, питаемыя сострадательными людьми о семъ Парижскомъ конгрессѣ, который называли во всѣхъ кабинетахъ предшественникомъ примиренія Европы. 19 Декабря 1796 года гордое Французское правительство отослало въ Лондонъ Лорда Мальмезбури.

Весьма ясно, что Директорія, продолжая переговоры о мирѣ, желала одной войны; что за нѣсколько дней до разрыва вооруженная эскадра изъ Бреста, подъ начальствомъ Морарда Галь, отправилась для сдѣланія высадки въ Ирландію. Сей Махіавелизмъ Французскаго правительства, обнаруженный при всѣхъ Европейскихъ дворахъ, не мало способствовалъ къ составленію новаго союза, который отнялъ у Франціи на нѣсколько времени власть надъ Италіею и, по чрезмѣрному злу, мало по малу произвелъ величайшее благо: паденіе Директоріи.

Впрочемъ сія высадка въ Ирландію, предположенная по вѣроломству, измѣнила надеждамъ Правительства. Двѣ эскадры, составлявшія флотъ, тщетно вступили въ заливъ Бантри: ужасная буря истребила возможность высадки. По тридцатидневной борбѣ съ стихіями, эскадры возвратились въ Брестъ. Много кораблей досталось въ

руки непріятеля, а другіе, разбившись о скалы, потонули.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

План, сдѣланный для произведенія во Франціи движенія въ пользу Бурбоновъ. Глупыя средства для исполненія. Уголовный судъ, отъ котораго пострадали начальники сего предпріятія.

Первое произшествіе, встрѣчающееся въ лѣтописяхъ Французскихъ 1797 года, есть покушеніе, предпріятое безъ ума и средства для испроверженія правительства и учрежденія на мѣсто онаго прежней монархіи. Сей родъ грезы дорого стоилъ повѣренному Бурбоновъ, по имени Дювернъ де Пресль, Бротьеру, племяннику знаменитаго издателя Тацита, и прежнему Парламентскому судьѣ Бертелоту Виллегернуа, который по состоянію своему и просвѣщенію долженъ былъ, кажется, имѣть характеръ кротчѣе. Никто изъ нихъ не имѣлъ склонности къ революціямъ, почему одна предосторожность полиціи могла разрушить ихъ планъ возмущенія. 1797.

Сей планъ состоялъ въ томъ, чтобъ сдѣлать изъ Тампля (болѣе неприступнаго для взятія и подкупа, нежели древняя Бастилія) родъ Люксенбургскаго замка, гдѣ бы представляющіе лицо Лудовика XVIII (кои по дѣлу не означались) имѣли засѣданіе, и откуда могли бы имѣть сношеніе съ своими повѣренными (равно неизвѣстными),

находящимися въ башнѣ Винсенской, въ Медонѣ и Версальскомъ замкѣ, коими овладѣть въ ту же минуту, (какъ бы магическая нѣкоторая сила вдругъ отворила всѣ ворота). Въ сiе самое время мятежники заперли бы Парижскiя заставы, овладѣли Марсовымъ полемъ, гошпиталiю инвалидовъ и мѣстомъ засѣданiя Правительства. Директорiя была бы захвачена, или оцѣнены головы ея членовъ. Члены обоихъ Совѣтовъ давали бы приказанiя въ своихъ домахъ и объявили бы всеобщiй миръ со всѣми Европейскими державами.

Вотъ ясное доказательство, что сей планъ возмущенiя былъ не что иное, какъ нескромная игра воображенiя добрыхъ людей; потому что приказано было онымъ щадить кровь Французскую, будто бы можно было надѣяться, что философскими мнѣнiями и выраженiями низложатъ людей, кои привыкли шесть лѣтъ укрощать ужасомъ миллiоны своихъ согражданъ.

Великой недостатокъ сего начертанiя состоялъ въ томъ, что хотѣли оживить Англiйскаго Монка, между тѣмъ какъ не имѣли, подобно ему, ни денегъ для подкупленiя, ни войскъ для исполненiя. Въ благоустроенномъ правленiи, гдѣ частная выгода не возбуждаетъ къ мщенiю, сей неосновательный заговоръ почли бы безумiемъ и виновниковъ онаго отправили бы въ домы сумасшедшихъ.

Одна хитрость полицiи разрушила сiе нелѣпое злоумышленiе: нашли средство уве-

сти трехъ заговорщиковъ въ тайное мѣсто и вывѣдать изъ нихъ тайну умысла, который долженствовалъ совершиться въ будущемъ весьма неизвѣстномъ. По симъ показаніямъ захватили ихъ бумаги, взяли ихъ подъ стражу и, по желанію Директоріи, проводили въ Военный Совѣтъ, что значило отвести на смерть. Въ самомъ дѣлѣ, по первому приговору судилище осудило обвиненныхъ, какъ повѣренныхъ Лудовика XVIII, на смерть; но народное мнѣніе было не таково: по сему мнѣнію, поступокъ еще не совершенно исполненный и относящійся не столько къ уголовному преступленію, сколько къ уклоненію отъ побѣды, не долженъ подлежать смертной казни. По сему мнѣнію Военный Совѣтъ, сообразно съ показаннымъ закономъ, который толковалъ по своему произволенію, перемѣнилъ наказаніе, и вмѣсто онаго опредѣлилъ выдержать подъ стражею одинъ годъ судью Парламентскаго и десять лѣтъ двухъ его соумышленниковъ. Таковая скромность была неудовлетворительна для народа, а и того менѣе для членовъ Директоріи. Таковыя грезы казались имъ грезами жертвъ тираніи Цезарей, и смертная казнь только казалась довольнымъ возмездіемъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Второе засѣданіе Законодательнаго Собранія. Опредѣленіе Бартелеми въ Директорію. — Раздоры между двумя Совѣтами и исполнительною властію.

1797 Возобновленіе нѣкоторой части обоихъ Совѣтовъ.

20 Маія новое Законодательное Собраніе долженствовало открыть свое засѣданіе. Директорія, напоенная революціонными правилами, кои отъ времени возобновленія народнаго благонравія должны разрушиться, употребила всю власть, или лучше весь Махіавелизмъ для удержанія за собою выборовъ въ департаментахъ, посредствомъ коихъ можнобъ было продлить владычество безначалія. Въ семъ случаѣ она такъ обнаружила свое желаніе, что послала по городамъ, въ коихъ республиканской патріотизмъ не былъ замѣтенъ, и особливо въ главнымъ городамъ Белгическимъ, окружное письмо, объявляя въ ономъ безъ всякой предосторожности, *что для нее пріятно будетъ* видѣть, когда бы назначены были въ два Совѣта такіе кандидаты, которые бы пріобрѣли уже знаменитое имя при испровержeніи престола. Сіе покушеніе на свободу избраній открыло всѣмъ глаза, и почти вездѣ сіи *знаменитыя* имена были забыты. Вообще большая часть выборовъ, сдѣланныхъ въ департаментахъ, доказала, сколько народный духъ улучшился. Избрали такихъ только правителей, кои, по своему харак-

шеру, не держась партій, своимъ просвѣщеніемъ много способствовали къ произведенію преобразованія. Сіе превосходное общество было для того составлено, чтобъ устрашить членовъ Директоріи.

20 Маія, въ назначенный день конституціею 1795 года, Законодательное Собраніе открыло торжественно второе свое засѣданіе. Вліяніе новой части членовъ начало быть примѣтно по выбору Предсѣдателей. Совѣтъ Старѣйшинъ посадилъ въ кресла безпристрастнаго Барбе Марбуа, одного изъ первымъ правителей Французскаго государства. Совѣтъ Пятисотъ захотѣлъ имѣть Предсѣдателемъ военнаго человѣка, который недавно завоевалъ флотъ, обледенѣвшій въ Зюйдерзе, захотѣлъ имѣть Генерала Пишегрю.

Бартелеми избранъ въ Директорію.

По законоположенію 1795 года надлежало того же 20 Маія Директоріи удалить по жеребью одного изъ пяти своихъ членовъ, а Совѣты должны дать ему преемника. Жребій былъ брошенъ, какъ видно изъ записокъ сего времени, только для вида; и четыре Директора согласились между собою, чтобъ исключить изъ членовъ Летурнера. Сей хитрый оборотъ, хотя и не обнаруженъ совершенно, доказываетъ по крайней мѣрѣ малое уваженіе, которое Директорія имѣла тогда въ политикѣ.

Къ щастію Франціи, новая часть членовъ имѣла болѣе вліянія, нежели виновники ужаса, на выборъ новаго члена Директоріи.

Бартелеми былъ по дипломатической части человѣкъ просвѣщенный и скромный, который въ трудныя времена пріобрѣлъ себѣ уваженіе отъ господствующей стороны и любовь отъ людей, ненавидящихъ партій. Благоразумный Бартелеми былъ тогда посломъ въ Швейцаріи. Слава о немъ была такова, что при первомъ балатированіи онъ избранъ былъ въ Совѣтъ Старѣйшинъ по большинству шаровъ. Едва вступилъ онъ въ должность въ Люксембургѣ, какъ свелъ дружество съ Карнотомъ, который, по своей строгой честности и свободнымъ мыслямъ, имѣлъ величайшее съ нимъ сходство. Вся Францїя, кромѣ ужасныхъ людей, угнетавшихъ оную въ теченіи шести лѣтъ, радовалась сему выбору.

Раздоры между Законодательнымъ Собраніемъ и Директоріею.

Правда, Директорія оскорбилась, что всѣ мѣры, принимаемыя ею для поддержанія долговременныхъ нещастій отечества, обращались противъ нее самой. Выборъ новыхъ членовъ, старающихся о преобразованіи государства по правиламъ, выборъ Директора, непоколебимаго въ честности и не привязаннаго ни къ одной партіи, благоразумная терпимость, объявленная обоими Совѣтами въ разсужденіи предметовъ, кои въ царство ужаса заставляли проливать рѣки крови, все раздражало Директорію, и очевидно было, что скоро произойдетъ пагубное сраженіе между двумя партіями правленія, дабы узнать, за кѣмъ останется право управлять республикою.

Враги порядка надѣялись еще на то, что несвязное законоположеніе 1795 года не учреждало предѣловъ между двумя властями. Совѣты могли, безъ явнаго преступленія, присвоить права, принадлежащія пяти деспотамъ; а сіи послѣдніе, всегда окружаясь видами закона, могли наказать отъ девяти десятаго и изгнать безоружныхъ членовъ Законодательнаго Собранія.

Дѣло о свободѣ богослуженій совершенно раздражило умы.

Между тѣмъ какъ Директорія дѣлала тайно приготовленія къ войнѣ противъ преобразователей, главные члены въ обоихъ Совѣтахъ съ жаромъ защищали дѣло въ разсужденіи вѣры, или, естьли угодно, терпимости богослуженій, предъ людьми, учредившими вмѣсто оныхъ безбожіе подлое и развращенное. Сіе весьма шумное дѣло придало новыя силы раздору, показывавшемуся между двумя властями. Тѣ Директоры, кои держались разрушительныхъ правилъ, начали обвинять Законодательное Собраніе, что оно первое заводило ссору; но какъ они умѣли обуздать свою ненависть, то и подождали для изліянія оной ужаснаго дня Фруктидора.

Дѣло о свободѣ богослуженій продолжалось въ различныя времена весьма во многія засѣданія. Главные изъ ораторовъ, защищавшіе оное, были Камиллъ, Жорданъ, Лемерeръ и Пасторетъ. Они употребили для сего такую силу краснорѣчія и такую силу въ разсужденіяхъ, кои долго будутъ ихъ прославлять; но революціонная нетерпимость столько имѣла еще силы, что они

одержали только половину побѣды: ограничились только изданiемъ ужасныхъ законовъ противъ священства, но единственно только въ отношенiи непринятiя онымъ конституцiонной клятвы. Директорiя, съ крайнею досадою взирала на всеобщiй энтузiазмъ, произведенный сею тѣнiю успѣха, и естьли не случилось новаго 31 Маiя, то сему причиною любимое правленiе ужаса, которое она всегда украшала именемъ республики.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Различныя произшествiя, предуготовляющiя Фруктидорскiй день.

Движенiя въ Министерствахъ.

Въ сiе время три политика исправляли первыя министерства: Бенезехъ, Петiенъ и Кошонъ; но они не показывали слѣпаго самовластiя. Они вознамѣрились рѣшить раздоры, по своей добротѣ, между Совѣтами и Директорiей. Директорiя, желавшая окружаться одними янычарскими Агами или нѣмыми серальскими, отрѣшила ихъ, и опредѣлила другихъ, болѣе ей преданныхъ.

Парижской соборъ.

Законъ о свободѣ богослуженiй возмущалъ конституцiонное духовенство. Оно употребило его по своей хитрости средствомъ къ полученiю прежней власти. Нѣкоторое число Епископовъ, подъ предсѣдательствомъ Аббата Лекозъ, Епископа Рейнскаго, собралось въ соборную Парижскую церковь, принявъ названiе, важнѣе самаго собора Галликанской церкви, и имѣло тамъ тайно свои

засѣданія нѣсколько мѣсяцевъ. Хотя дѣянія сего собранія и показывали великое желаніе возвратить Кесарево Кесареви: однако Директорія оскорбилась симъ исключительнымъ правомъ Собранія, въ которое не были допускаемы ни Жиды, ни Ѳеофилантропы; а сіе и подало сильнѣйшій поводъ отяготить гоненіе служителей вѣры при Фруктидорской революціи.

Дѣло о выходцахъ Реинскаго департамента.

Безчеловѣчныя опредѣленія противъ выходцевъ заставили множество мирныхъ людей на лѣвомъ берегу Реина, опустошаемомъ то Французами, то Нѣмцами, уѣхать изъ домовъ своихъ. По учрежденіи конституціи 1795 года, большая часть сихъ нещастныхъ, полагаясь на призракъ отечества, возвратилась подъ кровы своихъ предковъ; но повѣренные Директоріальной власти заключили ихъ въ темницы въ Альзасѣ съ семействами. Слухъ о всеобщемъ негодованіи дошелъ до Совѣта Пятисотъ, который и отложилъ еще на шесть мѣсяцевъ срокъ, данный выходцамъ для возвращенія во Францію безъ всякаго опасенія наказанія. Но Совѣтъ Старѣйшинъ показалъ болѣе строгости: одинъ изъ членовъ его, имѣвшій единственную способность отгадывать развязку политическихъ произшествій, видя, что правленіе ужаса опять наступаетъ, увѣрилъ своихъ товарищей, что всякой человѣколюбивый поступокъ служитъ прикрытіемъ противуреволюціоннаго духа, и симъ лжемудрованіемъ заставилъ отвергнуть рѣше-

ніе Совѣта Пятисотъ. Тогда возникло новое гоненіе на выходцевъ Реинскихъ, и сторона Директоріи восторжествовала.

Торжество Директоріи въ дѣлѣ о потерпѣвшихъ въ Кале кораблекрушеніе.

Дѣло о претерпѣвшихъ кораблекрушеніе въ проливѣ Кале столько же достопамятно, и тиранія восторжествовала въ ономъ съ большею дерзостію. Французы, для спасенія жизни своей въ бурныя времена безначалія выѣзжавшіе изъ отечества, но никогда не вооружавшіеся противъ онаго, а всегда въ сердцѣ своемъ его любившіе, сѣли на Англійское судно, которое, претерпѣвая кораблекрушеніе, сѣло на мѣль при берегахъ Французскихъ Военный Совѣтъ, получивъ ихъ во власть свою оправдалъ. Оба Совѣта по полученіи къ себѣ сего дѣла на разсмотрѣніе, постановили, чтобъ отвезли ихъ въ неутральное государство; но Директорія, не смотря на торжественность всѣхъ сихъ рѣшеній, хотѣла непремѣнно обвинить въ оскорбленіи народнаго величества сіи жалкія остатки бури, и приказала заключить ихъ въ темницы. Народъ крайне вознегодовалъ на сіе; но члены исполнительной власти увѣрены были, что заставятъ законы уступить штыкамъ, ибо наступалъ уже тогда Фруктидорской день.

Смятенія въ селеніяхъ Французскихъ.

Послѣднее, къ сожалѣнію достопамятное происшествіе, сихъ нещастныхъ временъ, есть разстройство Французскихъ селеній, произведенное ложнымъ преобразованіемъ Термидорскимъ и ссорами двухъ властей.

Директорія отправила 11 повѣренныхъ,

напоенныхъ правилами свирѣпыхъ республиканцевъ 1793 года, для произведенія возмущенія въ сихъ нещастныхъ селеніяхъ подъ именемъ вольности, и вооруженія Негровъ посредствомъ человѣколюбія противъ бѣлыхъ. Сіи повѣренные самовластія раздѣлили между собою Африканскіе острова, надѣясь производить ненаказанно свои безчеловѣчныя грабительства въ отдаленности отъ столицы. Одни только острова Сент-Луція и Мартиника избѣгли сей нещастной участи, потому что подпадали подъ благодѣтельное иго Великобританіи.

Возмущеніе на островахъ Африканскихъ.

На Сен-Домингѣ была важнѣйшая изъ всѣхъ Французскихъ колоній, почему члены Директоріи и простерли на оную болѣе желѣзный свой скипетръ. Достовѣрные журналы того времени свидѣтельствуютъ, что кровожадные люди, отправленные на сей островъ, истребили 15,000 Европейскихъ поселенцевъ и 2[illegible]0.000 Негровъ. Сей ужасный опытъ противъ ложнаго умствованія мнимыхъ филантроповъ не обратилъ ихъ къ здравой политикѣ.

Сія поразительнѣйшая картина для благомыслящихъ, нежели умствованія Кондорсета и Бриссота, была доставлена на острова Французскіе и Бурбонскіе прежде, нежели изобразили ее на каѳедрѣ въ рѣчахъ Законодательнаго Совѣта. Она произвела тамъ революцію, по истинѣ философскую. Сперва уничтожили торговлю черными, оскорбительную для нравственности рода чело-

вѣческаго, потомъ отпустили на волю невольниковъ, замѣченныхъ въ дѣятельности и промышленности. Сія хитрая и благодѣтельная политика послужила въ послѣдствіи къ сохраненію сихъ острововъ для республики.

Между тѣмъ повѣренные Санкюлоты явились отъ имени исполнительной Французской власти предъ Иль-де-Франсъ для исправленія тамъ безчеловѣчнаго порученія. Едва пришли они къ Ратушѣ, какъ обьявили, что намѣрены учредить революціонное судилище и повѣсить Губернатора Милорта, коего во всемъ селеніи уважали за благодѣтельное управленіе. Сей безумный и кровожадный поступокъ открылъ всѣмъ глаза; окружили вооруженными людьми сихъ повѣренныхъ тираніи, и не смотря на патріотическіе ихъ вопли, немедленно посадили не на корабль, на которомъ они приплыли, но на корвету, отправляющуюся къ Филиппинскимъ островамъ. Съ сего времени Архипелагъ Африканскій былъ по истинѣ свободенъ. Англія, домогавшаяся онаго для исключительной своей торговли, не смѣла овладѣть онымъ, и онъ самымъ возмущеніемъ удержался подъ владѣніемъ республики.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Фруктидорскій день.—Злодьянія и нещастія, сопровождающія оное.

Благоразумные люди ясно видѣли, что вѣ Парижѣ приготовлялось другое 31 Маія. Сама Директорія, или лучше большая часть членовѣ не скрывали своей гнусной надежды. Противѣ яснаго закона, ограничивающаго вѣ семѣ случаѣ власть Директоріи, вызваны были кѣ Парижу легкія колонны Генерала Гоша, коимѣ велѣно преступить предѣлы конституціоннаго круга, имѣ предписаннаго, для завоеванія вооруженною рукою верховной власти. Сѣ своей стороны Законодательное Собраніе, предусмотрѣвѣ еще за 40 дней враждебныя распоряженія своихѣ непріятелей, вооружилась противѣ нихѣ однѣми пустыми рѣчами, коихѣ сіи послѣдніе не читали. Впрочемѣ Комитетамѣ ихѣ предложены были немаловажныя мѣры: обѣщали вооружить легіонѣ отборныхѣ гражданѣ для надзиранія за легкими колоннами Генерала Гошѣ. Пишегрю, будучи еще отважнѣе, потребовалѣ, чтобѣ уполномочили его, и сѣ 50 охотниками обѣщалѣ взять подѣ стражу трехѣ Директоровѣ, враговѣ государства, и привести ихѣ вѣ Законодательное Собраніе для произведенія надѣ ними суда. Надобно отнести кѣ чести обоихѣ Совѣтовѣ, что торжество, пріобрѣтенное силою, показалось имѣ преступленіемѣ: они

1797. Большая часть членовѣ обоихѣ Совѣтовѣ жертвують собою при наступленіи возмущенія.

рѣшились лучше умереть за отечество, нежели побѣдить съ именемъ возмутителей онаго. Сіе благородное пожертвованіе достойно прекрасныхъ временъ Греціи и Римской республик ; но, въ слѣдствіе злоумышленія Тріумвировъ и ихъ ужасной побѣды, отъ онаго погибли лучшіе члены Совѣтовъ и цѣлая Франція, которая оправилась уже при учрежденіи консульскаго правленія, соединившаго благополучно кроткую монархію съ независимостію республикъ.

18 Фруктидора. Въ вечеру того дня, въ который члены обоихъ Совѣтъ долженствовали пострадать отъ девяти десятый, легкія колонны Генерала Гошъ выступили изъ Версаліи, гдѣ онѣ поставлены были на время, пошли къ Парижу и прибыли къ заставѣ въ полночь. Въ минуту овладѣли они мостами, военными притинами и окружили Тюльерійской замокъ. Сіи колонны состояли изъ 12,000 человѣкъ, пріобыкшихъ сражаться съ Вандейцами, и имѣли при себѣ 40 пушекъ.

Въ сію самую ночь начались тайныя мщенія Тріумвировъ. Они послали подобныхъ себѣ прислужниковъ взять подъ стражу въ своей палатѣ Люксенбургской двухъ почтенныхъ товарищей, Карнота и Бартелеми. Первый не полагался на отечество, преобразовываемое мечемъ, какъ скоро услышалъ вѣстовую пушку, ушелъ тайною дверью чрезъ Люксембургскій садъ, отъ котораго у него былъ ключь, за 200 миль отъ опустошителей Люксембургскихъ. Чтожъ

касается до добродѣтельнаго Бартелеми, бѣгство показалось ему преступленіемъ. Онъ отдался подъ стражу спокойно, какъ человѣкъ справедливый, одному своему товарищу, который выхвалялъ еще скромность его по утру въ залѣ Совѣта, и оставивъ вожди правленія, пошелъ въ темницу.

Наконецъ началъ свѣтать нещастный день 18 Фруктидора, соотвѣтствующій 4 Сентября 1797 года. Когда Ришель, начальникъ стражи Законодательнаго Собранія, не согласился отдать сада Тюльерійскаго легкимъ колоннамъ, то выломили одну рѣшетку, взяли подъ стражу военачальника, Генерала Пишегрю, и вскорѣ потомъ разсѣяли штыками членовъ обоихъ Совѣтовъ, кои подъ руководствомъ своихъ предсѣдателей шли по обыкновенію въ залу своихъ засѣданій. Трудно торжественнѣе сего оскорбить хранителей законовъ. Осада Парламента при Канцлерѣ Мопу была ничего незначуща въ сравненіи съ симъ преступленіемъ въ оскорбленіи народнаго величія. Тогда Канцлеръ глупостію своею возбудилъ великое множество частныхъ возмущеній; но въ день Фруктидорскій Парижъ, утомленный революціями, оставилъ членовъ своего правленія сражаться между собою, и показывалъ только глупое любопытство узнать, которая сторона одержитъ побѣду.

Между тѣмъ злодѣйство остальныхъ членовъ Директоріи, причиненное безоруж-

ному Собранію, составлявшему цѣлую часть правленія, очевидно оскорбляло всѣ благоустроенные въ Европѣ народы, и преступники не могли не тревожиться; но они имѣли въ своихъ рукахъ власть, воспользовались оною, и вскорѣ посредствомъ ссылки избавились тѣхъ, коихъ почитали для себя опасными.

Но для оправданія своего беззаконнаго поступка, по крайней мѣрѣ для виду, чтобъ не на нихъ однихъ пало все ненавистное, они послѣ заставили принять въономъ участіе прочихъ членовъ обоихъ Совѣтовъ. Для сего они призвали ихъ въ Одеонъ, гдѣ сіи послѣдніе утвердили всѣ опредѣленія, какія угодно было внушить Тріумвирамъ.

Первое дѣло Одеонскаго Совѣта было постановить, что Директорія имѣетъ право вводить войска, ежели почтетъ за нужное, въ конституціонный округъ. Но извѣстно, что легкія колонны давно уже вступили въ оный безъ всякаго законнаго позволенія. Онѣ, слѣдуя единственно волѣ своихъ начальниковъ, имѣвшихъ тайное приказаніе отъ нѣкоторой части Директоріи, напали на Тюльерійской замокъ и нанесли оскорбленіе обоимъ Совѣтамъ, кои поставили за честь не защищаться.

Сколь ни страненъ былъ Французскій народъ при семъ возмущеніи новаго рода, происшедшемъ между одними членами правленія; однако, не смотря на сіе, возбудилъ безпокойство въ благомыслящихъ, кои пред-

видѣли, что для достиженія истиннаго спокойствія не льзя обойтися безъ насильственныхъ ударовъ.

Но самыя сіи безпокойства вскорѣ увеличились, когда увидѣли, что Тріумвиры предались личному мщенію; ибо на другой день (18 Фруктидора) Совѣты составили списки для гоненія по произволенію новаго Правительства. По сему назначенію осуждались на заточеніе въ заразительныя степи Французской Гвіаны: Карнотъ, Бартелеми и 53 депутата, кои не одобряли ни мнимаго патріотизма, состоящаго въ ужасѣ, ни возмущеній противъ существующихъ законовъ, ни сраженія на штыкахъ съ безоружными законодателями. Къ симъ почтеннымъ жертвамъ присовокупили прежняго министра Кошона, Генераловъ Миранду и Моргана, члена Академіи Французской Сюарда и трехъ безразсудныхъ повѣренныхъ Лудовика XVIII, Бротьера, Пресле и Лавилленда, кои отданы были подъ судъ, нѣсколько снисходительнѣйшій Военнаго Совѣта.

Къ частнымъ гоненіяхъ присовокупились гоненія на цѣлыя состоянія. Совѣты, положивъ избраніе первенствующихъ Собраній 49 департаментовъ ничтожнымъ, и выключая про запасъ на время изъ списка выходцевъ нѣкоторыхъ особъ, доставили чрезъ то Тріумвирамъ право отправить въ ссылку непокорныхъ Священниковъ.

Наконецъ Директорія обратила мщеніе на журналистовъ. Число запрещенныхъ журналовъ простиралось до 42. Приговорили къ ссылкѣ сочинителей, предпріимщиковъ, Директоровъ и тѣхъ, кому принадлежали сіи журналы. Таковой поступокъ коснулся людей, кои сдѣлали честь Французской словесности, и кои потеряны навсегда для славы отечества. Всего несправедливѣе было, что между хозяевами журналовъ наказали тѣхъ людей, кои совсѣмъ не писали, кои не имѣли случая писать, и кои участвовали въ сихъ предпріятіяхъ, не вмѣшиваясь въ исправленіе дѣла.

20 Фруктидора Директорія замѣтила, что у ней не доставало членовъ въ число, предписанное законоположеніемъ 1795 года. Она потребовала у Совѣтовъ людей на мѣсто двухъ сверженныхъ Директоровъ. Замѣстили ихъ Министромъ Юстиціи Мерленемъ и Министромъ Внутреннихъ дѣлъ Франциском Невшато.

Законы глупые и безнравственные въ разсужденіи государственныхъ доходовъ

Къ жестокости самовластныхъ поступковъ вскорѣ присовокупились жестокіе законы. Коль скоро революціонное судилище не стало поддерживать довѣрія ассигнаціямъ, то государственные долги возрасли до крайности. Необходимость заставляла пресѣкратить ужасъ государства, которое въ уменьшеніи собственности видѣло уничтоженіе всѣхъ состояній. Глупые Тріумвиры, коимъ неизвѣстны были первыя основанія правленія, для поддержанія довѣренно-

сти, употребили ужасныя средства, кои долженствовали совершенно уничтожить оную.

Между тѣмъ мученики за отечество оставались въ Тамплѣ. Сверхъ скромнаго и добродѣтельнаго Бартелеми, тамъ находились: завоеватель Голландіи Пишегрю, политикъ Барбе-Марбуа, старый Генералъ Мюрине и краснорѣчивый ораторъ Тронконъ-дю-Кудрей. Никто изъ нихъ не производилъ ни малѣйшаго ропота: достопамятные примѣры Аристида, Сократа и Фокіона были предъ глазами ихъ, и какъ они вѣрили безсмертію болѣе своихъ гонителей, то и возложили на государство, оставившее свои заблужденія, отмстить за себя по смерти.

Ненавистное исполненіе закона въ разсужденіи изгнанниковъ.

Изгнанники, исходя изъ темницъ столицы, трогали жестокія сердца въ самыя революціонныя времена. Въ два часа утра извлекли ихъ изъ узилища и посадили въ нѣкоторыя желѣзныя клѣтки, подъ прикрытіемъ Санкюлотовъ и двухъ пушекъ, для устрашенія людей чувствительныхъ, дабы не покусились освободить ихъ. Не смотря на ужасъ, угрожавшій тогда всякому, нѣкоторые Французы, достойные сего имени, дѣйствительно покусились доставить имъ случай къ побѣгу; но они, чтобъ не подвергнуть опасности великодушныхъ своихъ избавителей, отъ того отказались и отправились къ мѣсту ссылки съ такимъ же спокойствіемъ, съ какимъ шли Бальи и Мальгербъ на эшафотъ.

Семнадцать дней спустя послѣ Фруктидорскаго заговора противъ отечества, то есть, 20 Сентября, сіи мученики за законы брошены были въ трюмъ корветы *Лавалантъ* для отвезенія въ Гвіану. Матросамъ запрещено было подъ смертною казнію сообщаться съ ними, дабы изъ жалости не доставили какого утѣшенія въ долговременныхъ нещастіяхъ симъ добродѣтельнымъ людямъ, кои до прекращенія бытія осуждены были мучиться. Наконецъ, по пятидесятидневномъ плаваніи, изгнанники прибыли въ заразительныя страны Синамарійскія. Для нихъ не малымъ мученіемъ было встрѣтиться тамъ съ безчеловѣчнымъ Било-Варенемъ и съ Колотомъ Гербуа.

Изгнанники провели въ ссылкѣ только восемь мѣсяцевъ. Въ продолженіи сего времени Генералъ Мурине и Тронсонъ-Кудрей не могли перенести бѣдствій и погибли среди товарищей своего нещастія, а сіи принуждены были скрывать слезы свои, дабы не раздражить своихъ мучителей. Бартелеми, Пишегрю и шесть другихъ нещастныхъ, избѣгшихъ сей плачевной смерти, предпріяли весьма отважное намѣреніе и успѣли въ семъ сверхъ всякаго чаянія. Не смотря на то, что море имъ было неизвѣстно, они пустились въ оное на слабомъ суднѣ для переправленія въ Голландскую Гвіану. Ночь, попутный вѣтръ и ясное небо способствовали имъ въ пути, и они, хотя въ крайнемъ утомленіи, прибыли въ главный городъ селе-

нія Суринамскаго, гдѣ ихъ приняли съ странноліобіемъ, свойственныхъ древнимъ вѣкамъ, и откуда они на кораблѣ отправились въ Европу.

Едва Бартелеми съ благородными своими товарищами въ нещастіи оставилъ заразительные берега Синнамарійскіе, какъ фрегатъ Декада привезъ вмѣсто ихъ девяносто три новыя жертвы заговора Фруктидорскаго. Главные изъ нихъ были два члена Законодательнаго Собранія: Жанъ Жакъ Эме и Жалбертъ Демольеръ; всѣ почти были Священники, коихъ республиканскій фанатизмъ называлъ ослушниками. Шестьдесятъ четыре изъ сихъ нещастныхъ погибли, подобно Тронсону-дю-Кудрей и Генералу Мюране, отъ печали и бѣдности, безъ всякаго ропота, умоляя небо о низпосланіи милости для своихъ мучителей.

Надобно отдать справедливость Консульскому правленію. Во время онаго возвращены были въ отечество всѣ жертвы ненаказанныхъ Фруктидорскихъ злодѣевъ, не пораженныхъ рукою правосудія; и едва добродѣтельный Бартелеми вступилъ на Французскую землю, какъ Бонапарте опредѣлилъ его въ Сенатъ, какъ лучшаго Французскаго дипломатика. Въ первый разъ еще послѣ 14 Іюня 1789 года правленіе, перемѣнившись, начало стараться о вознагражденіи за оскорбленія, о пресѣченіи источника слезъ и излеченіи всѣхъ ранъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О Французской Дипломатикѣ.

Французская дипломатика вѣ сіе время была столько же революціонна, какѣ и законы Фруктидорскіе. Директорія безѣ всякой причины уничтожила договорѣ между Королевою Португальскою и республикою, почему и обѣявила министру сей Государыни, Графу Араніо, чтобѣ онѣ немедленно отправлялся обратно кѣ своей Монархинѣ. Графѣ, надѣясь укротить бурю, остался. За сіе преступленіе новаго рода миролюбивый Посолѣ отвезенѣ былѣ для заключенія вѣ Тампль и содержался тамѣ четыре мѣсяца, тщетно умоляя Директорію Французскою честію, которой они не имѣли, и правомѣ народнымѣ, которое у свирѣпыхѣ побѣдителей Фруктидорскихѣ состояло вѣ одномѣ только насиліи.

Конгрессѣ Лильскій.

Вѣ сіе время Англинскіе флоты получили нѣкоторые успѣхи; они держали вѣ осадѣ часть республиканскихѣ пристаней. Директорія, почитая полезнымѣ для торговли отклонить сію державу отѣ союза, узнала чрезѣ повѣренныхѣ, нанимаемыхѣ ею вѣ Лондонѣ, что не непріятно будетѣ заключить союзѣ сѣ кабинетомѣ Сент-Жемскимѣ. Лордѣ Мальмезбури, хотя зналѣ по малымѣ успѣхамѣ Конгресса Парижскаго повелителный тонѣ и Махіавелизмѣ Директоріи, но склонился на возобновленіе мирныхѣ

переговоровъ въ Лилѣ, кои по необходимости долженствовали рушиться. Сіи переговоры сдѣлались чрезмѣрно дѣятельны во время нещастій Фруктидорскихъ; что самое и подавало весьма худое замѣчаніе прозорливому министру Георга III.

Скоро оправдались догадки Мальмезбури. Когда уполномоченные Турнеръ, Плевиль и Маретъ начали разсуждать о важномъ дѣлѣ касательно возвращенія Французской эскадры, взятой предъ Тулономъ Адмираломъ Гудъ, то они были вызваны, и на мѣсто ихъ отправили Бонье и Тельяра съ тайнымъ приказаніемъ не продолжать переговоры съ Мальмезбури, но прервать оные. Ожиданіе Директоровъ совершенно исполнилось: два Французскіе министра показали въ переговорахъ такое высокомѣріе, что посолъ Великобританскій, оскорбившись двукратною насмѣшкою, потребовалъ пропуска и возвратился въ Лондонъ. Тогда война, прекращенная во время переговоровъ, воспламенилась со всею силою.

Договоръ Кампо-Формійскій.

Бонапарте среди бѣдствій, проистекавшихъ отъ коварной дипломатики Директоріи, началъ иначе вести переговоры съ первою союзною державою. Онъ подписалъ съ нею миръ тою же рукою, которая одержала столько побѣдъ надъ ея Генералами. Я говорю о договорѣ Кампо-Формійскомъ, коего основанія были положены въ Леобенѣ, и который совершенно окончался 17 Октября 1797 года. По сему миру Венеція присово-

куплена была къ наслѣдственнымъ владѣніямъ дома Австрійскаго, а Белгія и Венеціянскіе острова въ Левантѣ къ владѣнію великой республики.

Открытіе Раштадскаго Конгреса. Тотъ же самый Бонапарте, для утвержденія Кампо-Формійскаго мира, по приказанію Директоріи отправился, въ Раштадтъ, въ Маргграфство Баденское, дабы къ заключенному договору присовокупить новыя выгоды, равно славныя для Франціи. Сей герой, столько же дѣятельный въ дипломатикѣ, сколько и въ походахъ, употребилъ на переговоры только двѣнадцать дней. По истеченіи сего времени, то есть, въ послѣдній день Ноября, уполномоченные подписали съ нимъ договоръ, по которому Государь обязался вывесть войска свои изъ города Маинца и крѣпости Эренбрейтштеинъ, которую долго почитали непреоборимою.

ГЛАВА ОДИННАДЦАЯ.

Низложеніе Пія VI.— Бѣдствія сего Папы.

1798. Директорія, ненавидя по началу своему всѣ Ѳеократіи, и желая одна только въ Европѣ самовластно дѣйствовать на престолы и совѣсть, давно уже поклялась погубить Государя Римскаго, и поручила тайнымъ, своимъ повѣреннымъ изыскивать къ тому не случай, но одинъ предлогъ. Сей предлогъ, сверхъ чаянія ея, доставило отдѣленіе Парижской Пропаганды.

Сія Пропаганда произвела въ Римѣ народное возмущеніе, во время котораго Папскіе солдаты зашли въ домъ Посла Французскаго и хотѣли сжечь его. Генералъ Дюфотъ, потомокъ древнихъ храбрыхъ Французовъ, почти одинъ бросается въ средину нападающихъ, сражается какъ Коклесъ на мостѣ Сублиціевомъ и, не имѣя щастія, равнаго сему герою, падаетъ.

Сіе возмущеніе, въ которомъ Пій VI не имѣлъ ни малѣйшаго участія и за которое онъ наказалъ, коль скоро извѣстили его, стоило сему почтенному Первосвященнику тіары, хотя и самый Французскій Посолъ не смѣлъ никогда обвинять его. Но, какъ замѣчено, Директорія не искала преступленія, но предлога.

Тщетно нещастный Папа предлагалъ самыя торжественныя удовлетворенія. Генералъ Бертье получилъ приказаніе итти на Римъ и древнюю столицу Цесарей обратить въ призракъ республики.

Пій VI столь мало помышлялъ о непріязненныхъ дѣйствіяхъ, что войско Генерала Бертье вошло въ Римъ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія. Генералъ не пошелъ къ Папѣ, потому что онъ долженъ былъ не разбирать дѣло, но имѣлъ приказаніе свергнуть его съ престола: впрочемъ онъ, овладѣвъ городомъ, себѣ самому принадлежавшимъ, водрузилъ трехцвѣтное знамя на замкѣ Святаго Ангела и на башняхъ Капитоліи.

Послѣ сего торжественнаго обряда призракѣ Сейма древняго Рима собрался на Марсовомѣ полѣ. Сюда стеклись всѣ повѣренные Французской Пропаганды; избрали пять Консуловѣ, нѣсколько Префектовѣ и Эдиловѣ. Вотѣ уродливая картина Римскихѣ Цинциннатовѣ и Сципіоновѣ. Когда всѣ члены временнаго правленія были назначены, Французскій Генералѣ обѣявилѣ, что народѣ воспріялѣ древнюю власть свою и призналѣ, именемѣ великаго народа, республику безѣ гражданѣ, дающую свои законы Капитоліи.

Пій VI надѣялся покорностію обезоружить непріятеля, котораго онѣ никогда не думалѣ раздражать. Узнавѣ, что уже совершенно рѣшилися свергнуть его сѣ престола, онѣ великодушно предался тягостной судьбѣ своей и поѣхалѣ подѣ прикрытіемѣ 120 человѣкѣ вѣ Картезіанской монастырь, находящійся за нѣсколько миль отѣ Флоренціи.

Пій VI казался вѣ Италіи и по сверженіи сѣ престола подозрительнымѣ несправедливымѣ людямѣ. Опасались, чтобѣ народѣ, любившій Папу, взбунтовавѣ, не возвратилѣ ему тіары, и Директорія приказала увести его во Францію сѣ пышностію, не столько походящею на почтеніе, внушаемое бѣлыми его власами и добродѣтелію, сколько на поношеніе Югурѳы или Зиновіи, веденныхѣ торжественно побѣдителями вѣ Капитолію. Почтенный Первосвященникѣ

доказалъ своею покорностію, что мужество его превышало нещастія. Сперва хотѣли оставить для пребыванія знаменитаго плѣнника въ одной Бріансонской гошпитали среди ужасныхъ скалъ, покрытыхъ вѣчными льдами; потомъ согласились для чистаго воздуха переселить его въ Валанскія долины, гдѣ онъ и умеръ безъ всякаго сожалѣнія о тіарѣ, прося Бога отцовъ своихъ, которому онъ служилъ девяносто лѣтъ, чтобъ благоволилъ возстановить во Франціи исповѣданіе Аѳанасіевъ и Фенелоновъ и простилъ свирѣпыхъ его гонителей. Не безполезно замѣтить, что сей почтенный нещастливецъ скочался по прошествіи двухъ недѣль послѣ сраженія при Нови, которое долженствовало возвратить ему тіару и верховную власть.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Различныя внутреннія произшествія, случившіяся въ теченіи сего періода.

Первое изъ всѣхъ произшествій, по крайней мѣрѣ по порядку чиселъ, есть смерть Генерала Гошъ, примирителя Вандеи, который потерялъ права свои на признательность Исторіи дерзкимъ нарушеніемъ законоположенія 1795 года, хотя и клялся хранить оное; потому что ввелъ легкія колонны къ Конституціонный округъ для вспомоществованія къ произведенію заговора

Преждевременная смерть Генерала Гошъ.

Трімвировъ противъ обоихъ Совѣтовъ. Деспоты въ награду за ревностнѣйшую услугу поручили ему главное начальство надъ обоими арміями, Самбрско - Мааскою, и Реинско - Мозельскою; но въ то самое время, какъ долженствовалъ онъ представлять важное лице въ разстроенной республикѣ, погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ. Довольно ясныя свидѣтельства заставили тогда думать, что онъ отравленъ былъ тѣми самыми людьми, коимъ доставилъ верховную власть. Хотя кажется и трудно взвести клевету на побѣдителей Фруктидорскихъ, однако Исторія, будучи справедливѣе и осторожнѣе въ своихъ сужденіяхъ, не должна принимать сего народнаго заблужденія. Гошъ умеръ естественною смертію, не сказавъ сихъ словъ одного Греческаго героя, харкавшаго кровію: *Друзья! вотъ плодъ дружества съ Царями.*

Скромное вступленіе въ Парижъ Бонапарта.

Герой, оказавшій гораздо болѣе услугъ отечеству, нежели Гошъ, побѣдитель Лодійскій и Аркольскій, несравненно болѣе долженъ былъ жаловаться на неблагодарность Директоріи. По возвращеніи въ Парижъ всѣ обратили на него взоры, кромѣ начальниковъ правленія, завидовавшихъ славѣ его. Сіи подозрительные деспоты приняли его въ палатѣ своихъ засѣданій, которую художникъ обратилъ въ театральную залу; потомъ поцѣловали его по образу *братей и друзей Горы*, и новый Агрикола, принятый столь холодно новыми Домиціанами, при-

нужденъ былъ нѣсколько времени скрывать-ся отъ всѣхъ.

Законодательное Собраніе, будучи внимательнѣе къ народному мнѣнію, сдѣлало для Бонапарте великолѣпное празднество въ галлереѣ Музеума и искуснымъ образомъ постаралось вывѣдать, можетъ ли быть умъ его со временемъ якоремъ благосостоянія при кораблекрушеніи республики.

Директорія, имѣвшая сто глазъ Аргусовыхъ, коль скоро дѣло шло о какихъ нибудь выгодахъ ея безпокойнаго самолюбія, представила, что таковый лестный пріемъ Совѣтовъ имѣлъ какую нибудь тайную причину, которая можетъ быть ей въ послѣдствіи вредна. Тогда она рѣшилась, подъ видомъ ссылки, отправить героя въ Египетъ, будто бы для завоеванія онаго, а можетъ быть и для возложенія на него верховной власти надъ онымъ.

Въ сіе время присутствіе героя было единственнымъ предметомъ, который причинялъ безпокойство Директоріи. Наступала минута для преобразованія обоихъ Совѣтовъ посредствомъ введенія новыхъ членовъ. Директорія справедливо опасалась, чтобъ не потребовали у ней отчета въ побѣдахъ, одержанныхъ ею 18 Фруктидора, и въ злоупотребленіи власти послѣ сего времени; и она употребила тайныя пронырства для введенія въ Законодательное Собраніе преданныхъ себѣ членовъ. Не довольствуясь сими тайными происками,

она присвоила себѣ закономъ власть разсматривать дѣйствительность дѣйствій избирательныхъ собраній. Сей планъ, основанный на растлѣніи народнаго духа, возымѣлъ желанное дѣйствіе. Въ большей части департаментовъ выборы производимы были между людьми, склонными къ учиненію разстройства.

Директорія, не смотря на свои происки, успѣла составить совѣты только изъ людей ей преданныхъ; надлежало ей бороться вдругъ и съ Роялистами и съ Якобинцами. Она принуждена была прибѣгнуть къ новымъ средствамъ. Она донесла Законодательному Собранію о мнимомъ заговорѣ, въ который, по словамъ ея, вступило отъ двухъ до трехъ сотъ тысячь Французовъ. Хотѣла увѣрить его, что нѣтъ другаго средства для сохраненія конституціи, какъ непрестанное нарушеніе оной, и что Законодательное Собраніе не иначе можетъ поддержаться, какъ представленіемъ дѣлъ своихъ на пересмотръ пяти Директорамъ. Сообразно съ сими замѣчаніями, она сообщила въ оба Совѣта о постановленіи ею опредѣленій въ разсужденіи избираній, несогласныхъ съ ея видами. Множество депутатовъ возстало противъ сего испровержденія депутатской системы. Большая часть уступила, одни по слабости, другіе по изнеможенію. Послѣдователи Марата и Бабефа восторжествовали; но сіе торжество повѣренныхъ прежняго правленія, основаннаго

на ужасъ, сверхъ чаянія побѣдителей Фруктидорскихъ, послужило къ раскрытію всѣхъ ранъ политическаго тѣла и ко введенію новаго порядка вещей, который долженъ открыться по низложеніи Директоріи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Завоеваніе Швейцаріи. Разрушеніе свободы ея правленія.

Завоеваніе Швейцаріи есть къ величайшей горести произшествіе достопамятное. Не можно порицать народа, который храбростію и дарованіями Вильгельма Тель избавился отъ поноснѣйшаго ига; не можно порицать и за то, что не было благоразумнаго союза между республиками; но сіи республики не были подобны той, которую старалась обезобразить Директорія. Адская Парижская Пропаганда получила приказаніе посѣять въ тринадцати Кантонахъ сѣмена безначалія, кои у народа довѣрчиваго и удобопреклоннаго скоро произвели смертоносныя слѣдствія.

Почтенный Стейгеръ, посланникъ Бернскій, заблаговременно усмотрѣлъ бурю, устремляющуюся на отечество его, и старался отвратить ее посредствомъ благоразумія и соображенія; но ему воспрепятствовалъ въ томъ Генералъ Вейсъ, который, вмѣсто того чтобъ обезоружить революціонные полки свои, началъ ихъ убѣждать, и который тогда даже дѣлалъ увертки между отечествомъ

Вступленіе Французскаго войска въ Швейцарію.

и Французскою Пропагандою, когда Генералъ Мезнардъ съ 15,000 человѣкъ вступилъ въ Швейцарскія владѣнія и безъ всякаго сопротивленія покорилъ страну. Вездѣ виновники ужаса находили весьма много своихъ соумышленниковъ.

Оно одерживаетъ побѣду.

Такимъ образомъ, по начатіи непріятельскихъ дѣйствій, безъ всякаго объявленія войны, завоеватели вступили съ нещастными Швейцарцами въ сраженіе, на которомъ послѣ кровопролитной битвы остались побѣдителями. Не далеко оттуда находилось *кладбище* Бургонцевъ, свидѣтельствовавшее о ихъ пораженіи въ 1476 году. Сей памятникъ Швейцарской храбрости, который уважили бы и Готѳы и Вандалы, былъ опустошенъ батальономъ департамента Котъ д'Оръ, посадившимъ на развалинахъ онаго древо вольности.

Фрейбургъ и Солеръ отворяютъ свои ворота.

Французское войско, извѣстившись о сихъ первыхъ успѣхахъ, усилилось, и когда оно возрасло до 46,000, объявило, что заставитъ развѣсить на всѣхъ главныхъ Швейцарскихъ городахъ трехцвѣтное знамя. Фрейбургъ и Солеръ отворили свои ворота, и времянное правительство, обладѣвшее Бернскимъ правленіемъ, для преданія сего города непріятелю, хотѣло уже совершить свое вѣроломство, какъ великодушный Стейгеръ, слагая съ себя знаки своего достоинства, заслуженные въ теченіи 69 лѣтъ и надѣвая воинскій мундиръ, объявилъ, что ежели не можетъ спасти отечества, намѣренъ за

него умереть. Сіе воспламенило воинственный энтузіазмъ въ потомкахъ Вильгельма Теля и отвратило на нѣсколько времени плачевную участь отъ республики.

Осада Берна была продолжительна по причинѣ героическаго сопротивленія; наконецъ горячка Французская, отважность, возбуждаемая присутствіемъ опасности и всего болѣе ужасное дѣйствіе ракетъ, доставили Французамъ побѣду. Послѣ окончательнаго нападенія нашлось на полѣ сраженія мертвыхъ обоего пола 2000 тѣлъ; ибо Швейцарскія женщины, возбуждаемыя старымъ своимъ правителемъ, сдѣлались Порціями и Клеліями. Онѣ побѣдили бы въ Римѣ Камилловъ и Цинциннатовъ, и во время ужасной Французской революціи дышали одною славою умереть. Осада Берна. Сей городъ здается по долговременной осадѣ.

Стейгеръ и Генералъ Эрлахъ при договорѣ съ побѣдителемъ о здачѣ не захотѣли подписать поношенія Швейцаріи. Они удалились на неприступныя высоты Оберланда, дабы не дышать однимъ воздухомъ съ своими утѣснителями; и когда первый увидѣлъ, что рабство его согражданъ утверждается, презирая тысячу смертей, отправился къ Прусскому Королю для испрошенія убѣжища. Храбрый Элрахъ не былъ столько щастливъ, какъ добродѣтельный правитель Бернскій; собственные солдаты, обольщенные вѣроломными совѣтами Французской Пропаганды, думая, что онъ измѣнилъ вой- Стейгеръ и Генералъ Эрлахъ не подписываютъ договора о здачѣ. Одинъ удаляется въ Пруссію другаго убиваютъ свои солдаты

ску, коимъ геній его долго управлялъ, умертвили его топорами и штыками.

Швейцарія покоряется.

Договоръ о здачѣ Берна и прочихъ главныхъ городовъ Швейцаріи не возвратилъ мира сей нещастной странѣ : долго еще происходила смертоносная война между Франціею и нѣкоторыми небольшими Кантонами , во время которой пролились рѣки чистѣйшей крови за дѣло утѣсненныхъ безъ пользы ; народоселеніе совершенно истребилось въ странахъ , кои болѣе всѣхъ оказали сопротивленія. Наконецъ злополучная звѣзда Директоріи одержала верхъ: Швейцарія покорилась подъ иго, на нее возлагаемое. Побѣдители дали ей такую конституцію, которая уничтожила законоположеніе, составлявшее слишкомъ триста лѣтъ безопасность ея и славу, и за сію цѣну гордые завоеватели согласились , въ знакъ покровительства, уступить ей призракъ независимости.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Правленіе Директоріи по своему Махіавелизму и насилію теряетъ уваженіе во Франціи и при Дворахъ иностранныхъ.

Ненавистная Фруктидорская побѣда лишила Французское правленіе довѣренности вездѣ, гдѣ существовало благонравіе и добрые законы. Народная ненависть, которую мнимые политики старались презирать, не позволяла имъ отдохнуть ни на минуту. Они

употребили къ защищенію тѣ же самыя оружія, кои были успѣшны то противъ обоихъ Совѣтовъ, то противъ Швейцаріи. Но наконецъ открылись имъ глаза, и они замѣтили, что вещь, произведенная сего дня мечемъ, завтра отъ меча же разрушается.

Тиранство и слабость во внутреннемъ управленіи.

Чѣмъ больше Директорія употребляла революціонныя мѣры для возстановленія довѣренности, тѣмъ больше теряла во Франціи довѣріе. Сіе можно доказать бомбардированіемъ Остендскимъ, произведеннымъ Англинскою эскадрою. Никогда не вообразятъ, какой способъ Правительство употребило для отраженія отъ береговъ врага благоденствія Французскаго. Приказано было взять подъ стражу повѣренныхъ кабинета Сентъ-Жемскаго и сдѣлать обыскъ по домамъ въ Парижѣ. Впрочемъ какъ осады не производятся посредствомъ возмущенія своихъ подчиненныхъ, то и надлежало прибѣгнуть опять къ военнымъ мѣрамъ. Дано было приказаніе вдругъ набрать двѣсти тысячь солдатъ; и сія прежняя республиканская строгость показалась тогда крайне безразсудною, потому что поддержала союзъ, клонившійся къ разрушенію, и произвела новый легіонъ враговъ республики.

Къ сему безразсудству въ исправленіи власти присовокуплялись законы о гоненіяхъ, кои скоро по жестокости ихъ принуждены были прекратить; что самое пріучая самовластіе уступить народному мнѣ-

нію, обнаруживало слабость его: таковъ былъ особенно законъ 9 Ноября, коимъ предписывалось разстрѣлять въ 24 часа всякаго изгнанника, который, подобно добродѣтельному Бартелеми, обманувъ своихъ утѣснителей, растогнулъ оковы, или который перемѣнилъ только мѣсто своей ссылки. Сей законъ, подобный Тиверіеву, посланному въ Сенатъ съ острова Капреи, возмутилъ самыхъ вѣрныхъ республиканцевъ, учавствовавшихъ въ революціи Фруктидорской. Тогда Директорія противъ правилъ отступила отъ предполагаемой цѣли: явилось опредѣленіе, по которому назначался для сихъ новыхъ изгнанниковъ островъ Олеронъ мѣстомъ времянной ссылки, дабы не допустить ихъ до освобожденія отъ закона. Великое множество почтенныхъ жертвъ Фруктиродскихъ, каковы суть: Мюреръ, Порталисъ, Буаси-Англа и Пасторетъ, отправились на назначенный островъ, не потому что полагались на великодушіе кабинета Люксенбургскаго, но слабость его въ правленіи показывала, что онъ приближался къ своему паденію.

Отреченіе отъ престола Короля Сардинскаго.

Между тѣмъ Европейскіе дворы, увѣдомившись о колебаніи Директоріи Французской и Махіавелизмѣ похода противъ Швейцаріи, возобновили союзъ испровергнуть республику и даровать миръ Европѣ. Сардинскій Король, имѣвшій менѣе всѣхъ союзныхъ Государей вліянія, первый объявилъ о непріятельскихъ намѣреніяхъ. Тотчасъ была ему объявлена война, и приказано Ге-

нераламъ, отряженнымъ въ походъ, преслѣдовать нещастнаго сего Монарха до самаго низверженія съ престола. Сей Государь, не имѣвшій ни обширнаго ума, ни средствъ, нашелъ единственное пособіе для отвращенія бури, сложить съ себя власть самодержавную. Франція почла сей поступокъ слабости уступкою престола. Тогда она поставила гарнизонъ въ Туринѣ и присовокупила богатое Княжество Піемонтское къ владѣнію республики.

Генералъ Гюмбертъ дѣлаетъ высадку въ Ирландію. Худой успѣхъ сего похода.

Лондонскій кабинетъ, будучи благоразумнѣе и осторожнѣе Турингскаго въ своей ненависти къ Франціи, ожидалъ терпѣливо, чтобъ союзъ Государей, утверждаемый непрестанно Послами, возпріялъ дѣйствіе для испровержения первой державы на твердой землѣ. Директорія знала сіе и вознамѣрилась наказать за то незначительными средствами. Двѣ небольшія эскадры должны были сдѣлать въ Ирландіи высадку для возженія тамъ непогашенныхъ искръ междоусобной войны противъ Англіи. Первая приставшая въ губѣ Килала была обхвачена шестью линейными кораблями и двумя фрегатами. Вступили въ сраженіе, но силы были не равны, и щастіе не равно: одинъ Французской корабль взлетѣлъ на воздухъ, а три прочіе принуждены были здаться. Генералъ Гюмбертъ сперва былъ щастливѣе: онъ вышедъ въ другомъ мѣстѣ на берегъ почти съ тысячію человѣкъ, успѣлъ соединиться съ войскомъ Ирландскихъ

мятежниковъ и одержалъ небольшую побѣду при стѣнахъ Кастлебара. Сей успѣхъ остался безъ всякаго послѣдствія, потому что Гюмбертъ остановился среди своего завоеванія. Коронныя войска, по приказанію Вице-Короля Ирландскаго, напали нечаянно на сію нестройную шайку и взяли въ плѣнъ Французскаго Генерала и всѣхъ побѣдителей Кастлебарскихъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Завоеваніе Неаполя.

1799. Сей достопамятный годъ по испровержению жестокаго Правительства и по мудрости правленія, замѣнившаго оное, начался завоеваніемъ Неаполя, послѣдовавшимъ отъ неосторожности Короля Обѣихъ Сицилій, который нарушилъ свой договоръ съ республикою, и послалъ 50,000 человѣкъ соединенныхъ войскъ для завоеванія Рима и покоренія Италіи. Генералъ Шампіонетъ защищалъ тогда завоеванія Директоріи съ слабою колонкою, состоявшею изъ 15,000 человѣкъ, кои, гордясь прежними подвигами, въ теченіи 17 дней взяли въ плѣнъ 12,000, и отняли 99 пушекъ. Французы всегда торжествовали надъ людьми и происшествіями: они предчувствовали, что скоро будутъ держать въ рукахъ своихъ судьбу Европы.

Шампіонетъ, видя слабость соединеннаго войска, пустился на отважность и присту-

пилъ къ осадѣ Неаполя. Король выѣхалъ изъ онаго; но тридцать тысячь *Лазароновъ* взялись защищать оный. Сіи люди изъ подлаго народа, не имѣвшіе другой собственности, кромѣ своей независимости, произвели въ отечествѣ чудеса храбрости, достойныя Спартанцевъ. Они сражались въ стѣнахъ Неаполя, на террасахъ и среди пламени, пожиравшаго зданія; наконецъ, послѣ ужаснаго кровопролитія съ обѣихъ сторонъ, надлежало уступить. Крѣпость Сентъ-Эльмъ и новый замокъ здались на договоръ, и Монархъ отправился чразъ проливъ царствовать въ Сициліи.

Французскій Генералъ не держался революціонныхъ правилъ Правительства, вооружившаго его руку. Онъ оставилъ въ Неаполѣ прежнее богослуженіе, законы и даже тѣнь свободы, лестной для гордости жителей. Сверхъ сихъ благодѣяній увѣдомившись, что наблюдательная Коммисія, имѣвшая порученіе грабить побѣжденныхъ, нагло производила свои хищенія, приказалъ ей выѣхать изъ города въ 24 часа. Парижскіе Якобинцы, узнавъ о скромности, предосудительной для ихъ системы ужаса, употребили противъ него происки и заставили по приказанію Директоріи позвать въ военный судъ.

Къ щастію буря, собравшаяся на Шампіонета, не продолжительна была. Военный Совѣтъ не смѣлъ осудить Генерала, пріобрѣвшаго всеобщее уваженіе, котораго можно

было обвинить только за одну с праведливость. Директорія послѣ пораженія при Нови поручила ему на краткое время начальство надѣ Альпійскою и Италіянскою арміями.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе Раштадскаго Конгресса. Умерщвленіе уполномоченныхъ Французскихъ.

Бонапарте, какѣ уже видѣли, открылѣ Когрессѣ вѣ Раштадтѣ, и употребилѣ двѣнадцать только дней для опредѣленія судьбы Италіи. Директорія держалась всегда одного плана; чтобѣ ссориться со всѣми державами; почему многимѣ изѣ уполномоченныхѣ своихѣ поручила только половину власти, и переговоры о мирѣ на твердой землѣ послужили только кѣ возженію пагубной войны вѣ обоихѣ свѣтахѣ.

Послѣ побѣдителя Лодійскаго и Аркольскаго вступили вѣ переговоры четыре Французскіе министра: Трельярдѣ, Бонье, Жанѣ-Бри и Робержотѣ. Во время переговоровѣ первый опредѣленѣ былѣ вѣ Директорію; прочіе сѣ такою ревностію старались угождать своимѣ повелителямѣ, что содѣлались жертвами оной.

Прежде нежели составился совершенный союзѣ, владѣтели Германскіе, утѣсняемые то побѣдителями, то побѣжденными, отѣ страха уступили уполномоченнымѣ Французскимѣ двѣ важныя статьи, коихѣ сіи послѣдніе не исторгнули бы и вѣ достопа-

мятную эпоху Вестфальскаго Конгресса; то есть, что Церковныя владѣнія, по обращеніи ихъ въ свѣтскія, будутъ служить вознагражденіемъ Князьямъ, лишеннымъ владѣнія по договору Кампо-Формійскому, и что лѣвый берегъ Реина причислится навсегда къ владѣніямъ республики.

Чѣмъ больше дѣлали пожертвованій Германскіе владѣтели, тѣмъ болѣе мучительная алчность къ похищеніямъ возбуждалась въ повѣренныхъ Директоріи. Извѣстившись о походѣ Князя Суворова, они повелительнымъ образомъ потребовали у Регенсбургскаго Сейма, чтобъ онъ запретилъ вступать Россійскому войску въ Нѣмецкія владѣнія. Сіе значило иначе опустошить оныя владѣнія. Столь несносное самовластіе при переговорахъ державы съ державою раздражило всѣхъ и подало поводъ къ плачевной развязкѣ, достойной болѣе сонмища Каннибаловъ, нежели просвѣщеннаго вѣка.

28 Апрѣля, при наступленіи ночи, Французскіе уполномоченные отправились въ Страсбургъ съ своимъ семействомъ и всемъ снарядомъ. Въ пяти стахъ шагахъ отъ города гусары Нѣмецкаго Цеклерскаго полка напали на сію миролюбивую свиту, отняли бумаги, ранили провожатыхъ и убили Пословъ. Одинъ Жанъ-Бри спасся, покрытый ранами и притворившійся мертвымъ. Не смотря на множество протекшихъ вѣковъ, можно выставить одинъ только примѣръ столь ужаснаго злодѣйства: убійство Посла

дю Руль на площади Гондарской. Можно еще искать таковаго примѣра подъ знойнымъ небомъ Абиссиніи, гдѣ всѣ страсти простираются до безумія, кромѣ страсти къ чести и энтузіазма къ добродѣтели.

Никогда не могли узнать причины сего скрытнаго злоумышленія. Обвиняли Эрц-Герцога Карла; но вся жизнь Принца сего служитъ опроверженіемъ таковаго обвиненія. Равнымъ образомъ обвиняли и самую Директорію не съ большимъ основаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно повѣрить подобному обвиненію? Естественно ли думать, чтобъ Директорія приказала убить своихъ уполномоченныхъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Но Директорія вооружила противъ себя столько враговъ, что изъ сего множества должны сыскаться такіе, кои бы за удовольствіе почли клеветать на нее, порицать и взводить преступленія. Впрочемъ историкъ, избирающій однѣ достовѣрныя происшествія, отвергаетъ догадки, а особенно основанныя на клеветѣ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Нещастный походъ въ Италію. — Безчисленныя побѣды Эрц-Герцога Карла и Князя Суворова. — У Франціи отнимаютъ одно завоеваніе за другимъ.

Союзъ, возбужденный то злодѣяніями, то глупостію Директоріи, представлялъ ужаснѣйшее зрѣлище. Въ то время, какъ Ве-

ликобританскія эскадры держали всѣ Французскія пристани въ осадномъ состояніи, Императоры Россійскій и Нѣмецкій вели 80,000 человѣкъ войска на обильныя долины Италіи; а республика между тѣмъ выставляла противъ двухъ знаменитыхъ полководцевъ, *Фельдмаршала Суворова и Принца Карла*, только Военнаго Министра Шерера и Генерала Журдана, который, послѣ Флерійскаго сраженія, дѣлалъ однѣ ошибки и подвергался нещастіямъ. Первое дѣйствіе произошло близь Дуная, гдѣ Журданъ, въ присутствіи Эрц-Герцога Карла, узналъ свою предъ нимъ ничтожность. Онъ, совершенно разбитый, принужденъ былъ въ безпорядкѣ отступить въ Шафгаузену.

Первая побѣда Принца Карла.

Шереръ былъ еще нещастливѣе въ Италіи. Генералъ Край и Баронъ Меласъ въ теченіи девяти дней произвели съ нимъ три кровопролитныя сраженія. Самая ужасная битва происходила 26 Марта, гдѣ дрались съ остервененіемъ на двухъ стахъ Италіанскихъ миль. Австрійцы вездѣ остались побѣдителями. Ежели вѣрить тогдашнимъ запискамъ, сія битва (включая въ сіе число побѣдителей и побѣжденныхъ) стоила жизни 30,000 человѣкъ.

Пораженіе Шерера въ Италіи.

Щастіе республики еще болѣе помрачилось при соединеніи Австрійцевъ съ Россіянами. Графъ Суворовъ, называемый *непобѣдимымъ*, потому что не былъ никогда побѣждаемъ, получилъ главное начальство надъ войсками, и своими многочисленными

Подвиги Суворова. Сраженіе при Кассано. Завоеваніе Ломбардіи.

побѣдами доказалъ, что онъ достоинъ сего всеобщаго уваженія.

Тогда не слабый уже Шереръ находился предъ Героемъ Россійскимъ: онъ, по благоразумію своему уступилъ начальство Генералу Моро. Оба войска встрѣтились при Кассоно, не далеко отъ рѣки Адды. Суворовъ, послѣ кровопролитной битвы, одержалъ совершенную побѣду, которая стоила Французамъ трехъ тысячь солдатъ, толикаго же числа плѣнныхъ, сверхъ того четырехъ Генераловъ и ста пушекъ. Сія побѣда доставила во власть Россіянамъ Ломбардію. Миланъ, Парма, Модена и всѣ главные города сего прекраснаго княжества, наскучившіе игомъ Французовъ, отворили ворота побѣдителямъ при Кассано. Сіи послѣдніе простерли свои завоеванія до Турина, который для спасенія отъ бѣдствій бомбардированія сдался на договоръ.

Троекратное сраженіе при Требіи.

Генералъ Макдональдъ для соединенія съ Моро вышелъ изъ Неаполя. Суворовъ, подстерегавшій его, встрѣтился съ нимъ на берегахъ Требіи и разбилъ его. На другой день Французы, кипя мщеніемъ, вторично покусились на сраженіе. Россіяне выдержали ихъ огонь съ спокойствіемъ побѣдителей; они вторично восторжествовали и провели ночь на полѣ битвы. На третій день Макдональдъ, сказавъ войскамъ своимъ рѣчь, подобную краснорѣчіемъ Римскаго полководца, растянулъ ихъ по всей линіи, какъ бы для презрѣнія своихъ побѣдителей.

Суворовъ еще прославилъ себя; онъ съ 70,000 Россіянъ восторжествовалъ надъ 28,000 Французовъ и одержалъ третію побѣду. Тогда рѣшился жребій Италіи: республика лишилась оной.

Тоскана ожидала только присутствія побѣдителя Кассанскаго, чтобъ повергнуться въ его объятія. Лукка и Ливорно предались общему стремленію, и Алессандрія, ободренная приближеніемъ Генерала къ мужественному сопротивленію, отворила свои ворота, когда увидѣла, что храбрый гарнизонъ ея отъ бомбардированія уменьшился до половины.

Взятіе Мантуи.

Мантуа среди болотъ своихъ могла въ теченіи года стоять противъ отважности Россійско-Австрійскихъ войскъ. Генералъ Край сдѣлалъ три лагеря около ея укрѣпленій; поставилъ противъ нее 600 орудій, и въ два мѣсяца съ половиною взялъ сію крѣпость на договоръ. Губернаторъ былъ отосланъ плѣннымъ въ Клагенфуртъ, а гарнизонъ вышелъ съ воинскими почестями.

Сраженіе при Нови.

Во время сего достопамятнаго похода величайшимъ торжествомъ Суворова было сраженіе при Нови, которое онъ далъ противъ мнѣнія Военнаго Совѣта, и на которомъ напалъ на Французовъ въ узкомъ проходѣ, подобномъ Термопиламъ, и на умозаключенія лучшихъ тактиковъ отвѣтствовалъ побѣдою. Главнымъ начальникомъ при Нови былъ молодой Генералъ Жубертъ, который по великодушію своему отдался подъ опеку

Моро. Онъ, пораженный пулею въ сердце, далъ знакъ воинамъ отступить отъ сраженія. На семъ сраженіи, за которымъ послѣдовало взятіе важной крѣпости Тортоны, погибло со стороны побѣжденныхъ и побѣдителей около 25,000 человѣкъ.

Суворовъ принужденъ оставить Италію.

Сею кровопролитною побѣдою при Нови кончился походъ Суворова въ Италіи. Придворное пронырство начертало новый планъ военныхъ дѣйствій въ кабинетѣ Вѣнскомъ. Тогда герой получилъ приказаніе итти въ Швейцарію. Тщетно Павелъ I прикрывалъ сей родъ немилости даннымъ ему проименованіемъ отъ страны имъ завоеванной; Суворовъ пролилъ слезы, показывающія великость духа и происходящія отъ гнѣва, подобно Аннибалу, вызванному Сенатомъ въ Карѳагенъ, когда надлежало оставить ему Италію, театръ его побѣдъ и подвиговъ. Впрочемъ Суворовъ повинуется; воинская подчиненность была для него священнѣйшею обязанностію. Вмѣстѣ съ нимъ исчезли послѣднія надежды союзниковъ удержать Италію за прежними ея владѣтелями; слѣдовательно исчезъ и плодъ толикихъ усилій.

Хотя происшествія, остающіяся для описанія подвиговъ Суворова, случились нѣсколько и послѣ въ разсужденіи времени нами описываемаго, однако сей великій человѣкъ заслужилъ толикое уваженіе отъ современниковъ, что оставить для другой главы достопамятный переходъ Суворова

чрезъ Швейцарію и его возвращеніе въ Петербургъ значило бы уменьшить возбуждаемое имъ любопытство.

Сей военачальникъ побѣждаетъ природу въ Швейцаріи.

Когда Суворовъ вступилъ въ Швейцарію, страшное его войско уменьшилось до 16,000 человѣкъ. Солдаты, устрашенные при взорѣ на дикую природу и неприступныя вершины Альпійскихъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, не хотѣли итти. Онъ приказалъ выкопать яму предъ первою линіею и велѣлъ себя живаго похоронить въ оной. Россіяне, пораженные симъ, вооружившись непоколебимымъ мужествомъ, успѣли взойти на Сен-Готардъ.

Россійскій полководецъ, непрестанно тревожимый Французскими войсками и почти всегда остававшійся побѣдителемъ, не смотря на бдительность Французскаго Генерала, который пожиралъ его своими глазами, какъ жертву, во время бурной ночи нашелъ средство достигнуть Чертова моста, перейти со всею своею колонною чрезъ сію ужасную пропасть по тремъ перекладинамъ, слабо утвержденнымъ, и, къ великому удивленію самыхъ жителей, притти въ городъ Альторфъ безъ потери и со славою.

Вторая колонна сего войска была подъ начальствомъ Генерала Корсакова. Ему велѣно было итти на Цирихъ не столько опасною дорогою; ему надлежало сражаться съ одними только людьми, а не съ природою. Что долженствовало спасти его, то погубило: Массена вступилъ съ дивизіею сею въ сраженіе, но

оная, не ободряема была присутствіемъ знаменитаго Суворова. Битва происходила столь же кровопролитная, какъ и при Нови. Россіяне построились въ дурномъ положеніи въ баталіонъ каре, и изъ 14,000 человѣкъ, составлявшихъ оный, погибли половина отъ легкой артиллеріи или отъ штыковъ. Сіе пораженіе, хотя и упоминанается о томъ въ недостовѣрныхъ запискахъ, произшедшее отъ неопытности Корсакова, не затмило славы Россійскаго военачальника. Послѣ сего неожиданнаго торжества Массена вошелъ въ Цирихъ, пробивъ ворота пушечными ядрами, и побѣждая, прошелъ до Мютенталя, намѣреваясь испытать силы свои съ Суворовымъ, коего слава помрачала его славу. Дѣйствительно, онъ въ сихъ дикихъ мѣстахъ вступилъ въ сраженіе; но герой Россійскій, сперва побѣдивъ Массену во всѣхъ пунктахъ, къ концу дня увидѣлъ, что Французы скоро его окружатъ хитрымъ образомъ. Тогда принужденъ будучи податься назадъ, произвелъ благоразумнѣйшее отступленіе.

Смерть Суворова.

Суворовъ, обманувъ неутомимаго Массену, прибылъ съ остатками своего войска въ страну Гризонъ, гдѣ получилъ отъ Государя своего граммату на достоинство Генералиссимуса Россійскихъ войскъ; сего титула въ Россіи никто еще не имѣлъ послѣ Менщикова и Герцога Брауншвейгскаго. Суворова почитали на верху щастія; но въ монархическихъ государствахъ вчерашняго

героя сегодни забываютЪ. Герой умерЪ вЪ забвеніи вЪ ПетербургѢ, вЪ то время, когда во всей ЕвропѢ гремѢла слава о немЪ.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Революція Преріальская. — Новые возмутительные законы.

Хотя и весьма непріятно, однако необходимость заставляетЪ возвратиться кЪ управленію глупаго и ненавистнаго правительства Директоріи, кЪ сему хоасу между властями, не имѢвшими равновѢсія, опредѢленнаго по законоположенію 1795 года, кЪ той революціонной дерзости, которая старалась возмутительными законами прикрыть поношеніе, проистекающее отЪ пораженій. Сіе десятимѢсячное время, находящееся между началомЪ 1799 года и паденіемЪ Фруктидорскаго правленія, особенно тягостно для исторической кисти; но народные нравы заставляютЪ остановиться на минуту на долговременныхЪ заблужденіяхЪ правленія, уже не существующаго, дабы доказать мудрость правленія, замѢнившаго оное.

При конституціонномЪ возобновленіи первыхЪ властей республики, по жеребью досталось сложить сЪ себя достоинство Ревбелю. На мѢсто его опредѢлили Сіеса, бывшаго тогда ПосломЪ вЪ БерлинѢ, который показалЪ нѢкоторое мужество вЪ принятіи

верховной власти, когда всѣ благоразумные примѣчали что она скоро прекратится.

Преріяльскій день.

Сіе опредѣленіе послѣдовало вмѣстѣ съ открытіемъ четвертаго засѣданія Законодательнаго Собранія. Новые члены, состоящіе изъ останковъ *Горы*, взирали съ безпокойствомъ на то, что Директорія, убѣжденная опытомъ въ своихъ проступкахъ, обратившись къ политикѣ не столько возмутительной, вмѣсто того, чтобъ имъ покровительствовать со всею Фруктидорскою силою, приняла систему равновѣсія. Между тѣмъ они втайнѣ долго испытывали силы свои. Когда же примѣтили слабость Директоріи, то согласились съ главными членами обоихъ Совѣтовъ испровергнуть, или по крайней мѣрѣ, какъ называли они, очистить исполнительную власть, которой главное преступленіе состояло въ томъ, что держали въ равномъ разстояніи отъ правленія приверженцевъ къ правиламъ и любителей республики.

Тучи грянули 17 Іюня, которое соотвѣтствуетъ 28 Преріала эры республиканской. Вдругъ и въ ту минуту, когда Директирія по легковѣрію весьма крѣпко заснула въ своей безпечности, оба Совѣта, подъ видомъ попеченія объ общественномъ благосостояніи, объявили себя полновластными. Исполнительная власть тотчасъ послѣдовала примѣру ихъ, и народъ въ недоумѣніи ожидалъ первыхъ послѣдствій отъ сей борьбы, не для того, чтобъ пристать

къ которой либо партіи, ибо онѣ были равно ненавистны, но чтобъ вдругъ ихъ погребсти подъ развалинами ихъ правленія.

Заговорщики сперва убѣдили народъ, что единственная цѣль ихъ возмущенія есть уничтожить назначеніе Трейльяра въ Директорію, который за четыре дни до указа вступилъ въ исправленіе должности. Пять народныхъ Монарховъ не обманулись сею хитростію. Они желали бы для враговъ своихъ приготовить новое 31 Маія; но у нихъ не было ни денегъ, ни штыковъ, и они принуждены были воевать перомъ, которое не представляло ничего опаснаго для зрителей. Директорія уступила, и на мѣсто Трейльяра назначила прежняго Министра Юстиціи Богьера.

Таковое начало дѣйствій выдумано было обоими Совѣтами только для испытанія силъ своихъ. Малодушіе противниковъ убѣдило, что они могутъ на все отважиться. Ихъ Ораторы взошли на каѳедру и начали упрекать Директорію въ неправильныхъ отрѣшеніяхъ отъ должностей слишкомъ въ сорока департаментахъ, а особливо въ долговременномъ порабощеніи законодательной власти, которая, избѣгая опасности быть наказанною, находилась всегда въ недѣятельности, постыдной для Франціи. По обнародованіи сихъ возмутительныхъ рѣчей зашумѣла буря. Тогда Мерлень и Ларевельеръ подали въ отставку, и тотчасъ замѣщены были Рожеромъ Дюко и Генераломъ

Муленемъ. Сіе очищеніе, по образцу республиканскому, произведено было почти въ то же время, какъ было предпріято. Можно замѣтить, что если достаточно было 48 часовъ ненаказанной дерзости къ утвержденію злодѣяній Фруктидорскихъ, то также 48 часовъ Преріальскаго дня довольно было и для отмщенія за оныя.

Нещастные законы, ускорившіе паденіе правленія.

Къ нещастію, сей Преріальскій день былъ произведеніе нѣкоторыхъ начальниковъ шайки, старавшихся лишить соперниковъ верховной власти; почему и не сдѣлалъ ничего для преобразованія. Новые правители, сдѣлавшись повелителями, начали подражать прежнимъ въ глупой жестокости своего управленія. Перемѣнились люди, но не перемѣнилась система, и сіе ускорило паденіе безразсуднѣйшаго правленія.

Во время сихъ внутреннихъ движеній союзники распространяли успѣхи. Въ самомъ дѣлѣ, ежели бы интриги не вызвали Генералиссимуса Россійскихъ войскъ, сей герой, не имѣвшій уже никакихъ препонъ въ своихъ подвигахъ, перешелъ бы Альпы и вступилъ смѣло во Французскія владѣнія. Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ Французское Правительство не выдумало другихъ средствъ для спасенія отечества, какъ набрать вдругъ изъ всѣхъ состояній солдатъ въ дѣйствительную службу, и по соразмѣрности съ тѣмъ занять сто милліоновъ. Сіи законы показались столь необходимыми въ опасности государства, что Совѣтъ Ста-

рѣйшинъ безъ всякаго разсмотрѣнія утвердилъ оные.

Въ то же самое время вышло опредѣленіе Директоріи, коимъ поставлялись наровнѣ съ выходцами 32 почтеннѣйшія жертвы Фруктидорскаго дня, кои не подверглись закону, осуждавшему ихъ на изгнаніе. Сіе иначе значило исключить ихъ отъ закона и дать приказаніе разстрѣлять Военному Совѣту въ 24 часа.

Самый жестокій законъ изъ всѣхъ былъ тотъ, коимъ для пресѣченія личныхъ мщеній противъ повѣренныхъ ужаса, какъ прежнихъ, такъ и новыхъ, давалась полная воля учрежденнымъ властямъ брать заложниковъ изъ семействъ выходцевъ и останковъ древняго дворянства. Сей законъ о залогахъ можетъ быть уподобленъ законамъ, вышедшимъ въ царствованіе ужаса, кои покрыли Французскую землю трупами и могилами. Онъ лишилъ благоволенія всѣхъ тѣхъ, кои, утомившись возмущеніями, держались еще нѣсколько республики.

Изъ сей цѣпи безнравственныхъ законовъ весьма очевидно, что послѣдняя революція выдумана Якобинцами въ совѣтахъ для низложенія Якобинцевъ въ Директоріи. Сія очевидность еще примѣтнѣе обнаружилась по причинѣ преобразованія въ то время народныхъ клубовъ. Самый опаснѣйшій изъ всѣхъ назывался *обществомъ единенія* и учредился въ Тюльерійскомъ замкѣ, въ славномъ манежномъ домѣ. Воздвигли гоненіе, и погре-

башельныя пѣсни, слышимыя шамъ, заставили распустить сіе общество; но нѣсколько дней спустя оно учредило свою пещеру въ церкви Якобинцевъ, въ улицѣ Бакъ. Тѣ же самыя глупости и безчеловѣчіе произвели одинаковыя послѣдствія. Сей вертепъ полишическихъ Каннибаловъ заключенъ былъ на всегда 13 Августа, по опредѣленію Директоріи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Походъ въ Батавію.

Давно уже Великобританія стенала, видя Батавію во власти вѣчной своей соперницы. 22 Августа 1799 года флотъ, состоящій изъ 180 кораблей, подъ начальствомъ Адмирала Дюнкана, покусился возвратить надъ оною верховную власть Штатгалтеру. Начальникъ Голландской эскадры, Контр-Адмиралъ Стори, вознамѣрился противиться нападенію, но у него на корабляхъ произошло всеобщее возмущеніе. Матросы сами отдали оные Адмиралу Дюнкану. Во время сего смятенія Англичане вышли на берегъ, овладѣли Дюнемъ и обѣявили, что намѣрены утвердить на башняхъ Амстердама флагъ Оранскаго дома.

Генералъ Брюнь прилетѣлъ на помощь Батавіи. Онъ по неосторожности напалъ на непріятеля, окопавшагося въЦипѣ, и былъ отраженъ съ потерею. Сіе безразсудное нападеніе стоило двумъ союзнымъ рес-

публикамъ, Батавской и Французской, болѣе 12,000 человѣкъ. Между тѣмъ Герцогъ Iоркскій, подкрѣпляемый тремя дивизіями Россійскаго войска, принялъ главное начальство надъ высаднымъ войскомъ. Вскорѣ потомъ произошло Бергенское сраженіе, которое нѣсколько оживило надежды Батавцевъ; потому что, не смотря на кровопролитіе, произведенное побѣдителями, Генералъ Брюнь овладѣлъ полемъ сраженія.

Два другія сраженія даны были съ перемѣнными успѣхами. Брюнь начерталъ планъ третьяго, какъ Герцогъ Йоркскій, унизивъ Англійскую гордость, началъ просить перемирія. Послѣдовалъ весьма славный для Французовъ договоръ; условились, что соединенныя Англійско-Россійскія силы выйдутъ изъ страны, въ которую они вступили противъ права, и что отдадутъ Батавіи и ея союзникамъ восемь тысячь военноплѣнныхъ, содержащихся въ Лондонскихъ темницахъ. Сей походъ продолжался только три мѣсяца, и не смотря на все кровопролитіе по видимому, утѣшилъ нѣкоторыхъ защитниковъ правленія въ потерѣ Италіи.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Бонапарте завоевываетъ Египетъ.

Директорія, какъ мы уже сказали, отправила вмѣсто ссылки въ Египетъ побѣдителя Лодійскаго и примирителя Кампо-Формійскаго для прикрытія безпокойства, про-

изведеннаго вЪ ней славою его, и для избѣжанія тягостной признательности; но герой сверхЪ чаянія успѣлЪ вЪ своемЪ предпріятіи, и возвратившись во Францію, явился предЪ подлыми и завистными деспотами единственно для того, чтобЪ заступить ихЪ мѣсто.

БезЪ сомнѣнія сія Директорія мало заботилась о успѣхѣ сего достопамятнаго похода, потому что дала сему Герою только сто тысячь луидоровЪ на исполненіе онаго. Французская эскадра состояла изЪ тринадцати линейныхЪ кораблей и шести фрегатовЪ: на ней было около 40,000 отборнаго войска, завоевавшаго республикѣ Италію.

Сей походЪ продолжался почти 17 мѣсяцевЪ, потому что онЪ начался 20 Маія 1798, и кончился уже 16 Октября слѣдующаго года, когда Бонапарте прибылЪ вЪ ПарижЪ, по желанію Франціи, для принятія вождей правленія, которое онЪ долженЪ былЪ преобразовать. Сіи 17 мѣсяцевЪ надобно изобразить на одной картинѣ; ибо не должно порабощать величія Исторіи, собственно называемой, пустымЪ счисленіемЪ Хронологіи.

Взятіе Мальты

Эскадра, на которой былЪ Италіанскій герой, выступила изЪ Тулонской рейды 20 Маія 1798 года. Она поплыла прямо кЪ острову Мальтѣ, коимЪ овладѣть Бонапарте имѣлЪ тайное приказаніе. Не возможно было никакой человѣческой силѣ овладѣть входомЪ вЪ пристань. ВЪ самомЪ городѣ

было множество укрѣпленій, предъ которыми страшнѣйшія Восточныя войска не давно сокрушились; но ничто не противится генію нѣкоторыхъ необыкновенныхъ людей: осьми дней довольно было для Бонапарте, чтобъ овладѣть главнымъ мѣстомъ перваго рыцарскаго ордена. Гроссъ-Мейстеръ не имѣлъ ума ни Лиль-Адама, ни Обиссона. Подозрѣвали нѣкоторыхъ рыцарей въ сношеніи съ Директоріею, или даже въ вѣроломствѣ. Какъ бы то ни было, всѣмъ симъ слухамъ не можно совсѣмъ вѣрить, ни совершенно отвергать. Одинъ часъ сраженія, на которомъ успѣли отнять знамя Св. Іоанна Іерусалимскаго; одинъ часъ переговоровъ, во время которыхъ не ожидали открытія пролома для здачи, рѣшили участь республики, состоящей изъ дворянъ, которая въ теченіи многихъ вѣковъ презирала всѣ силы Оттоманской Имперіи. Здали съ печальнымъ обрядомъ Французскому войску городъ и укрѣпленія, и верховную власть надъ оными уступили республикѣ.

Между тѣмъ сей знаменитый орденъ, существовавшій со славою около семи сотъ лѣтъ, покровительствовавшій Азійскимъ престоламъ и защищавшій Европейскіе, не могъ оставаться безъ начальника, хотя и не имѣлъ столичнаго города. Бальифы, кавалеры большаго креста и Командоры великаго пріорства Россійскаго, согласившись съ кавалерами, разсѣянными по большей части державъ, для утвержденія самовласт-

наго ордена, никогда не употреблявшаго во зло независимости, собрались въ Петербургъ и предложили Павлу I титулъ Мальтійскаго Гроссъ-Мейстера. Сей Монархъ принялъ украшеніе онаго и приказалъ носить его всѣмъ Князьямъ, дѣтямъ своимъ.

Взятіе Александріи.

По неслыханному щастію для Французскаго героя, едва Мальта заключила съ нимъ договоръ о здачѣ, какъ Адмиралъ Нельсонъ, проникнувшій тайну Египетскаго похода, вступилъ въ Средиземное море съ флотомъ, состоявшимъ изъ 16 линейныхъ кораблей, для воспрепятствованія оному. По щастію Бонапарте избѣгъ преслѣдованія сего страшнаго непріятеля, и явился на берегу Египта прежде, нежели Англійскій Адмиралъ узналъ о томъ. Едва четыре тысячи человѣкъ, составлявшіе первую его дивизію, вышли изъ судовъ, какъ онъ, безъ лошадей и артиллеріи, велѣлъ взлѣзать на укрѣпленія Александрійскія. Пробывъ 24 часа въ сей столицѣ имперіи Птоломеевъ, онъ направляетъ путь къ Каиру и поставилъ станъ на пещаныхъ равнинахъ Гизегскихъ, близъ мумій Фараоновъ, лежащихъ около 3000 лѣтъ въ погребальныхъ пещерахъ Пирамидъ.

Сраженіе при пирамидахъ.

Мурадъ-Бей, увѣдомленный о нападеніи на Александрію и о шествіи Французской колонны къ Каиру, тотчасъ полетѣлъ къ Гизегу съ 6,0 о отборныхъ Мамелюковъ и безчисленнымъ множествомъ Арабовъ, со-

держащихся на его жалованье. Бонапарте составляетъ изъ своей колонны живое укрѣпленіе, вооруженное штыками. Египтяне бросаются на оное и хотятъ проломить; но тщетно. Наконецъ они разсѣваются. Побѣдитель преслѣдуетъ ихъ, величайшее множество убиваетъ или повергаетъ въ Нилъ. Сія побѣда доставляетъ ему во власть 400 верблюдовъ и 40 пушекъ.

Торжественное вступленіе Французовъ въ Каиръ и продолженіе ихъ побѣдъ.

Египетъ послѣ нападенія Камбиза всегда принадлежалъ первому завоевателю, нападающему на оный: первое пораженіе рѣшитъ обыкновенно судьбу сей монархіи. Сраженіе при Пирамидахъ поселило такой ужасъ въ двухъ Беевъ, Мурада и Ибрагима, обладателей сей Африканской страны, столь богатой важными памятниками, что каждый изъ нихъ, обратившись въ бѣгство въ различныя стороны, оставили побѣдителю Каиръ, свою столицу. Вельможи сего города, устрашенные несравненно болѣе оставленіемъ, нежели разбитіемъ, понудившимъ къ тому Беевъ, тотчасъ сдались на договоръ. Они предложили Бонапарте, что отдадутъ городъ во власть его, ежели онъ оставитъ ихъ при своихъ законахъ и не коснется собственности. Французскій Генералъ не ожидалъ столь скораго покоренія; онъ соглашается на договоръ и входитъ торжественно въ Каиръ, не проливъ ни одной капли Французской крови. Едва овладѣлъ онъ укрѣпленными мѣстами, какъ, слѣдуя внушенію своего ума, погнался за Ибраги-

момѣ въ пустыню, разбилъ его и овладѣлъ всею страною; которую защищать скорое бѣгство ему не позволяло.

Въ сіе самое время Генералъ Дезексъ, неустрашимый товарищъ подвиговъ героя, со второю дивизіею, по приказанію Бонапарте, преслѣдуетъ Мурада въ Верхнемъ Египтѣ, разбиваетъ его при Седиманѣ и принуждаетъ искать убѣжища въ неприступной степи, находящейся выше пороговъ. Толикіе подвиги, совершенные въ столь короткое время, какъ Исторія ихъ описываетъ, имѣли цѣлію сдѣлать Египетъ департаментомъ Французской республики; но Англія, вѣчная соперница Франціи, скоро прекратила завоеваніе древней монархіи Птоломеевъ и Фараоновъ.

Разбитіе при Абукирѣ Сіе несщастіе служитъ ко спасенію Египта.

Нельсонъ, величайшій Адмиралъ своего времени, не имѣлъ надежды взять Мальты, когда пришелъ для ея защищенія. Онъ погнался за Французскою эскадрою и прибылъ 1 Августа въ Абукирскую рейду. Тамъ построены были въ одну линію корабли, привезшіе высадныя войска. Нельсонъ пробился между ними съ такою отважностію, которой морская тактика не одобряла, но которую Англійскій Адмиралъ довольно оправдалъ своимъ великимъ умомъ и побѣдою. Сраженіе было ужасное, но наконецъ храбрость сокрушилась отъ искусства. Адмиралъ Брюйсъ былъ разорванъ на двое ядромъ. Одиннадцать кораблей его эскадры достались во власть непріятелю; корабль

Серьезъ былъ опрокинутъ, Востокъ и Тимолеонъ взорваны на воздухъ, и Артемиза сожженъ. Сіе нещастіе произвело пагубнѣйшія послѣдствія: оно воспламенило погасающее мужество Беевъ; заставило Султана, до сего времени неизвѣстнаго, защищать Египетъ совокупно съ Нельсономъ. Французскій посланникъ въ Константинополѣ и всѣ Консулы по торговымъ дѣламъ Левантскимъ, противъ народнаго права, взяты были подъ стражу и заключены въ Семибашенную.

Возмущеніе въ Каирѣ. Убійства тамъ учиненныя. Строгія мѣры удерживаютъ сей городъ подъ владычествомъ Французскимъ

Между тѣмъ жители Каира, не терпящіе по своимъ нравамъ Французской образованности и просвѣщенія, нѣсколько мѣсяцевъ старались уже тайно возвратиться подъ владычество Беевъ, природныхъ своихъ обладателей. По утру 20 Октября возмущеніе простерлось до крайности. Недовольные явились съ оружіемъ на улицахъ и около главной мечети. Начальникъ крѣпости началъ говорить о согласіи, и былъ убитъ, равно какъ и всѣ Французы, удалившіеся отъ военныхъ притиновъ. Среди сего волненія умовъ, Бонапарте неутомимо бдѣлъ о спасеніи своего войска: онъ поставилъ батареи на всѣхъ мѣстахъ, держащихъ въ страхѣ весь Каиръ, и свои непобѣдимые легіоны обратилъ въ легкія колонны для приготовленія ко всѣмъ нападеніямъ. Сіи расположенія произвели желанное дѣйствіе герою: мятежники всюду и вездѣ струсили; зажгли главную мечеть, въ которой собра-

лось величайшее множество народа, и мало по малу Французы остались повелителями. Тогда Шерифы явились съ Аль-Кораномъ къ Бонапарте, пали на колѣни и просили помилованія. Дано было всеобщее прощеніе, и Каиръ опять остался въ повиновеніи.

Походъ въ Сирію Открытіе осады С. Жана д'Акръ.

Впрочемъ нещастіе, случившееся при Абукирѣ, и возмущеніе Каирское обратили героя Восточнаго съ важнымъ размышленіямъ. Съ моря нападалъ на него флотъ Нельсона, на суши угрожалъ уже Паша Сирійской, котораго Сидней Смитъ склонилъ на сторону Англіи, и Бонапарте вознамѣрился сдѣлать Сирію чрезъ покореніе для себя оплотомъ противъ нападеній на сухомъ пути: мысль сія была важна, и на оную согласились всѣ военные, обѣщаясь раздѣлять опасности столь великаго предпріятія.

9 Февраля 1799 года Бонапарте началъ свой Сирійскій походъ осадою Эл-Ериха, одного изъ ключей на Египетскихъ границахъ, коимъ Паша овладѣлъ. Не смотря на станъ Мамелюковъ, прикрывавшихъ крѣпость, коихъ разбилъ Генералъ Клеберъ, она послѣ осады, продолжавшейся одиннадцать дней, здалась. Яффа, не хотѣвшая отворить воротъ своихъ, была взята мечемъ, и чрезъ сорокъ дней непріятельскимъ дѣйствій въ Сиріи Французы явились предъ Акрою и проведи циркумвалляціонныя линіи на сто пятьдесятъ саженъ отъ сей важной крѣпости, послужившей ключемъ къ ихъ завоеваніямъ.

Акра по положенію и укрѣпленію своему, сдѣланному по Европейскому образцу, была изъ числа первыхъ оплотовъ Востока. Сидней Смитъ прикрывалъ ее весьма искусно. Джедгаръ Паша, начальствовавшій въ оной, храбрѣйшій и жесточайшій Музульманинъ, поклялся Аль-Кораномъ, лучше погребстися подъ развалинами сей крѣпости, нежели здать ее невѣрнымъ

Сраженіе при Горѣ Ѳаворѣ.

Не довольствуясь сими приготовленіями къ защищенію, Паша, увѣдомившись отъ Сиднея Смита о Французской революціонной тактикѣ, приказалъ брать въ войско свое цѣлыми ордами всѣхъ полуварваровъ, полу-образованныхъ, живущихъ въ окрестностяхъ, для истребленія непріятелей Магомета и возвращенія Сиріи своей независимости. Предстояла крайняя спасность: но Бонапартъ, по обыкновенію своему, для разсѣянія оной, рѣшился презирать ее. Онъ всходитъ на гору Ѳаворъ, на которой находилось ужаснѣйшее изъ сихъ собраній, и согласившись съ Генераломъ Клеберомъ, раздѣляетъ свое небольшое войско на различныя колонны, кои ударяютъ на непріятеля съ тыла и съ боковъ, разбиваютъ его совершенно и принуждаютъ бѣгущихъ бросаться въ Іорданъ и утопать при переходѣ чрезъ оный. Это было чудо, непонятное въ нашихъ новѣйшихъ лѣтописяхъ: четыре тысячи Французовъ сражались противъ 35 000 человѣкъ на девяти миляхъ, и отняли у нихъ станы, магазейны и обозы.

Послѣ сего достопамятнаго подвига Бонапарте спокойно занялся осадою Акры.

Снятіе осады съ Акры.

По нещастію, сіе сраженіе Ѳаворское, сколь оно ни было удивительно, не доставило осаждающимъ ни военныхъ, ни съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ они начали чувствовать недостатокъ. Самую крѣпость Акрскую, сколь ни важна могла быть, естьли бы удалось взять приступомъ, надлежало разломать, потому что невозможно было удержать ее за собою. Всѣ сіи разсужденія подѣйствовали сильно и на Военный Совѣтъ и на Генерала, управлявшаго онымъ. Рѣшились единодушно снять осаду съ Акры, ежели она по истеченіи 60 дней не здастся храбрѣйшимъ въ Европѣ войскамъ. Тогда Англичане, разстроившіе всѣ дѣйствія сей осады, увеличили потери Франціи, коя ложно выставляла свои побѣды. Генералъ Бертье въ запискахъ своихъ обявилъ предъ своимъ войскомъ, что вся его потеря во время Египетскаго похода состояла въ 700 человѣкъ, умершихъ отъ заразы, и 503 погибшихъ съ честію на поляхъ сраженія.

Послѣдній подвигъ Бонапарте въ Египтѣ предпринятъ былъ для отмщенія за нещастія, претерпѣнныя Французами при Абукирѣ во время похода Адмирала Нельсона. Оттоманскій флотъ, состоявшій изъ ста судовъ, остановился на сей рейдѣ, угрожалъ Александріи и хотѣлъ высадить на берегъ довольно войска для возвращенія Египта Беямъ. Дѣятельный и щастливый Бонапар-

те, или лучше щасливый потому, что былЪ дѣятеленЪ, вступаетЪ вЪ сраженіе сЪ симЪ страшнымЪ высаднымЪ войскомЪ, убиваетЪ вЪ сраженіи 12,000 человѣкЪ, и 10,000 онаго принуждаетЪ броситься вЪ море. Сія побѣда перемѣняетЪ расположеніе какЪ ЕгиптянЪ, желающихЪ принадлежать первымЪ своимЪ обладателямЪ, такЪ и Оттоманской Порты, не желающей имѣть таковыхЪ сосѣдей своей имперіи, а наконецЪ и союзныхЪ державЪ, поклявшихся истребить республику. Бонапарте по связямЪ своимЪ вЪ ПарижѣЪ бывЪ увѣренЪ, что присутствіемЪ своимЪ можетЪ тамЪ получить для себя большія выгоды, нежели вЪ ЕгиптѣЪ, оставляетЪ Египетскую армію, садится на корабль сЪ частію своихЪ ШтабовЪ и ГенераловЪ, уклоняется при переѣздѣ отЪ поисковЪ Англійской эскадры, и 8 Октября выходитЪ на берегЪ вЪ ФрежюсЪ. По прошествіи осьми дней вступаетЪ торжественно вЪ ПарижЪ и помышляетЪ тайно сЪ министрами, Генералами и благомыслящими вЪ СовѣтахЪ о испровержении Директоріи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Революція 18 Блюмера.

Преобразователи Франціи, испровергая Директорію, хотѣли тѣмЪ отмстить за злодѣйства 18 Фруктидора. Сіе 18 число Фруктидора соотвѣтствуетЪ 9 Ноября 1799 года. ВЪ сей самый день, который

долго будетъ почитаться эпохою въ Французскихъ лѣтописяхъ, Совѣтъ Старѣйшинъ, созванный въ необыкновенное время, перенесъ Законодательное Собраніе въ Сен - Клу, и поручилъ Бонапарте исполнить опредѣленіе; что значило иначе политическое приказаніе спасти отечество.

Для вспоможенія въ столь важномъ предпріятіи сдѣлали его главноначальствующимъ надъ народною гвардіею и линейными войсками, находившимися въ столицѣ. Приготовленія къ революціи сдѣланы были ночью тайно. Бонапарте, при помощи Министра Полиціи и лучшихъ Генераловъ, уставилъ солдатами и пушками дороги и набережныя отъ заставы Пасси до звѣринца Сен - Клудскаго, потомъ началъ ожидать восхода солнечнаго для произведенія во Франціи новаго возмущенія.

Въ сіе время Директорія пребывала спокойно. Она такъ безразсудно полагалась на власть свою, что въ девять часовъ утра не знала еще о намѣреніяхъ Бонапарте, котораго хотѣла погубить въ Египтѣ, но который возвратился для уничтоженія оной.

Баррасъ, Гогье и Муленъ, увѣдомившись о предуготовляемыхъ движеніяхъ (два другіе Директора Сіесъ и Рожеръ-Дюко были въ заговорѣ съ Бонапарте) потребовали къ себѣ Генерала Лефевра, начальника штаба Парижской гвардіи; но сей отозвался, что онъ долженъ слушать приказаній одного

только Генерала Бонапарте. Слова сіи были громовымъ ударомъ для Тріумвировъ, кои съ ужасомъ узнали, что ихъ владычество прекращается. Баррасъ, будучи прозорливѣе прочихъ, вздумалъ чрезъ посредство одного своего повѣреннаго вступить съ Бонапарте въ переговоры для отвращенія бѣдствій, угрожавшихъ ему. Сей Генералъ далъ отвѣтъ, сообразный съ обстоятельствами. Здѣсь переписываются только подлинныя бумаги того времени, кои послужатъ для Исторіи источникомъ.

»Что сдѣлала Директорія изъ той Франціи, которую я оставилъ столь блистательною? Я оставилъ въ ней миръ, а нашелъ войну; оставилъ ей побѣды, а нашелъ бѣдствія; оставилъ милліоны, завоеванные въ Италіи, а нашелъ хищническіе законы и бѣдность. Куда дѣвались сто тысячь Французовъ, товарищей моей славы? Ихъ нѣтъ уже!»

Языкъ Бонапарте, показывавшій чувства его, былъ языкъ поразительной истины и для Законодательнаго Собранія и для Барраса. Когда ораторъ Совѣта Старѣйшинъ на каѳедрѣ сослался на конституцію, Бонапарте возразилъ съ жаромъ: »Конституція! Вы нарушили ее 18 Фруктидора, нарушили 22 Флореаля; нарушили 30 Преріала. Конституція! Всѣ стороны на нее ссылались, и всѣ нарушили оную. Она не можетъ служить намъ средствомъ къ благосостоянію, потому что никто уже ее не уважаетъ.»

Бонапарте былъ въ меньшей довѣренности у Совѣта Пятисотъ, который имѣлъ весьма шумное засѣданіе въ Оранжереѣ Сен-Клудской. Открылась тайна о испровержении Директоріи, и безчестные люди, придерживающіеся еще *Горы*, вооружились кинжалами для пораженія Бонапарте въ полномъ собраніи Сената.

Когда древніе производители ужаса весьма сильно взволновались противъ сей новой революціи, явился Бонапарте. Увидя его, со всѣхъ сторонъ въ залѣ закричали: смерть! Обвиняютъ его въ домогательствѣ Диктаторства и требуютъ лишить покровительства законовъ. Наступила бурная минута, когда жизнь Бонапарта была подвержена опасности: вдругъ одинъ изъ Генераловъ пробился сквозь недоброжелательную толпу, его окружавшую, и избавилъ отъ опасности.

Предсѣдателемъ Совѣта Пятисотъ былъ тогда Люсьенъ. Онъ осмѣлился защищать своего брата; но сильное его краснорѣчіе заглушено было революціонными насмѣшками и оскорбленіями. Тогда гренадеры являются въ средину возмущенія и уводятъ его изъ Оранжереи.

Весьма очевидно, что Совѣтъ уже не существовалъ. Генералъ, имѣющій смотрѣніе за порядкомъ среди сего разстройства, всходитъ на каѳедру и заставляетъ представителей, называвшихся еще депутатами народа, разойтися. Вопли еще болѣе усилились: трижды повторено приглашеніе

разойтись. По рѣшительномъ сопротивленіи представителей является вооруженная сила. Ударили къ сраженію, и Якобинцы, болѣе всѣхъ производившіе шумъ, опрометью бросаются въ двери или въ окна. Тогда замѣтили, что тайныя приказанія, данныя чиновниками только устрашать, были исполнены съ такою точностію, что ни одинъ изъ Депутатовъ не былъ совершенно раненъ: никто не смѣлъ преслѣдовать убѣгающихъ, и производившіе по ухищренію своему возмущеніе въ Парижѣ покрылись только безчестіемъ.

Въ вечеру, когда революціонное пламя совершенно прекратилось, благомыслящіе, а таковыхъ много было въ числѣ членовъ пяти сотъ, освободившись отъ возмутительныхъ товарищей, препятствовавшихъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, собрались съ Предсѣдателемъ въ пустую залу Оранжереи. Ихъ было много, и они могли для виду законнымъ порядкомъ разсуждать о опасностяхъ отечества. Послѣ разсужденія послѣдовало рѣшеніе единодушно: во всѣхъ статьяхъ согласились съ постановленіемъ Совѣта Старѣйшинъ и объявили, что Бонапарте оказалъ великую услугу отечеству.

Однако при всемъ томъ великой переворотъ, совершившійся въ Сен - Клу, казался непонятнымъ для любителей судебнаго порядка. При наступленіи бури четыре Директора подали въ отставку, а пятой отданъ былъ подъ присмотръ; но сія принуж-

денная отставка не доказывала еще совершенно, что уничтожился порядокъ вещей, учрежденный законоположеніемъ, которое исполнять клялась почти вся Франція. Тогда верховная власть оставалась въ совѣтахъ, и они съ великимъ благоразуміемъ исправили сей мнимый безпорядокъ. Весьма очевидно было, что Фруктидорскій день, произведенный возмутительными законами и шпыками для единаго похищенія властей, былъ причиною только долговременнаго междуцарствія; сверхъ того сіе междуцарствіе ознаменовало себя длинною цѣпію злодѣяній и поношеніемъ Французскаго оружія. Законодательное Собраніе по обстоятельномъ разсмотрѣніи узнало важность раны и постановило, что впредь не будетъ уже Директоріи. Сія жертва, принесенная народу, принята была съ восхищеніемъ въ столицѣ и департаментахъ; мудрость новаго правленія вскорѣ оправдала истинную справедливость учрежденія.

Какъ въ порядкѣ вещей, учреждаемомъ однимъ разумомъ, невозможно соблюсть всей осторожности; то и опредѣлили, что правленіе назначено будетъ на время, которому основаніемъ будетъ служить Французская республика, благоразумно сравненная съ республикою Римскою. По сему плану составили временное Законодательное Собраніе, раздѣленное на двѣ палаты, и консульство возлагалось на трехъ государственныхъ мужей, но съ неравными властя-

ми, дабы правленіе было твердо и благодѣтельно. Сія мысль была важна и пролагала путь къ учрежденію монархіи. Вотъ единственный образъ существованія политическаго, приличный великой Имперіи, гдѣ средоточная пружина должна быть чрезмѣрно дѣятельна, дабы изъ центра оживлять все окружающее оную.

И такъ Первый Консулъ долженствовалъ представлять лице Государя, и сія почесть была возложена на Бонапарте. Два прочіе Консулы были Сіесъ и Рожеръ-Дюко, безъ которыхъ прекрасный день 18 Брюмера никогда бы не возсіялъ на горизонтѣ республики.

Въ то время, какъ составляли сіе временное правленіе, буйные члены, бѣжавшіе изъ Сен-Клу, и останки *Горы* употребляли въ столицѣ происки для произведенія возмущенія и покоренія разстроенной Франціи подъ власть втораго Робеспьера. Консулы, обративъ вниманіе на торговлю, разстроенную сими вредными оборотами, по слабости своей воздвигли гоненіе на 34 буйныхъ представителей, между которыми находились Принцъ Карлъ Гессенскій, Американецъ Сантуа и осьмнадцать послѣдователей Марата, всѣ почти изъ прежняго Національнаго Собранія. Опредѣленіемъ повелѣно было отвести ихъ въ Ларошель. Но новое правленіе, основанное на гоненіи, показывало весьма нещастныя предзнаменованія. Консульство, наставленное народнымъ мнѣніемъ на здравый

разумъ, къ славѣ своей само перемѣнило свое опредѣленіе: сдѣлать враговъ своихъ свидѣтелями народнаго благоденствія показалось ему благороднѣе, нежели заставить проклинать оное; и посредствомъ измѣненія закона, заслужившаго всеобщее одобреніе, отдали только производителей ужаса подъ присмотръ.

Уничтоженіе ненавистнѣйшихъ Фруктидорскихъ законовъ, законовъ о принужденномъ займѣ и заложникахъ еще болѣе доказало мудрость новаго Правительства. Проводили претерпѣвшихъ кораблекрушеніе въ Кале вонъ изъ Франціи и уничтожили всѣ безумныя, безнравственныя узаконенія противъ священства.

Впрочемъ времянное правленіе, сколько ни показало себя благодѣтельнымъ, не могло продолжаться много времени въ великой Имперіи, не причинивъ въ оной нѣкоторыхъ безпокойствъ: оно по двадцати-пяти дневномъ существованіи прекратилось 13 Декабря. Въ сіе время успѣли предуготовить благоразумныя учрежденія новаго прочнаго порядка вещей и сіи уставы показались достойными просвѣщенія и благоразумной терпимости XVIII вѣка.

Консульство осталось съ новымъ неравнымъ раздѣленіемъ власти между членами онаго, такъ что первый Консулъ представлялъ власть исполнительную, а прочіе два имѣли только голоса совѣтодательные. Преобразовали непостоянное Законодательное

Собраніе, и учредили Сенатъ для сохраненія новаго порядка вещей, и Трибунство, которое бы, по примѣру Римскаго Трибунства, по крайней мѣрѣ представляло всегда систему сопротивленія, коль скоро государство будетъ въ опасности.

По учрежденіи законоположенія, подъ предлогомъ народной признательности, Бонапарте сдѣланъ Первымъ Консуломъ; ему дали въ помощники вторыхъ Консуловъ Министра Юстиціи Камбасереса и Депутата Лебрюна. Такимъ образомъ составленное консульство сохраняло совершеннѣйшую гармонію до самаго возшествія на Императорскій престолъ Наполеона (Бонапарте).

Въ новомъ законоположеніи не доставало учрежденія Государственнаго Совѣта, который бы умѣрялъ самовластіе въ исправленіи верховной воли: Бонапарте будто по скромности самъ учредилъ его, и, для виду, предоставилъ свободу въ разсужденіяхъ о государственныхъ дѣлахъ.

Въ сіе время Сенатъ по своему праву опредѣлилъ сто Трибуновъ и три ста членовъ, долженствующихъ составлять Законодательное Собраніе. Сіи два общества должны были вступить въ исправленіе должностей 1 Генваря 1800 года.

Во время сего политическаго преобразованія консульство издало множество узаконеній, клонящихся къ заживленію всѣхъ ранъ Франціи. Запечатлѣлись роковые спи-

ски о выходцахЪ, и уничтожили вЪ новомЪ календарѢ всѢ праздники, вымышленные республиканцами и поносные для чести Французовъ.

Оставалось только для утвержденія сего памятника мудрости принять свободному народу консульское правленіе. Законоположеніе о томЪ принято было всѢми департаментами, по видимому, единодушно. ИзЪ донесеній членовЪ видно, что 3,012,569 человѢкЪ одобрили оное, а отвергли только 1,500: тамЪ была допущена народная воля, гдѢ оная никогда не имѢла участія.

ТакимЪ образомЪ по учрежденіи новаго порядка вещей явилось торжественное объявленіе отЪ консульства, которое оканчивалось сими утѢшительными словами, глубоко напечатлѢвшимися вЪ памяти: *Французская революція подведена подЪ правила, слѢдовательно она прекратилась.*

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА НОВОЙ ИСТОРІИ.

Эпоха Пятнадцатая.

Шестая книга.

Конецъ Оглавленія Одиннадцатаго Тома.

